

Полина Граф

КНИГА 3

18+

ИНДИВИДУУМ

ЭКВИЛИБРИС

Полина Граф

Индивидуум

Серия «Эквилибрис», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69602191

Эквилибрис. Книга 3. Индивидуум:

ISBN 978-5-6048364-0-8

Аннотация

Мир «Эквилибриса» – мир вечной борьбы Света и Тьмы, и по иронии судьбы лишь это противостояние удерживает Вселенную от коллапса. Здесь сражения ведут звезды и планеты, а люди – лишь безвольные винтики в военной машине.

С возвращения Антареса на небеса прошло больше года, и за небесами зреет конфликт, каких не бывало целую эру. Но протекторы погрязли в рутине: Максимус постепенно учится жить в обличье полужезды, пока беспробудная Сара приходит ему во снах, прося о помощи. Фри в попытке понять свои новые силы вынуждена обратиться к забытому прошлому, а Стефан вспоминает, как работать в команде.

Казалось, хуже Антареса с Землей ничего не могло случиться. Но есть вещи, которых боятся по обе стороны эфира. С одной из таких протекторов и пришлось столкнуться.

И тогда Тьма протянула им руку помощи.

Содержание

13 первородных меток	5
Часть I	8
Глава I	9
Глава II	23
Глава III	41
Глава IV	51
Глава V	71
Глава VI	87
Глава VII	104
Глава VIII	123
Глава IX	145
Глава X	155
Глава XI	175
Глава XII	191
Глава XIII	198
Глава XIV	222
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Полина Граф

Эквилибрис. Книга

3. Индивидуум

© Полина Граф, 2023

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

Cover art © by Sylvia Bi, 2023

13 первородных меток

Метка	Металл	Благо
 Свет	Серебро	Порядок
 Тьма	Золото	Познание
 Пространство	Цинк	Справедливость
 Время	Ртуть	Решительность
 Разрушение	Свинец	Надежда
 Созидание	Олово	Храбрость
 Трансмутация	Бронза	Смирение
 Стазис	Платина	Преданность
 Жизнь	Медь	Стойкость
 Смерть	Железо	Искренность
 Добро	Некрон	Терпение
 Зло	Витам	Ясность
 Судьба	Деворар	Вера

*Nosce te ipsum*¹

...И тогда, в самом конце всего, когда не осталось ни Тьмы, ни Света, ни звезд, ни дэларов, даже пространства и времени, совершенно ничего кругом, Вселенная застыла в

¹ Познай самого себя (лат.).

последнем миге.

Душа спросила у Бесконечности:

– И только так возможен мир? И спокойствие?

Бесконечность тихо ответила ей, заполнив все, что сохранилось:

– Так возможна надежда.

– Но все пропало! – испугалась Душа. – Что теперь будет?!

– Будет конец. Будет начало. Будет новый Принципиум.

А за ним вернусь и я...

История 21: «И вечна ходьба по кругу».

«Сказания о взрывах и пыли»

Ты все еще рядом, не так ли? Преданно падаешь за мной в глухую бездну. Хотя откуда здесь взяться иной душе? Это лишь моя тюрьма, мой дальнейший путь, тут никогда не было посторонних, иначе...

Но я чувствую тебя. Я верю, что ты есть, и хочу молиться всем подряд, только бы это оказалось правдой.

Пропадешь ли ты со мной? Мой конец близок, но что касается тебя... Ты часть моего мира? Своего? Или нашего общего?

Замрут ли звезды в небесах, когда меня не станет?..

Мне бы хотелось поведать о героях, о подвигах, о смиренном альтруизме и дружбе. Обо всех идеалах, за которые мы

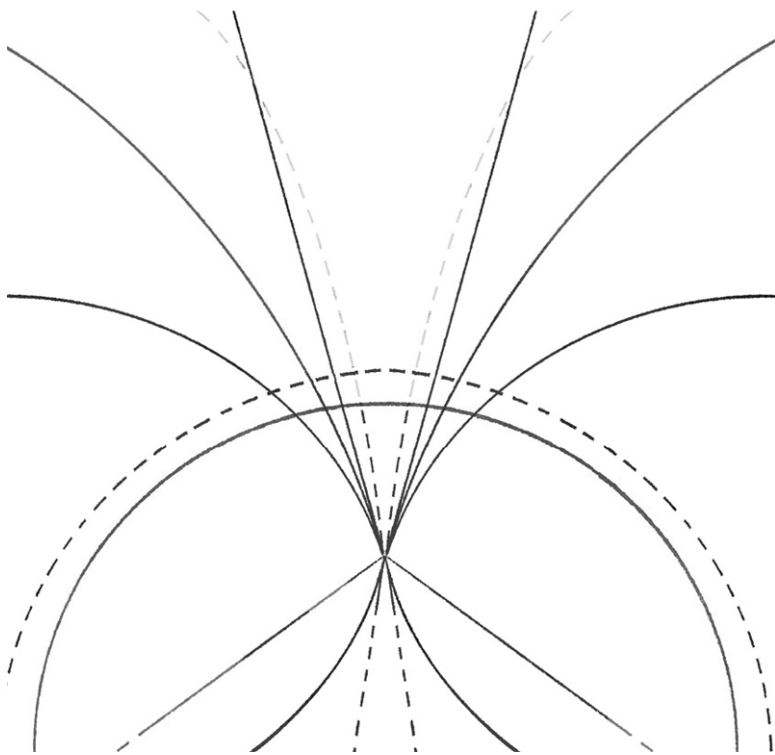
так рьяно цеплялись. Но не в этот раз. Тебе уже известно обо мне больше, чем кому-либо в моей жизни, – не это ли истинное доверие? Я передам тебе всего себя, до последней секунды жизни. Создам свой образ и разрушу его до основания. Уничтожу на твоих глазах тех, в кого сам верил и на кого надеялся. Все мы пали, и каждый по-своему. Надеюсь, однажды ты сможешь простить хоть кого-то, ведь этого не вышло даже у меня.

Я расскажу, кто положил начало краху, выставлю напоказ грехи, которые любой хотел бы спрятать, и предам доверие, что ты возложил на нас.

Я расскажу тебе все.

Часть I

И мы растворимся в забвении

Глава I

Я слышу ее голос

Небо сотряслось под вспышкой, тяжелым, будто бы утробным гудением, от которого задрожала земля. Я не в первый раз открывал глаза здесь, но никогда не помнил правильной дороги, хотя она оставалась неизменной.

Руки касались ржаных колосьев, запах гари не отступал ни на секунду, лишь усиливаясь и сдавливая грудь. Глаза устремились к небосводу. Он был полон сияния, совсем не похожего на угольную земную ночь, так привычную нам. Здесь же будто пролили ведра красок и звезд. Гигантские планеты белыми пятнами зависли на горизонте. Укутавшись в кольца, тела небесные в случайном горделивом порядке пересекали пространство, в котором паутиной вились тысячи и тысячи светящихся дорог. Столько возможностей и путей. Я мог бы уйти в бесконечность, навсегда раствориться в бессознательном. Обратиться в пыль. Но я упорно шел вперед сквозь ржаное поле, так идеально разместившееся в центре космической бездны.

Там высился маяк. Он казался намного больше и гротескнее, чем я помнил. Искривленный, как и все вокруг, затемненный на фоне ярчайшей Вселенной.

Я слышал всхлипы, хотя был еще недостаточно близко. Они дробили меня, отрывали от тела молекулы, будто удар-

ной волной. Само мироздание резонировало с этими звуками, им вторили и небо, и моя душа.

Куски земли откалывались вместе с колосьями, падали в пустоту, истлевая за секунды. А я продолжал идти, ни капли не боясь, словно от этого зависела жизнь. Сознание рвалось вперед, к маяку. Быстрее и быстрее.

– *Помоги мне...* – гудело вокруг.

Внутри маяка обитал сумрак, свет почти не проходил сквозь окна. Ступени скрипели под ногами, готовые рухнуть. Что-то цокало, стрекотало, взбиралось по лестнице вслед за мной. А там, на самом верху, – дверь и всхлипы за ней. Единственное место, где можно укрыться от неизвестных чудищ. И я врывался внутрь раз за разом и ощущал ледяной поток темноты. Она душила, поглощала. Затем дверь с грохотом закрывалась и стихали звуки. Я не мог сделать и вдоха, но отчаянно пытался. В этом холодном непроглядном мраке эхом разносился голос:

– *Помоги мне! Пожалуйста, поторопись!*

И так все время. Голос Сары. Надрывный, отчаянный. За последние полгода я видел этот сон не меньше десятка раз и никогда не мог отделаться от ощущения, что вокруг и вправду была ее душа: днем и ночью она преследовала меня, незримо окутывая дымом и золотыми колосьями. Чувство от попадания в чужой внутренний мир сложно с чем-то спутать. Сны не бывают настолько яркими и живыми и уж точно так хорошо не запоминаются.

– Оно идет!

И тогда я просыпался.

* * *

С тех пор как я впервые оказался в Соларуме, минуло уже почти два года. А в нынешнем состоянии полувезды, после долгих месяцев метаморфоз, я пребывал год с лишним и так до сих пор и не решил для себя, считать ли изменения в режиме сна хорошей способностью или же мешающей нормально жить. С одной стороны, я мог бодрствовать до недели – это здорово, появилась куча свободного времени. Но взамен приходилось отсыпаться два-три дня, чтобы полностью восстановиться. У нормальных звезд активный режим вообще может длиться месяцами, но и спать им необходимо значительно дольше, чем людям, так что мне, возможно, еще и повезло.

Я лежал в теплых одеялах и чувствовал себя разбитым, но вновь уснуть так и не удалось. Грядущие сутки я уже запланировал как время на отоспаться, поэтому бодрствовать, а уж тем более идти на охоту особо не хотелось. Обычно протекторы работали каждый день хотя бы на одном задании, ведь за неделю им устанавливали норматив по устранению сплитов. Иначе – выговор. А если все совсем было плохо – наказание на выбор действующего Смотрителя. Ребятам из рабочих отделов было проще: например, количество поле-

вых заданий у членов техотдела сокращалось на треть, чтобы те успевали и на благо Соларума поработать. Я тоже думал вступить в какой-нибудь отдел ради легальных прогулов, да вот как-то не сложилось. Потому старался выполнить все отведенные мне задания заранее и оставить себе пару дней на отдых.

Полежав еще немного, я предпринял титаническое усилие и поднялся. Вялый, заторможенный. Интересно, у всех эквилибрумов такое состояние с недосыпа? Или это только моя человеческая половина, из-за которой я натянул толстовку капюшоном вперед? Как поглядишь на этих заоблачников, так они всегда свежи и идеальны, будто уже канистру кофе навернули. Я таким явно не был. Даже когда снимал с себя подвеску.

Достав из тумбы мемориум, который когда-то на день рождения подарил мне Антарес, я, недолго думая, вытянул из глаза воспоминание о сне, а затем, накинув на плечи одеяло, вышел из комнаты и спустился на несколько пролетов вниз.

Тук-тук-тук.

Ничего.

Тогда я постучал снова.

За тяжелой дверью раздалось шуршание, словно находящийся внутри спешно что-то убирал, затем удар и снова шелест, только в этот раз намного громче. За ним последовало ворчание. Все это показалось мне странным – на каждой

двери в Соларуме стояла манипуляция тишины. Неужели не было времени даже восстановить ее, раз уж она развеялась?

– Да, что? – Дверь отворилась, и в проеме появилось смуглое лицо Ламии. Волосы распущены и спутаны в колтуны; она щурилась, пытаясь разглядеть меня в тусклом лунном свете, озарявшем лестничную площадку через небольшое окошко. – Макс? Что случилось?

Ламия надела очки, обычные, а не рабочие, и чуть шире приоткрыла дверь, на которой был начертан символ Близнецов.

– Прости, что разбудил, – глухо произнес я.

В Соларуме всегда была ночь, и угадывать распорядок дня товарищей для нас представлялось вечным развлечением. Одежда на ней оказалась не для сна: брюки, серая блуза, расстегнутый жилет. Но выглядела Ламия помятой, уставшей. Кроме того, я почувствовал исходящую из ее души тревожность, но списал все на рабочий аврал.

– Снова? – догадалась она.

Я неуверенно переступил с ноги на ногу:

– Ты сама сказала заходить в случае чего.

Она отошла от двери, пропуская меня внутрь. Я медленно двинулся вперед, стараясь ничего не задеть. Шнурки кроссовок волочились по полу.

Ламия явно не спала в нормальном понимании: на кровати громоздились стопки папок с бумагами, документы из одной были раскиданы по всему полу – вероятно, именно ее па-

дение я и слышал. Комнату окутывал полумрак, горела лишь настольная лампа, озаряя теплым светом книжные шкафы. Здесь, как и в вечно заваленной инструментами Манипуляционной, наблюдался рабочий кавардак: разложенные на полу инфоры, незаконченные уравнения с манипуляциями, приборы неизвестного мне назначения, – но во всем этом захламлении прослеживалась некая система. А вот стол абсолютно погряз в исписанных бумагах. Там, в углу, стояла большая желтая кружка с улыбающейся рожицей.

Задержав на ней взгляд, я приблизился к столу и коснулся бумаг.

– Что подделываешь?

Ламия подскочила ко мне, хлопнула пухлый черный блокнот с кучей закладок и, отложив его, начала раскидывать бумаги по стопкам.

– Да работа, как обычно, ты же знаешь, – с привычной торопливостью выдала она. – Может, сядешь?

– Не удивлюсь, если ты прямо тут и уснула. – Я кивнул на стол.

– По правде говоря, так оно и было, – усмехнулась Ламия, скидывая папки с кровати на пол, чтобы освободить мне место.

Я сел, продолжая оглядываться по сторонам. Когда только шел сюда, то дрожал как от озноба, но теперь внутри потеплело, снова клонило в сон.

– Я думала, ты ушел в спячку на пару дней, – сказала Ла-

мия.

Она резво заваривала чай. Сам чайник к розетке не подключался, просто стоял в круге манипуляции и от нее же заряжался. В Соларуме электричество не предусматривалось, так что приходилось выкручиваться.

– Да... – Я потер веки пальцами. – Не спал дней пять-шесть...

– Ты себя хорошо чувствуешь? Приступы больше не возвращались? Тебе сахар класть?

– Две ложки. Спасибо. А приступов уже полгода как нет. Я бы сказал.

– И верно, – хмыкнула Ламия, наливая кипяток в кружку. Руки у нее заметно подрагивали. – Но мало ли. Мне интересно твое состояние, обязательно говори, если вдруг снова что произойдет!

Речь ее казалась сбивчивее, чем обычно.

– Собственно, поэтому я и пришел. Но... скажи, у тебя все в порядке?

– Что? Да, превосходно. Просто немного переработала. Ну, ты понимаешь. Ладно, давай не затягивай и излагай, зачем явился, звездный мальчик.

Ламия протянула мне красную кружку, я взял ее, не боясь обжечься – все равно бы не вышло, – и стал уныло помещивать ложкой чай. Близнецы наблюдали, не торопила. Она давно привыкла, что мне нужно некоторое время, чтобы собраться с мыслями для важной беседы.

Лишь после того как Ламия взяла энерггласс и стилус для записей, я заговорил:

– Я слышал ее голос. Она вновь просила меня помочь.

– Но ты не видел ее? – уточнила протекторша, чиркнув по стеклу.

Я покачал головой, нахмурился.

– Я никогда ее не вижу. Словно она прячется. Но почему? Если я так ей нужен.

– Сара сказала что-то новое?

– Она сказала... – Меня передернуло, рука дрогнула, и чай чуть пролился на ковер. – Сказала, что *оно* приближается.

– Оно? – удивилась Ламия и начала быстро делать заметки в энергглассе.

Я наконец отпил. Ламия клала корицу в любое питье, поэтому от чая шел пряный аромат.

– Сара сказала, что нечто приближается и времени почти не осталось.

Меня пробирало отчаяние, руки тряслись. Ламия приблизилась ко мне и дружески похлопала по спине.

– Макс, ты же знаешь: мы все боимся за нее и работаем над решением проблемы.

– Но ты же веришь, что это не обычные сны? Не просто кошмар или...

– Разумеется, нет.

Она поправила очки и, взяв одну из папок, вытащила несколько исписанных листов.

– Я пытаюсь предположить, что за недуг поразил Сару. Но данные о ее состоянии разнятся. Оно необычно, это признают все – от Аданнай до эквилибрумов. Наш мир необъясним и загадочен, каждый день мы обнаруживаем что-то новое, не вписывающееся в общую систему. Но все наши открытия лишь подтверждают, что мироздание прекрасно и гармонично. И даже эти сны – часть идеально отлаженного вселенского механизма, раз они к тебе приходят. Что-то грядет. Мы скоро со всем разберемся, так или иначе. Как и всегда.

– Я должен ей помочь. Раз она зовет меня, это ведь что-то да значит. Меня убивает сама мысль, что я ничего не могу поделать. И даже не понимаю, что с ней происходит.

Ламия задумалась, отводя взгляд.

– Это очень опасно – копаться в травмированной душе. Но давай я попробую проверить пару теорий. Возможно, Сара не может вернуться просто потому, что нечто мешает ей.

– Что, например?

– Пока не знаю. Ввиду всего произошедшего и того, с чем или кем вы столкнулись у темницы Антареса, вероятно, об особенностях ее травмы могут судить лишь эквилибрумы.

– А звезды молчат.

– Как и всегда.

Я понурил голову от усталости.

– Я должен ей. Жизнью обязан.

Я обещал ей.

Ламия с досадой улыбнулась.

– Несмотря на то что этот мир изменчив, я рада, что мы, протекторы, можем быть уверены друг в друге. Молюсь, чтобы подобным образом оно и осталось. – Она вздохнула. – Знаешь, когда я только попала в Соларум, все было настолько новым, незнакомым. Не знаю, сохранились ли у тебя воспоминания о тех первых ощущениях, но мои были по-настоящему грандиозными. С трудом верилось во все происходящее, даже после вводных лекций и той презентации, с погружением в историю...

– Ее же не меняли уже тысячи лет, а все актуальна. – Я ухмыльнулся. – Помню, как испугался визуальных трюков, залезших в голову.

– Именно! – воодушевленно подхватила Ламия. – И ведь это был только кусочек этого мира! И мне так захотелось узнать о нем как можно больше! Чтобы ничто в нем меня не удивляло.

– Тебе не нравятся сюрпризы?

– Я не любитель неожиданностей, они могут принести что-то плохое. Мне хочется быть уверенной во всем. А когда я в чем-то не уверена, то не могу найти себе места. Потому исследовать тебя было чрезвычайно занятно. И с Сарой так же.

Ламия многое делала для меня уже немалое время. Вот и сейчас – смотрела своими темными глазами, ни капли сомнения, лишь волнение и горящий, неубиваемый интерес.

Из протекторов только Ламия и Стефан ведали о моем по-

лузвездном состоянии. От Близнецов ничего не укрыть. Ламия, с ее знаниями и остротой ума, была просто незаменима в изучении моей новой природы. Пришлось все рассказать ей почти сразу. Раз уж она не выдала наш поход к падшим за транзитом, то и здесь я вполне мог ей довериться. Несмотря на ее дикий восторг и вечные вопросы, протекторша понимала, когда следует остановиться, и держала всё в строжайшем секрете. Благодаря ей я пережил год обращения в полузвезду.

Сначала было ничего, даже удавалось вовремя выполнять пару заданий или прятаться при очередном приступе, когда из меня рвался Свет. В первые месяцы мы могли сдерживать боль. Но чем дальше, тем хуже. Меня в буквальном смысле ломало, я физически не мог выйти из комнаты. Перестраивалось всё, каждая клетка тела, от скелета до кончиков волос. Мышцы горели огнем, внутренности скручивало, меня без конца тошнило и выворачивало наизнанку. Создавалось ощущение, что оболочка отторгала собственные органы. Те видоизменились, и Ламия в поддержку дала мне почитать о внутренней анатомии заоблачников. Помню, на следующие сутки я ослеп на неделю, потому с чтением пришлось повременить. Зато после увидел мир как никогда четко. Ничто из моего нынешнего состояния не далось мне легко. Метаморфозы заняли несколько месяцев, проведенных в койке, в непрерывной боли, в жаркой комнате, воздух которой раскалился от моего тела, ведь по моим венам не прекра-

щал бежать горячий и сияющий голубым цветом светозарный огонь. Из-за термостойкости я не ощущал жара, но чувствовал, что задыхаюсь.

Фри и Дан постоянно пытались навестить меня, отвадить их было непросто. Ламия сочинила правдоподобную байку, что моя оболочка пыталась восстановиться после пребывания в ней осколков Антареса. Верховный Света в теле приземленного – как горящий уголек в бумажном пакете. Они этому поверили и оставили меня в покое. Протекторы и ассисты приносили для меня еду, хотя знали, что я к ней не притронусь. А вот Ламия находила препараты и создавала манипуляции, чтобы усмирить боль. Вне сомнений, она изучала меня из собственного любопытства, но вместе с тем испытывала искреннее сострадание.

– Все будет хорошо, – пообещала Ламия, когда я встал и поставил кружку на стол. – Правда. Я постараюсь в ближайшее время объединиться с Аданнаей и плотнее исследовать прецеденты состояний, схожих с травмой Сары.

Я заколебался. Мысли с трудом переворачивались в голове.

– Уже полтора года прошло, а она так и не очнулась. Я правда думаю, что это не просто сны.

– Вполне вероятно, что ты слышишь ее душу, – кивнула Ламия, – учитывая твои способности.

Оно-то меня и беспокоило. Я поежился, как от холода.

– Но раз так, значит, она в чудовищном отчаянии, если я

смог услышать ее прямо из своей комнаты.

– Мы разберемся со всем.

Я благодарно кивнул и уже собрался уходить, но Ламия остановила меня в дверях:

– погоди!

Она схватила меня за руку, чтобы задержать, но тут же отпрянула. Наверное, вспомнила, что я могу видеть души при касании. И винить ее в такой реакции было трудно. Мне лишь мельком открылись облака и растущие из них фонари, мерцавшие синим. Но еще я почувствовал стальной привкус волнения, жужжащей нервозности. Чувств, которые только сейчас проявились на лице Ламии.

Ее тревога гудела стаяй гадких мух.

– Макс... скажи... – Она замялась на пару секунд, а затем решительно вскинула на меня глаза. – Не мог бы ты мне помочь? Нужно кое-что проверить. Одну вещь. С нашими охранными системами. Просто тест проведем.

– Сейчас? А это никак не может подождать еще... ну... день? Я просто правда уже с ног валюсь.

Ламия обдумывала мои слова лишь мгновение, а затем выдала смешок и отмахнулась.

– А, правда, иди лучше спи, тебе нужно быстрее это сделать, чтобы успеть выспаться и не привлечь внимания протекторов. Я сама разберусь.

– Но я действительно хочу помочь, – искренне заявил я. – Если дело важное, то...

– Да пустяк, не бери в голову! Просто думала, что ты можешь составить компанию, а то одной скучно. Потом расскажу обязательно, как все прошло.

Я прикинул немного и только затем кивнул.

– Ну ладно. Но если что – отправляй сообщения.

– Обязательно, – улыбнулась она. – Доброй ночи тебе, Макс.

Глава II

Девияция

– Все, иди в место встречи. Ты барьеры закрепила?

– Да, – ответила Фри, задирая голову, чтобы как следует разглядеть прозрачную световую стену и красивые мерцания фонаря сквозь нее. – Все надежно.

– Супер! Тогда ничего не сломай себе по дороге.

Она красноречиво закатила глаза, да вот только собеседник на другом конце связи увидеть того не мог. А жаль.

Сегодня был ее последний день в роли Смотрительницы. Этот год знатно вымотал Фри, но она успела отдать последние распоряжения и не затянула со сдачей документов в канцелярию, что было событием нечастым. Оставалось время на приятную, ни к чему не обязывающую охоту в обществе друга, который уже завтра должен был взять на себя роль Смотрителя и выстрадать весь грядущий срок.

Быстро двигаясь между старыми ангарами, вдыхая тяжелый промышленный воздух и запах сырого щебня, Фри смотрела на последние лучи заходящего солнца. Те огненными пиками возносились над крышами пухлых и ржавых строений, прорывая мрачные облака. Ее сапоги давно замазались грязью, она уверенно прыгала по лужам и скользкой земле, на которой даже захудалого одуванчика не росло. Привычное щекочущее волнение перед охотой металось

в груди.

– А что еще успели сказать те адьюты, кроме того, что сплиты девиантны? – спросила Фри, заворачивая под тень шиферного настила между близстоящих зданий. – Перед тем как их... ну...

– *Превратили в то содержимое банки с тушенкой?* – без всякого зазрения совести уточнил Павел. – *Да ничего особенного. Времени же у них было с гулькин нос.*

– Сложно и непонятно.

– *Я думал, что тебе понравится задание,* – с насмешкой выдал он. – *Ты же любишь интересные случаи. Что может быть занимательнее, чем страшный-страшный враг?*

Фри натянула уголок рта в улыбке:

– Справедливо.

Она решила сократить путь. Перед ней образовалось жерло черного входа в здание. Бледные кирпичи могильного цвета потрескались, кое-где даже заплесневели. Грязные окна разбиты, заляпаны пылью и граффити. Строение высилось над Фри уродливой конструкцией с лестницами и дырами, покореженными трубами и ржавой крышей.

– *Сейчас начну подманивать их,* – сказал Павел, воодушевившись. – *Будет славно, если они окажутся хорошими мальчиками и появятся сразу, а не заставят нас ждать три часа. Скоро дождь. Такое себе удовольствие биться под ним.*

– Точно уверен, что нам не нужно было увеличить ради-

ус? Хватит ли места для сражения? – с сомнением спросила Фри, натягивая очки на глаза.

Орфостекло помогало видеть в холодной темноте здания.

– Все лучше, чем если они будут бегать по всей местности как ужаленные, так что загоним их внутрь барьера и добьем. Места хватит. Забыла, что ли, с кем работаешь?

Он басовито и раскатисто рассмеялся. Так солнечно, обнадеживающе. Навевало теплые воспоминания, когда Фри еще была неопытной ученицей, взволнованно хватающей каждое его слово.

– Ну да, ну да, как я посмела, – фыркнула она, скользя мимо разбитых ящиков и стальных, прикрученных к полу станков.

– Давай поднажми, иначе все только мне достанется!

Этого Фри допустить не могла. Она спешила по огромному пространству, черному и пустому, полному льдистого воздуха. Когда-то здесь дребезжали машины, рабочие носили стальные конструкции и перемещали огромные тяжелые ящики заводским краном. Теперь же все состарилось, нахмурилось, покрылось слоями коррозии, раскрошившегося бетона и стекла. Фри видела всё в бледно-сером свете очков, как и голубые и оранжевые пятна. Последних было больше. Значит, тут творились темные дела. Кто знает, как давно объявились эти сплиты? Аналитики в Соларуме предполагали, что за последний десяток лет здесь пропало душ тридцать; все проверки не подтверждали, что причина в сплитах,

а не в каком-нибудь новообразовавшемся маньяке. Пока тех несчастных адьютов не нашли в таком неприглядном виде, словно их перемололи огромные шестерни. Фри вздрогнула от неприятных образов, возникших в памяти. Ей резко стало холодно. Она сощурилась, ища глазами выход. Где-то там, позади строения, за массивными красными воротами находился Павел.²

Что-то громко и с лязгом стукнулось об пол. Фри подскочила, эхо ударной волной пробежало по ее телу. Она оглянулась в ледяную пустоту, но ничего не увидела. Только усохшие оранжевые пятна Тьмы, будто разводы краски.

Фри замерла, притихло даже сердце. Напряженно вслушиваясь и не шевелясь, она смотрела на катившуюся по полу вдаль стальную банку. Руки Фри медленно потянулись к одному из клинков. Лишь коснувшись гладкого верного эфеса, она почувствовала прилив уверенности.

«Я точно не могла задеть по пути», – подумалось ей.

Следом раздался пробирающий до костей рык. Словно кто-то завел бензопилу.

Ей не показалось. Ни черта не показалось.

Фри выхватила клинок и резко встала в оборонительную стойку, изо всех сил вглядываясь в открытое пространство.

«Да где же?!»

Сплитов должно быть видно через орфостекло! Где огромные оранжевые туши?!

² А это уж точно не была работа протекторов.

– Они здесь! – сквозь зубы сообщила она Павлу. – Сплиты *уже* внутри нашего круга!

– *Чего?! Где ты? Сколько их?* – ошеломленно воскликнул он.

Шаги. Тяжелые, липкие. В пустоте.

– Количество не знаю, – выдохнула она, кося глаза в сторону, чувствуя, как по спине пробежала капля ледяного пота. – Я в...

Что-то грузное с размаху ударило в живот, выбив воздух из легких. Фри пролетела кубарем добрый десяток метров, больно стучаясь при каждом повороте. Ее тряхнуло от столкновения со стеной, клинок и клипса связи потерялись по дороге. Перед глазами бились алые круги, Фри с трудом могла вдохнуть. Но было нужно действовать, немедленно. Стиснув челюсти, она приподнялась на дрожащих руках, подгоняемая долбящейся в голове паникой. Очки треснули, правый глаз видел размыто.

«Светлые звезды, неужели они невидимы?!»

Мысль вызывала дрожь в теле. Фри слышала байки о таких девиантных сплитах, но надеялась, что ей в жизни не попадутся столь изворотливые твари! По прошествии нескольких лет эти существа обретали странные и пакостные способности, отражающие мрачные стороны той личности, которой когда-то являлись. Покрытые броней – в прошлом нелюдимые или мизантропы, многоликие – гордые, лживые, эгоистичные. Ядовитые когда-то ранили других словами, ма-

нящие – страдали от одиночества. А что же до невидимых? Чем выделялись они, будучи людьми? Чем заслужили столь опасную для протектора девиацию?

Стоило рычанию вернуться, как сердце Фри снова застучало. Она не просто взяла – схватила себя в руки и бросила вперед световую бомбу.

Протекторша бежала прочь под яростный вой существ. Несомненно, свет их ранил и дал ей спасительные секунды. Вон он, выход. Сияет догорающим солнцем.

Ноги неслись так быстро, что она наверняка бы угодила в раскрытую пасть сплита, если бы не почувствовала гнилостное дыхание. Фри отскочила, наотмашь полоснув воздух вторым клинком. Существо завопило, на пол пролилась черная жижа.

Фри потянулась за другой бомбой и тут с ужасом поняла, что использовала единственную. Она попросту их забыла, хотя перед выходом прокручивала в голове список необходимого. Но что-то ее отвлекло. Опять.

«Глупая, глупая, бестолковая...»

Фри лихорадочно оборачивалась, твердой рукой сжимая оружие.

Что она вообще могла сделать в такой ситуации? Ослепленная, без манипуляций. Вечно полагающаяся лишь на холодное оружие. Она попробовала создать щит своей вживленной меткой, но и тот не сработал. Даже ее эфир не мог нормально действовать, когда надо!

Они окружили ее, Фри чувствовала это каждой клеткой тела, каждым волоском на затылке. Хрипели, сопели, рычали, подбирались. И испускали удушающую вонь, от которой слезились глаза.

Грудь Фри сжалась от отчаянной мысли. Она снова оказалась в беспомощном состоянии. Слабая и бесполезная.

Павла нет, вряд ли успеет. Хотя он смог бы помочь даже при таком раскладе... Фри терпеть не могла полагаться на кого-то другого. Но собственное бессилие ненавидела еще больше.

За мгновения до удара произошло странное. Фри ощутила тепло внутри груди, рук, головы. Она сморгнула, уставившись распахнутыми от ужаса глазами в пустоту, и вдруг увидела образ, через силу пробивающийся в реальность. Хрупкий, точно из стекла. Но монструозный, большой.

Он прыгнул.

Сердце ударило прямо в горле, Фри отдернула голову в сторону, сжалась и выставила вперед левую руку, вызывая манипуляционный круг.

Она не думала о метках, которые хотела собрать в манипуляцию. Фри вообще ни о чем не думала, особенно о том, что ей всегда удавалось управлять эфиром лишь с четвертой или пятой попытки. Создавать манипуляцию без формулы в голове – просто безумие. Но сверкнул фиолетовый свет, и диск сам собой собрался в образы.

Сплит обратился горящим вихрем еще в полете, обдав

Фри валом искр. Точно звезды в глухой ночи. Хлопок – и ни- чего.

Протекторша ошарашенно захлопала глазами, но передышка была недолгой: остальные сплиты возмущенно защелкали челюстями где-то за спиной. Она лишь крепче сжала клинок.

А затем все вокруг дрогнуло. Хорошо знакомая тяжесть проняла все тело Фри, в конечностях возникло покалывание и – легкий толчок, лишь случайно задевший протекторшу. Она потеряла равновесие и бухнулась на пол, в то время как пыль начала собираться в воздухе, закрипело об пол железо, зазвенели переворачивающиеся ящики с деталями.

Последних двух сплитов примагнитило к стене с такой силой, что их склизкие тела сплющивались. Фри едва видела противников из-за их прозрачности, но знала по опыту, что с ними сейчас происходит. Перед ее глазами пронеслась голубая молния и широкой дугой со свистом рассекла воздух. Раз, два. Точные сильные удары по центрам эфира существ.

Все закончилось, когда пепел с шипением посыпался на серый пол. Фри дрожала, с тупой бессознательностью уставившись на остатки сплитов.

Она бы так и просидела, но друг одной рукой легко поставил ее на ноги.

Только тогда она вздрогнула, будто очнулась, и посмотрела на Павла. Протектора-Тельца.

Он был здоровый, как ангар – хоть и ниже Дана, – с широ-

кими мощными плечами и нескладными большими руками, которые вместо перчаток перевязывал бинтами с оттисками целебных манипуляций – лечился от очередных ранений. Добродушное лицо совмещало в себе мягкость и угловатые черты. Павел был небритый, с выпирающими скулами и широким открытым лбом. Отросшие русые, практически мышиного цвета волосы он привычно завязывал в небольшой хвост на затылке. Еще одна примечательная деталь: у него был лишь один, правый, глаз, светло-карий, даже медовый. Под ним же – две небольшие родинки. Слева зияла впалая лунка, затянутая потемневшей кожей. Телец покалечил половину лица при несчастном случае со светозарным огнем. Щеку и ухо залечили, но восстановить глаз были не в силах даже эквилибрумы. Теперь же шрам молочно-кофейным пятном растекся от лба до подбородка, острыми линиями задевая уголок рта. Повязку для скрытия увечья Павел не носил – жаловался, что чешется.

Он казался крепким и сильным. А еще и вживленная метка внушительная – меняла силу и направление гравитации для любого предмета. Павла вполне можно было выставить как эталонного представителя их профессии, да вот только мнение о протекторах сложилось бы далеко не радужное.

– Черт бы их побрал! Едва-едва успел, да? – быстро выдал протектор, тревожно глядя на Фри единственным глазом.

Она рефлексивно кивнула, как в трансе. Руки все еще подрагивали.

Удостоверившись, что его бывшая ученица в порядке и даже имеет при себе все конечности, Павел выдохнул и растекся в привычной обнадеживающей усмешке.

– Ну ты дала, салага, как же тебя угораздило столкнуться с целой пачкой?

– Мы их не заметили, – Фри не узнала свой осипший голос, точно исходивший из ржавой трубы, – потому что их эфир был неразличим.

Павел вдумчиво приложил руку к подбородку.

– Насколько я помню, подобные редкие твари так могут недолгое время. Потянула бы еще, и они бы все как на подбор предстали.

Он держал свое оружие – алебарду из мерцающего серебра, больше напоминающую огромный скальпель с кучкой декоративных дырок в лезвии. Самым красивым в ней был острый и твердый голубой свет – продолжение острия, увеличивающее его в полтора раза.

Павел склонил голову к плечу и с сомнением нахмурился, рассматривая Фри. Девушка находилась в нетипичном для нее потрясении.

– Ты, похоже, смогла разобраться с одним. Я видел тот Свет. Наконец улучшаешь свои навыки в манипулировании? Успела сбить и заколоть?

Она снова кивнула, и тут протектор, развеяв оружие и погрузив их в полную тьму, подхватил Фри, словно плюшевую куклу, и несколько раз с радостным смехом покружил.

– Фантастика, Фри! – воскликнул он, выводя ее на улицу, к мигающему свету тусклых фонарей. – Я так рад за тебя! Ты же так долго об этом мечтала! Помню, мы трудились как проклятые – и ничего. А теперь? Теперь ты можешь отвлекать тварей всякий раз, когда этого захочешь! А не по случайности, как раньше. Да не бойся, я и тогда за подпаленную руку не злился.

Только она не отвлекала. Фри понимала, что уничтожила сплита одной лишь счастливой манипуляцией. Но сплиты редко от такого умирали. Эти мысли вызывали дрожь во всем ее теле.

Фри еще больше сникла. По лужам закапали первые капли мороси. Улыбка медленно гасла на губах восторженного Тельца, пока не превратилась в едва теплящийся огонек поддержки.

– Фри... – осторожно произнес он. – Если ты...

– Пойдем отсюда? – внезапной мольбой вырвалось у нее.

Павел замялся и почесал затылок.

– Я не уверен, что все сплиты уничтожены. Нужно проверить наверняка.

Павел заметил, что Фри очень уж остро переживала случившееся, а ведь ей доводилось выдерживать более страшные вещи – и хоть бы хны.

– Хотя! – поспешил ободрить он. – Я возьму это на себя. Мне всегда приятно работать с тобой, но сейчас тебе явно нужно передохнуть. И срочно. Это не предложение, я наста-

иваю. Как почти что Смотритель.

Фри впервые оторвала глаза от лужи и даже заставила себя распрямить плечи. Подрагивающими пальцами она опустила треснувшие очки на шею. Посмотрела на Павла – и ощутила желание выразить всю ту безмерную благодарность этому здоровяку, которой она была преисполнена с самого первого дня их знакомства. Если бы кто-то другой стал ее наставником, то каким же страшным оказалось бы ее будущее в мире Света и Тьмы. Павел заслуживал услышать хотя бы «спасибо». Но вместо этого Фри лишь покорно кивнула.

Дождь усиливался, капли стекали по ее лицу, сверкали в свете фонарей и окон. Фри торопливо пошла прочь от участка, огражденного забором. Оказавшись на безлюдной дороге меж старых жилых домов из темного кирпича, она наконец поняла, что осталась одна.

И ускорила шаг.

Протекторша обхватила себя за плечи, лихорадочно втягивая воздух. Ей было страшно, чертовски страшно, будто сплиты до сих пор кружили вокруг нее сжимающимся кольцом. Но все это глупости, ее тревожило другое. Последний год не твари превращали жизнь Фри в неясный кавардак. А нечто намного глубже и страшнее. Самое жуткое всегда то, чего не понимаешь, особенно если находится оно в тебе самой.

Фри остановилась посреди лужи, под шум усиливающегося дождя. Ее приковало к месту. Руки дрожали, протектор-

ша выставила их перед собой, в отчаянии глядя на фиолетовые искры, брызгами срывающиеся с пальцев.

Фри ломало от страха перед Светом, которого в ее жизни никогда не было, но теперь с каждым месяцем становилось все больше.

Как же чертовски больно было видеть радость на лице Павла, когда он узнал о ее успехах с манипуляциями. Фри корбило от понимания, что правда заставит его и остальных разочароваться в ней больше, чем обычно.

Бестолковая сломанная девочка.

Ветер выл сильнее, искры разгорались. Энергия вновь проснулась.

Яростно стонал гнущийся металл столбов, трещали стекла в окнах домов, сыпался шифер с крыш. Сирены автомобилей выли, а сами машины ходили ходуном. Некоторые из них начали ржаветь. Местами асфальт просыхал, а затем вновь заливался дождем. Зашумели желтеющие на глазах деревья, будто ход времени для них побежал иначе. Реки воды на земле превращались в волны.

Фри с затравленным ужасом глядела на сошедший с ума мир. Все вокруг металось из стороны в сторону, как и ее сознание.

Она побежала прочь, крепко сжав кулаки. Гул еще долго раздавался позади, и она не понимала, было ли то в действительности или только в голове.

Ввалившись в свою комнату и немедленно швырнув сырой мундир прямо на пол, Фри еще некоторое время прижималась спиной к двери и тяжело дышала, пытаясь собраться с мыслями. Только подняв глаза, она увидела у кровати ассиста. Бездумное существо было создано из Света и дыма и потому могло изменять плотность своего бледно-желтого тела. Ног не было, лишь обрывки мерцания; количество рук изменялось по необходимости. А вот вместо лица – сотни дрожащих граней, точно смотришь на расплывающиеся стороны бриллианта. Ассистов использовали для мелких черных работ: готовки, подачи еды, уборки. Существа молча поддерживали в порядке Соларум, а когда не были нужны, обитали в коридорах в форме шаров света, вокруг которых витали зеркальные осколки с их лиц.

Ассист как раз заканчивал заправлять постель Фри и даже не обернулся к ней. Девушка хмуро отворила дверь.

– Уходи.

Дух распрямился, испарил руки и рваным облаком покинул помещение. Фри гулко выдохнула.

Раньше она любила ставить на окно комнаты эфирную завесу заката, видимого из деревенского дома. Глядя на поле диких цветов, нежащихся в теплом угасающем свете, она понемногу забывала, что по ту сторону – лишь ночь и синий

лес Соларума.

Но теперь Фри редко возвращала тот вид. Ей и так хватало иллюзий в последнее время, а реальность отрезвляла. Хотя бы немного.

Она сидела, прислонившись спиной к кровати, посреди гор мягких подушек. Со стен смотрели маски, собранные с разных уголков света: глиняные, фарфоровые, деревянные. Улыбающиеся, корчащиеся, злящиеся. В углу – кресло и мешки с пряжей, много бессистемно связанных кусков, которые в целом даже не планировались как что-то завершенное и конкретное. Суккуленты были бережно расставлены на книжных полках, где подпитывались светом от специальных ламп. Гирлянда мигала над плазмой, которую Фри притащила сюда когда-то, чтобы играть в игры или смотреть фильмы. Редкие протекторы так себя развлекали, но ей нравилось идти в ногу со временем приземленных.

Фри переоделась в домашнюю толстовку и штаны, чуть пообсохла и уселась в обнимку с полосатой подушкой, откровенно уставившись в окно. Она не замечала ни леса, ни звезд.

Только черно-белый образ, раз за разом возвращающийся к ней.

Уже больше года Фри задавалась вопросом, почему ее эфир был все так же неуправляем, но теперь он смог проявить себя даже вопреки желанию. И стал настолько сильным, что ломал все кругом и даже убивал сплитов.

Фри крепко зажмурилась, уперлась лбом в подушку. В темноте она пыталась выловить ускользящее дымом воспоминание, все больше сокрушаясь о случившемся. Когда-то она уже так убила сплита. Но когда? Откуда этот образ, если вся ее жизнь до протекторства была стерта из памяти?

Друзья рассказывали, что однажды, много лет назад, сплиты нашли Фри раньше протекторов. И тогда она в попытке спастись выпустила из себя весь Свет, убила тварей, но вместе с резервами эфира уничтожила и воспоминания. Фри всегда в это верила, никогда не сомневалась. Но после тюрьмы Антареса все изменилось.

Протекторша потянулась к ящику комода, выудив оттуда перевязанный бечевкой блокнот. Она смотрела на него с давящей пустотой на душе, опустив плечи и потеряв всякое понимание, кто же она такая на самом деле.

После возвращения Антареса на небеса Фри с удивлением обнаружила, что кое-что вспомнила. Это казалось невероятным. Почему спустя столько лет? Может, не так проста ее история? Вдруг в прошлом спряталось что-то большее, чем этот вновь и вновь возвращающийся образ?

Фри открыла блокнот с записями, но рука предательски дрогнула, отчего все вложенные листы посыпались на ковер. С них смотрели десятки черно-белых глаз.

Сердце Фри трепетно сжималось всякий раз, когда она вспоминала эти странные, похожие и зеркально отраженные лица. Хранители, так они себя называли, да?

Она всегда помнила о них, но держала в самом дальнем уголке души, считая лишь страшным наваждением и кошмарным сном. Но вот ужасы ворвались в реальность. Фри окончательно вспомнила улыбки и пронзающий смех после событий с Антаресом и больше никогда не забывала. Хранители остались тем мостом, что связывал ее с прошлой жизнью. Они и были объяснением всего происходящего.

Хранители что-то с ней сделали, Фри была уверена в этом на все сто процентов, хоть и не знала, кем эти странные, вгоняющие в трепет сущности являлись. Подавшись вперед, она начала перебирать рисунки с лицами и образами. Она рисовала их всем подряд: углем, восковыми мелками, акрилом, который надолго застывал на пальцах. Фри пыталась запечатлеть воспоминания, страшась, что они могли вновь исчезнуть и забрать вместе с собой шанс получить ответы.

Хранители связаны с исчезновением ее памяти и со странными силами, которые теперь так яростно ее изводили. Откладывать их поиск больше нельзя. Могло стать слишком поздно. Сегодня она разнесла половину улицы. А завтра?..

Фри должна была найти этих чертовых черно-белых существ, где бы они ни были, кем бы ни являлись. И потребовать от них ответы на все. Видит Вселенная, это произойдет. Иного выхода Фри для себя не могла представить.

Только бы другие не узнали.

Фри заползла под кровать, прямо на кучу спрятанных от чужих глаз одеял. Там было безопасно... Она долго вслуши-

ввалась в тишину за дверь. Ее не покидал страх, что другие могли ее услышать. Те, ради кого Фри каждый день старалась, кого поддерживала. Друзья, и так наверняка считающие ее бестолковой. Девушка день за днем изо всех сил пыталась доказать им, что достойна быть протектором. Что она на равных с ними. Но теперь ее силы несли разрушения, а Фри по-прежнему не могла ими управлять.

Еще более бесполезная.

Еще более сломанная.

Вредящая и мешающая всем девочка.

Выждав достаточно долго, чтобы поверить в отсутствие кого-либо за дверь, Фри на всякий случай закрыла рот рукой. Она позволила всему внутри себя оборваться и наконец зарыдала. Яростно и некрасиво, в полном одиночестве. Так, чтобы никто не видел и никогда не предположил, что Фри на такое способна.

Глава III

Пора за работу

Стефана раздражало многое. Даже слишком многое. Но больше всего он терпеть не мог лес. Особенно если тот был не уютным и солнечно-зеленым, как на дешевых открытках, а мрачным, непроходимым и кривым в каждой своей ветке, что-то вполне в духе позднего Гойи, когда тот решительно заимел проблемы с головой. Протектор совершенно не разделял людских восторгов по поводу единения с природой. Не просто же так человечество ушло из этой самой природы и закатало себя в бетонные коробки? Значит, тому была веская причина, и Стефан видел ее в каждом торчащем корне и паутине, раскинувшейся на уровне лица. Он уже изгваздал обувь и недовольно ежился от мерзкой, холодной утренней погоды. Ночью тут прошел дождь, так что в чаще было даже гаже, чем обычно.

Стеф докуривал последние сигареты, только это еще хоть как-то помогало с испытаниями, которые он в данный момент терпел ради неведомо чего. Выбравшись на высокий холм, протектор шумно вздохнул и огляделся. Ладно, может, вид отдаленной чащобы под серым небом и долины, укутанной туманом, был слегка красивым. Именно что слегка. Тем более уже виднелась небольшая деревянная постройка в подлеске, что не могло не радовать.

Тут над самым ухом Стефана закаркала ворона. Он посмотрел на нее со всем возможным презрением.

– Да иди ты на хер, – процедил протектор, сунув руки в карманы куртки, и посеменял вниз.

Охотничий домик был все таким же, каким Стеф его и запомнил, – старый, облезлый, покрытый лишайником и мхом. Стены, окна и двери покосились, но тем не менее сооружение уверенно стояло на своем месте, вызывая чувство смутного родства.

Несколько раз постучав в дверь и не услышав ответа, Стефан раздраженно подергал ручку и попытался разглядеть хоть что-нибудь в темном, пыльном окне.

Он уже зажал в зубах новую сигарету, понимая, что ждать тут можно до посинения, как вдруг позади захрустели ветки.

– А ты не торопился, – не оборачиваясь, сказал Водолей, щелкнув зажигалкой.

Коул остановился в десятке метров от него, прямо посреди осин. Вид у протектора был паршивый и усталый. Он помолчал пару мгновений, после чего мрачно спросил:

– Опять?

На Змееносце были старая потертая темная куртка, стоптанные сапоги и прочая теплая одежда, в которой он ходил на охоту. На плече ружье, в руке Коул держал перевязанный комок перьев. Какие-то куропатки или иная живность, Стефан плохо в этом разбирался. Зато он прекрасно понимал, когда Коул недоволен, и сейчас был ровно тот самый редкий

момент. Темные круги под его глазами поражали насыщенным цветом, весь неопрятный вид кричал об одном: Змееносцу требовался отпуск. И срочно.

Но заслуженные каникулы протекторам могли только сниться.

Стефан кивнул.

– Нам нужен Смотритель. Сам знаешь, когда законный главарь выпадает из строя, на его место встает самый старший из Тринадцати. Тисус, как всегда, ушел в отказ. Так что пакуй портки, и пошли.

– А что случилось с Павлом? – нахмурился Коул. – Сейчас очередь Тельца.

– Угадай.

– Опять в Лазарете?

– У него определенно есть талант по дурости ломать себе все кости на заданиях.

Змееносец крепко зажмурился и смиренно выдохнул. Возможно, даже считал до десяти, чтоб успокоиться. Стефа изумляло, как же старательно Коул пытался сохранить внутреннее равновесие. То медитации и увлечения всякой китайской белибердой, то вот эти специфичные выходы на охоту. Коул упорно раз в несколько месяцев совершал паломничество на свой родной Туманный Альбион, только чтоб неделю-полторы посидеть в гниющей хибаре и пострелять по местной фауне.

Но Стеф был последним, кто мог обвинять Змееносца

хоть в чем-то. Он спокойно подождал, пока тот подойдет ближе.

– Ладно, – процедил Коул, свешивая с себя ружье. – Ладно.

Он достал ключ и повернул его в скважине. Как и обычно, на его правой руке была перчатка. Стефан за все годы так и не понял, на кой черт Змееносец ее носит. Ни разу без нее не появлялся. Многие затейливо шептались, что его кисть изуродована то ли в бою, то ли манипуляцией. В целом Стефа устраивало и неведение. Он прислонился к стене, а когда дверь открылась, поморщился от резкого смрада гниения.

– О Мадонна, кто тут у тебя сдох?!

Если бы не постоянные встречи с вонючими сплитами, Стефу было бы сложно даже глаза разомкнуть от запаха. Но он послушно проследовал вслед за Коулом в темное нутро домика.

– Дичь сгнила, – пожал плечами Змееносец, бросая птиц на стол и открывая окно, чтобы проветрить. – В прошлый раз я не успел ее забрать – меня выдернули в предпоследний день отпуска. Позавчера вернулся и сразу же всё убрал.

Стефану хотелось уточнить, какого исполинского медведя Коул завалил, чтоб воняло настолько сильно, но не успел.

– Местная котловина стала больше, – сообщил ему Змееносец, включая тусклую лампочку под потолком. – Продвинулась на километр к северо-западу.

– Пора бы ею уже заняться, – ответил Стефан, оглядывая

пыльную деревянную мебель.

– Пока рано. Она спокойная.

– Ну как знаешь, ты у нас *Смотритель*.

Коул раздраженно сверкнул глазами. Стефан в ответ усмехнулся и подобрал банку, чтоб стряхивать в нее пепел. В конце концов Змееносец сам достал трубку – простые сигареты он считал баловством.

– Хочу заметить, что ты стал результативнее в охоте, – вдруг сказал Змееносец, поджигая табак. – Все еще отстаешь по графикам, но Тьму определенно вычищаешь лучше. Тому есть причина?

Стефан хмуро скосил глаза.

– Да в команде проще работать.

Он сам не верил, что говорил такое. Как и до сих пор не мог принять простого факта: теперь есть люди, которым на него не плевать и которые не против его присутствия. Это вызывало странные смешанные чувства. С одной стороны, теплые, но с другой... Стефан знал, что не заслужил того. Но после дела с Антаресом искренне пытался убедить себя в обратном, пускай и выходило с переменным успехом.

Коул улыбнулся, сев за стол.

– Я рад, что ты вновь в строю. Тот случай на базе падших тебя знатно подкосил.

Рука Стефа дрогнула. В воспоминаниях прозвучали выстрелы, и густая черная вина вновь захлестнула протектора.

– Спасибо, что поддерживал все это время, – произнес

Стефан после недолгого молчания. – Было действительно погано.

– Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

Коул сидел прямо и спокойно. Ни капли осуждения. Преисполненный благородства человек в мрачной, воняющей хибаре, которая не разваливалась по чистой случайности. Он был почти единственным, кто не презирал Стефана за преступление. Убийство десяти приземленных и двух протекторов. Все знали, что Стеф сделал это из паники и страха, оттого случившееся выглядело еще более омерзительным и ужасным, особенно для него самого. Тот момент, когда почти наступило пять минут седьмого... Ужас перед смертью сковал разум. Позволил падшим его обмануть. Им удалось убедить Стефа, что все те несчастные – сплиты. Вина и ненависть к собственной слабости пожирала его до сих пор.

Если бы не Коул, то Стефана уже давно бы казнили за убийство. Лишь Змееносец, который тогда и был Смотрителем, отбил его у протекторов и эквилибрумов. Стефан не хотел вспоминать черное время после суда, заполненное отчаянием и самоуничижением. Тогда он решил, что обязан понести наказание так или иначе. И если протекторы не довели дело до конца, то прекрасно справился бы сам.

– И все-таки... – вдруг сказал Стефан, помедлив. – Белый сплит там был. В первой комнате.

Он не возвращался к этой теме годами, поклялся никогда не вспоминать. Стеф полагал, что спустя столько времени

Коул окажется куда более открытым к обсуждению, но тот решительно закачал головой:

– Мы уже много раз обсуждали и проверяли. Белых сплитов не бывает. Особенно тех, которые умирают от мрачного золота. То, что ты помнишь, вызвано помутнением рассудка. Эквилибрумы называют такую память *фантасмеморией* – ложными воспоминаниями. И обследования в Соларуме подтвердили, что это она и есть. Лишь Тьма способна захватывать души людей, она – зло. Но не Свет. Поэтому существуют лишь люмен-протекторы, а не тенебра-протекторы.

– Но...

– Стефан, отпусти это! Ты не понимаешь, что, копаясь в прошлом, лишь вредишь самому себе? Произошедшее тогда – безусловная, ужасная трагедия. Но ты такая же жертва, как и те люди. Не вини себя, но и не ищи более сложного оправдания, чем обман падших.

Стеф потрясенно смотрел на Змееносца, тот серьезно глядел в ответ.

– Смирись и живи, – надавил протектор, выдыхая дым. – Как и все остальные. А мы поддержим. Только не погружайся обратно во мрак.

Водолею вдруг показалось, что подобный разговор у них уже был, еще до убийства невинных. Когда Стефан, еще новичок, не хотел мириться с ужасом протекторства и пытался сбежать к падшим. Тогда, дрожа от страха, он сидел на кладбище, где среди надгробий его семьи стояла плита с именем

Стефа. Как же давно это было... и насколько же другим человеком он тогда являлся...

Коул каким-то образом выследил Стефа в тот день. И увел его назад в Соларум. Возможно, Змееносец догадывался, что тот замыслил бежать, но ни словом не обмолвился. Они тогда мало общались, поэтому Стефу было странно услышать от Коула предложение помощи. Он с самого начала казался ему важным расфуфыренным выскочкой, слишком занятым и холодным, чтобы разбираться с чужими мелкими проблемами. Но Коул всегда считал, что поддержка протекторами друг друга – обязанность ничуть не менее важная, чем спасение человеческих душ.

В итоге все вышло так, что Коул стал Стефу наставником даже большим, чем надоедливый Дан.

– А что помогло тебе? – спросил Водолей. – Когда твой сын умер. Или когда ты понял, что с семьей тебе больше не быть.

Стефан не хотел поддеть друга. Но он считал справедливым затронуть столь болезненную тему в ответ. Коул никак не отреагировал на вопрос. Лишь задумчиво смотрел в окно и дымил.

Стеф уже давно знал о прошлом Змееносца, хотя тот не спешил делиться пережитым с другими. В день рождения Стефана, когда ему стукнуло пятьдесят, Коул раскрыл ему эту часть своей жизни. После небольшого потрясения Коул предположил, что его «юному» другу надо выпить. Они

сидели в баре, Стеф пытался надраться, лишь бы забыть все случившееся, и ныл невозмутимому Коулу про свою тупость. В конце концов тема зашла про «человеческие радости, недоступные протекторам». Тогда-то Змееносец и показал короткую запись отражения, сделанную на энергласе. Выглядело странно. Записи шестнадцатого века. Двойняшки – мальчик и девочка лет четырех. И их мать – жена Коула – улыбалась, глядя на детей. Невысокая девушка с темными волосами. На ее лице еще оставался отпечаток милоты, все остальное погребла утомленность. Коулу было двадцать пять, когда он стал люмен-протектором. И примечательно не только то, что он уже был женат. Дети у протекторов – дело не просто редкое, а уникальное. Вполне милая семья, как казалось Стефану – до того момента, пока Коул без хоть какого-то выражения на лице не рассказал о судьбе сына. С тех пор его никогда не удивляло молчание Коула о семье – подробности и вправду знали лишь единицы в Соларуме. Стефану не хотелось представлять, каково это: так сильно пережить собственное потомство и быть повинным в смерти одного из него.

Вот и сейчас, столько лет спустя, Коула по-прежнему преследовали призраки прошлого. Стефан твердо знал это, ведь был таким же. Все они были такими. Сожалевающими об ошибках былого.

– Мне помогла вера, – наконец ответил Змееносец. – Я заставил себя поверить в то, что делаю этот мир лучше для

них и для миллионов таких же, как они. Всеми силами.

Стеф кивнул.

– Значит, смотрим на будущее позитивнее, – кисло выдал он. – Отлично.

Коул начал сгружать пожитки в сумку. В отдельный мешок закинул и дичь. Куда она девалась потом – Стефан не ведал, но искренне надеялся, что в общей столовой ее не подавали.

– Хороший настрой нам необходим, – обронил Змеено-сец. – Особенно теперь. Что-то грядет.

– В плане? – Стеф вопросительно уставился на товарища, пока тот выходил обратно на улицу.

– Предчувствие. Слишком тихо и спокойно в последнее время.

Коул вздохнул и двинулся прочь, в сторону ближайшего транзитного круга. Он шел через белые полевые цветы. Лучи, продравшиеся сквозь облака, золотом омывали его и нити тумана.

– Одно точно можно предсказать. От небес ничего хорошего ждать нельзя.

Вот в этом Стефан был с ним полностью согласен.

Глава IV

Смирение с уродством

В ту ночь небо казалось спокойным, даже ярким. Облака только-только начали собираться. Через орфостекло окуляра я видел вверху множество голубых и оранжевых точек светлых и темных небесных тел. Где-то вдали золотом сияли фонари. На нашей же стороне было заметно темнее. Воздух был холоден и свеж, я дышал полной грудью. Стоящий рядом Дан не высовывался из тени дерева, для чего сильно согнулся при его внушительном росте.

Я многозначительно вздохнул раз эдак в десятый, но протектор упорно не замечал моего раздражения, потому пришлось намекать очевиднее.

– Напомни еще раз, почему мы не пошли туда все вместе и теперь в три часа ночи сидим в кустах?

– Потому что Желторотый проигрался, – невозмутимо ответил Дан, не отрывая взгляда от далекого мрачного проема между зданиями.

– А такое чувство, что наоборот. Вот на кой черт вы снова начали соревноваться? И так по пять вызовов на дню, но нет, надо же растянуть время. Мы бы уже со всем разобрались, если бы пошли с ними, вместо того чтобы прикидываться бомжами.

– Я не думаю, что приземленные видят нас как бездом-

ных. — Дан выдал лукавую улыбку. — Может, им чудятся ночные птицы. Соловьи или козодои.

— Да, с последним у тебя бесспорное сходство.

Тот день выдался несказанно долгим. Часовой пояс был пересечен не меньше шести раз, я даже сомневался, что все еще тянутся те сутки, в которые мы вышли на зачистку по нескольким заданиям. Стоял конец мая, а протекторов и адьютов перед летом любили гонять по заданиям сверх меры. Нет, дело определено благое: выискивать новые области Тьмы, устранять сплитов, спасти человеческие души от члустей темных монстров. Но нервы уже порядком сдавали.

Дан последние полдня не прекращал жевать капсулы, отбивающие сон. Мы в шутку звали их «кофеиновыми», но вряд ли там содержался хоть грамм чего-то натурального. Дан так и норовил задремать. Думаю, он выработал к препарату иммунитет. На той неделе, когда у нас была более долгая и ужасная охота, протектор практически только им и питался, а его организм еще умудрялся выделять из этого углеводы для поддержания жизни. Дан сквозил привычной манерностью и аккуратностью, чего у него было не отнять, но все равно заметно поблек. На его фоне я и подавно хуже смотрелся.

Но на сегодня это было последним и самым тягомотным заданием. Мы часов пять таскались по окраинам Брюсселя, вне сомнений прекрасного города, на достопримечательности и завораживающую архитектуру которого нам всем ока-

залось глубоко плевать. Мы были злы с недосыпа, голодны и явно воняли как помойки и экстравагантные закутки, по которым лазали в поисках сплита. Эта тварь уже неделю попадала в поле зрения индикаторов, но не камер и весело и даже играючи сожрала уже троих приземленных. Именно из-за сложности поиска сюда послали сразу трех протекторов.

– Чего мы вообще ждем? – буркнул я.

– Сигнала.

Я уже хотел было вновь заворчать, как вдруг раздался шорох, сменившийся знакомым монструозным ревом. А затем из темного проема, издав громкое ругательство, пушечным ядром вылетело темно-синее пятно, на всей скорости рухнуло в соседние кусты.

– ... мать! – услышали мы окончание озлобленной фразы.

– Это можно считать за сигнал? – тактично осведомился я, беря лук наизготовку.

В Дане уже заиграл азарт битвы, он сотворил шпагу и грациозно выскочил на тротуар. Я же помог Стефану встать на ноги.

– Ты прав был, – сквозь зубы процедил он мне, стряхивая листья с волос. – Канализация, эта гнида там ползала.

– Долго же ты там бродил, – заметил Дан, – никак видами наслаждался?

– Да, зашел поздороваться с твоей...

– Да Света ради! – разозлился я. – Давайте закругляться.

Стеф фыркнул, и, словно ему в ответ, из темного про-

ема донеслось рычание. По позвоночнику точно рой насекомых пробежал. Потянуло гнилью, и пахло вовсе не от нас. В бледном свете фонарей показалось уродливое склизкое тело сплита. Сначала передние лапы – с длинными узкими пальцами и острыми когтями, затем непропорционально огромная голова с частоколом неровных тонких клыков. Все сплиты точно улыбались своей жертве, но маслянистые глаза горели злобой и голодом. Поджарое тело уродливо: шипы от макушки до кончика длинного хвоста, шесть гибких лап, длина в два с половиной метра – и всё из темной гнили.

Никто не хочет встретить подобное в ночном проулке. Будь я обычным человеком, вообще бы из дома не вылезал и принимал успокоительные до скончания дней своих, при этом не забывая оставлять свет на ночь. Но сплиты стали привычны, обыденны и давно не пугали так сильно. Хотя волноваться все равно стоило. Эту тварь манил Свет наших душ, и она явно настроилась разорвать хоть кого-то.

Я не дал ей такого шанса – быстро пустил разрывную стрелу. Тетива щелкнула, снаряд угодил прямо в лапу и взорвался мелкой серебряной шрапнелью, оставив тварь без передней конечности и доброго куса грудины. Монстр завизжал, да так, что даже у меня свело желудок. К этому звуку привыкнуть было труднее всего.

И тут сплит рванул назад. Я ожидал, что моя стрела серебром выжжет центр эфира в груди, и всё! Но сегодня явно был не мой день.

– У тебя руки из задницы растут?! – возмутился Стеф.

Он ринулся вперед, на ходу вставляя небольшую сферу с желтым светозарным огнем в пистолет.

Я и Дан побежали следом, в проход, который осветила яркая огненная вспышка. Сплит хотел шмыгнуть обратно под землю, но Стеф шмальнул настолько сильной концентрацией огня, что весь заряд мигом опустел. Пылающий желтый шар перебросил монстра через темный люк и впечатал в противоположную стену. словно не почувствовав боли, тварь мигом поднялась и встала на дыбы, злостно рыча и разбрасывая искры. Так она выглядела особенно внушительно, точно лавина, готовая похоронить нас под собой. Воняло страшно, глаза заслезились. Гарь и гниль черными шматками спадали на землю и шипя сгорали, превращаясь в пепел.

Стефан выставил пистолет и всадил монстру три пули в грудь. Благодаря долгим годам практики он был невероятно метким, немногие протекторы пользовались огнестрелом как основным оружием – слишком маленькие снаряды и слишком огромные изворотливые враги с редкими уязвимыми местами на теле.

Визг тут же оборвался. Сплит пошатнулся на разваливающихся конечностях. Пламя трещало, дожирая его плоть. Пока монстр испарялся, мы с Даном встали рядом со Стефом, прямо возле темной дыры люка. Протектор обернулся и, указав на нас пальцем, прошипел сквозь зубы:

– Я не для того там мотался, чтобы эта дрянь вновь сва-

лила в свои чертовы тоннели!

– Да брось, отлично же сработались. – Дан вздохнул так, словно именно он выполнил основную часть работы. – Если бы не я, мы бы...

– Что «мы бы»? – уточнил Стеф, едко прищурившись. – До сих пор таскались в австралийской пустыне после предыдущего задания, потому что ты якобы помнил путь?! Мы бы там с голоду начали кенгуру всырую жрать!

– Зато экзотичная кухня. – Я пожал плечами, убирая лук.

– Экзотичные здесь только твои навыки стрельбы! Это что вообще за хрень была?!

– Не кати на меня бочку, я попал! – обозлился я.

– Ты попал, если только целью было сделать сплита инвалидом на пару к Дану!

Тут даже Дан нахмурился.

– Смею не согласиться, что касается моих физических параметров...

– Физических? Ты инвалид умственный, смирись и замолкни.

От усталости Стефан закрыл лицо ладонями.

– Пусть этот день уже закончится. Мне нужны кофе и душ. – Он подумал секунду, а затем добавил: – Можно даже совместить.

Неожиданно из круглой дыры рядом с нами донесся глухой и далекий рык.

Мы резко обернулись, а затем тупо уставились друг на

друга.

– Ну их к черту, я туда больше не полезу! – Стеф отступил, скидывая руки.

– Эй, секунду, – возмутился я, указывая на дыру. – Это твой косяк, ты нашел только одного сплита, а там другие!

– Может, это аллигатор.

– В канализации?

– Тогда выхухоль подземная! Я вам, блин, не зоолог, сами спускайтесь и проверяйте.

– Зато национальность правильная! Прыгай в гребаный люк, Марио!

Дан отряхнул мундир и хмыкнул:

– Ладно, Макс, наша трепетная спутница слишком брезглива, чтобы признать поражение и еще раз замарать свои нежные бледные ручки.

– Сказал тот, кто себе маникюр делал, – с вкрадчивым раздражением напомнил Стеф.

– Смейся-смейся. Я не виноват, что гигиена у всех рожденных за последнюю сотню лет мужчин атрофировалась, – как ни в чем не бывало улыбнулся Дан и повернулся ко мне: – Времени не остается, они могут уйти. Нам пора решить, кто ползет в сырые и беспросветные тоннели, путем честного поединка.

Короче, я успешно продул им в «Камень, ножницы, бумага» и со страдальческим видом полез в люк. В ту минуту я абсолютно и полностью ненавидел всю свою жизнь.

– Действуй по обстановке! – Голос Дана эхом отражался в узком пространстве. – Выведи их наружу. Но желательно сам разберись с ними!

– Только попробуйте закрыть крышку, – проворчал я, спускаясь.

Стоило ли удивляться, когда та с тяжелым стальным звуком зашуршала над головой. К счастью, им хватило мозгов не ставить ее на место, а всего лишь подразнить мои нервы.

Поначалу я задерживал дыхание, но как только прыгнул вниз, понял, что зря это делал: воздух хоть и казался застойным, но не изобиловал чем-то выдающимся. Тем не менее ползать по бельгийским коллекторам в воскресный день не было пределом мечтаний. Я зажег фонарь-солнце, который послушно следовал за мной по круглому тоннелю. Стены из кирпича, старые, покрытые плесенью. Я шел по сухой дорожке, рядом в ложбинке протекал тонкий мутный ручей. В руке все еще был лук. Оружие ближнего боя я так и не освоил, хотя со стрельбой меня натаскивали. Я и до этого неплохо луком владел, но протекторы сочли, что нет предела совершенству. Стоило мне отойти от болезни, как Фри, Дан, да даже Коул стали ежедневно пинать меня, не давая отдыха, пока мои навыки не начали напоминать выступления в цирке – от выпуска нескольких стрел за раз до выстрелов в прыжке. А еще бег, отжимания, ушибы на тренировке с мечами и прочее. Они так меня выматывали, что я в тренировочном зале и засыпал, прямо на матах. Помимо этого,

я не переставал много читать и изучать мир Эквилибриса, занимался манипулированием и в качестве досуга вникал в основы летной техники заоблачников. Уж очень меня эта тема манила.

Но ко всему прочему прилагались и иные тренировки, о причине которых знали лишь единицы. Давали они мало, по моему скромному мнению. Это были упражнения, в которых я пытался понять себя и свое звездное «я». Впрочем, оно и без тренировок сделало меня таким выносливым, непробиваемым, во много раз улучшило зрение, добавляя меткости.

Вероятно, по этой причине Стеф так легко отпустил меня одного в эти темные тоннели, ведь он практически единственный знал, *кто я* и что мне будет сложно умереть от каких-то сплитов. А может, он просто моральный урод, что отчасти тоже было верно. Дан вот до сих пор не знал обо мне. Как и Фри, и еще множество моих приятелей и знакомых. Я держал всё в секрете из-за инстинкта самосохранения. Что знает одна душа – могут узнать сотни других. Мало ли что произойдет, когда в недобрые руки попадет информация, что у Антареса Непогасимого есть сын.

Я шел с напыленным на глаз окуляром, пытаюсь вычислить правильный путь по оранжевым следам Тьмы. Вот только они тут были везде, на развилке мне пришлось выбирать случайную дорогу. Впереди темнело жерло тоннеля.

Стоило пройти еще немного, как из него раздался рев сплитов. Сердце подскочило к горлу, настолько это было рез-

ко и неожиданно. Орало несколько глоток, и в этом тоннеле, где каждый шорох эхом уходил в неведомые дали, их клич мог ужаснуть даже бывшего протектора. Я попятился, устанавливая разрывную стрелу. Рычание доносилось откуда-то из развилки, просматривающихся впереди, в тусклом свете, падающем из уличных сливов, решетки которых виднелись на потолке. Несмотря на стянутые узлом органы, я прытко двинулся вперед. Нельзя замирать надолго, чем дольше тянешь – тем труднее сделать шаг.

Вой тем временем не иссякал. Поняв, в какой из проходов двигаться, я ускорился. А затем все стихло, слышались лишь мои хлюпающие шаги. Фонарь отбрасывал длинную тень. Остановившись и переведя дух, я осмотрелся. После увидел, как возле поворота вода подернулась рябью. Что-то заскрежетало о стены. Я взял лук покрепче и увидел гигантскую тварь. Мне думалось, что она будет черной и склизкой, но нет же. Это был монстр, покрытый тяжелыми костяными пластинами. Старый девиантный сплит. Таких мы звали «танками». Он заметил меня, но я немедля выпустил стрелу. Та взорвалась, грохот пронесся по круглому коридору. От заряда лишь потрескались несколько пластин брони да отвалился здоровый кусок стены. Кирпичи падали с громким стуком. Сплит даже не задумался – еще не сошла дымовая завеса, а монстр уже с ревом бросился на меня. Я отпрыгнул назад, уворачиваясь от капкана адских челюстей, отбросил лук. Мысли лихорадочно носились в голове. Пространство

слишком узкое для маневров, под незащищенное пузо я вряд ли проползу, стрелы не наносят урона. Осталось одно.

Сплит вновь ринулся вперед, и я, скрепя сердце, вскинул руку, призывая вспышку светозарного огня. Она была короткой – перебарщивать нельзя. Голубые лучи рассекли пространство, запахло паленым. Костяные пластины прожигались, тварь подалась назад от боли. Сплит метался, разносил брызги, визжал, но мой огонь продолжал гореть, прожигая его, подбираясь к центрам эфира. Туша с каменным стуком упала на бок, продолжая тихо догорать.

Я смог вздохнуть, только когда меня дернули за локоть.

– Дрянь, я не думал, что их тут настолько много, – выпалил Стефан, внезапно образовавшийся рядом.

В голове продолжало гудеть. Я как следует встряхнулся, после чего вздрогнул от нового затянувшегося воя. Теперь он казался куда ближе.

Стеф тревожно глянул на один из проходов.

– Пошли отсюда, мы их в закрытом пространстве не прикончим.

Я побежал следом, брызги шумно разлетались из-под ног.

– А Дан где?

– Ушел.

– Что?! Прямо во время задания?!

– Да, сказал, что у него какие-то срочные дела! – озлобился он. – А тут мы, мол, и сами с одним сплитом справимся!

Одним, как же...

Словно в ответ на это по стенам впереди скользнула тень. Нет, две. Мы резко затормозили, хотели броситься в другую сторону, но и оттуда на нас уже смотрели огромные черные глаза, обрамленные костяными масками бывших черепов. Темнота, острые образы и гадкая воняющая падаль.

– Я их всех не перестреляю, – вырвалось у Стефа, когда он отступил к стене за нами. – Твою мать, почему половина – танки?!

Я нервно обернулся: путь к побегу оказался отрезан. К нам подступали с трех сторон. Сердце долбило о ребра с бешеной силой.

– Я попробую...

Стеф резко сник.

– Макс, нет. Ты забыл, что было в прошлый раз?

– У тебя другой план есть?!

Он хотел было ответить, но один из сплитов заревел и прибавил шаг, решительно нацелившись на нас. Его пластины громко стучали о стены, лапы месили грязь. Это спровоцировало остальных. Их терпение закончилось, жажда Света оказалась сильнее.

– Пригнись! – крикнул я Стефу, искренне надеясь, что это ему хоть как-то поможет.

Я распалил эфир на полную. С кожи сорвался светозарный огонь, он заскользил по венам ярчайшим голубым светом. Прокрался на лицо, в глаза, мгновенно наполнил ладони до краев.

Внутри меня все гудело. Вдох-выдох.

Я наотмашь взмахнул рукой перед самой мордой твари. Голубой огонь вырвался неконтролируемой волной. Бесформенной, бездумной. Она не просто сожгла ближайшего монстра – расщепила в пыль. Энергия ревела, нещадно жарила, хотя я сам того и не ощущал и просто смотрел на стену Света, отгородившую все вокруг.

Пламя взорвало окружение. Мир задрожал, запах гари поглотил мысли. Все рушилось, грохотало и падало, вырывалось куда-то прочь, приобретая все более чудовищные виды.

Я в панике взирал на беснующееся пламя, отхватывающее от окружения все больше. Жадная бездумная сила, которой никто не был хозяином.

Хватит. Черт побери, пожалуйста, хватит! – мысленно молился я.

Возможно, мои внутренние вопли дошли до огня. А может, тому слегка помог идущий снаружи ливень. Так или иначе, пламя начало отступать. Сначала неохотно, постепенно, но в конце концов оно съежилось до небольших очагов и искр, упорно вгрызавшихся в сталь и камень.

Я с трудом вбирал в себя воздух, рассматривая разрушения. Светозарный огонь прожег пол, стены, потолок. Огромный участок пространства просто выгорел. В тоннель обрушились опаленные машины, деревья, из труб в выжженный кратер стекала грязная вода. Наверху мигал фонарь – жар опалил даже провода. Меня затошнило от гари, в ушах стоял

барабанный бой.

Его прорвало лишь озлобленное шипение Стефана.

Меня-то огонь не трогал – ни одежду, ни волосы. Чего нельзя было сказать о других. Стеф как раз заканчивал тушить обгоревший рукав. Взглянув на его руку, я похолодел.

– Да чтоб вас черти жрали!.. – выдавал он, с болью морщась и отбиваясь от последних голубых искр.

Я старался удерживать жар и пламя как можно дальше от него. Но не смог.

Рана протянулась от локтя до ладони. Тыльная сторона руки покраснела, покрылась крупными волдырями, а местами и вовсе закоптилась до мышц.

– Черт... – выдавил я, слегка отступив. – Черт, черт... Прости...

– Заткнись, – прорычал он сквозь стиснутые зубы.

Я растерянно наблюдал, как протектор здоровой рукой выудил из пояса бутылек с обезболивающим и залпом его опрокинул. Трясти его стало меньше, но и расслабиться до конца он так и не смог.

– Спасибо, блин, что не спалил полностью. – Стеф с самым мрачным видом забинтовывал руку, чтоб хоть в какой-то сохранности донести ее до Лазарета. – Сгорать живо вообще отвратительно.

Шутка это или серьезная благодарность – я не понял. Так и остался стоять, примерзнув к месту.

– Не думал, что будет настолько сильно...

– А чего ты ожидал?! Филигранной работы? Ты не умеешь этим пользоваться, гений гребаный!

Стеф глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

– Так. Хорошо. Мы живы. Уже плюс, наверное. И мне даже не нужно воскресать.

Я сдавленно кивнул. Протектор встал рядом, придерживая больную руку, и оглядел разрушения.

– Я, конечно, не специалист, но ты в жопе.

Сразу после его слов в кратер со скрежетом упал еще один автомобиль. Мы со Стефаном вздрогнули. Меня начало отпускать, мысли возвращались в голову, принося с собой полное понимание картины.

– Сириус меня прикончит, – обреченно выдал я, сникнув.

– Уж надеюсь, – буркнул Водолей.

* * *

Стефан уже давно не чувствовал себя таким побитым. От него душливо несло паленым, форма покрылась сажей и местами была прожжена насквозь. Рука продолжала гудеть и гореть даже после болеутоляющего, отчего глаз нервно дергался. Ему отчаянно хотелось курить, но огня на сегодня было достаточно.

Он обернулся к Максy. Тот уныло тащился на шаг позади, как обычно забившись в недра мыслей и ничего вокруг не замечая. Стеф вообще удивлялся, как только Стрелец на

столбы не налетал.

Они подошли к дозорному пункту. Здание находилось на пустыре и, как положено, ничем особым не выделялось, разве что черепица была новой и сверкающе-черной. Из окон вырывался яркий свет, падающий на кусты и разбитую дорожку. Стеф уже было шагнул на лестницу, но в итоге вновь оглянулся.

Макса за ним не было – остался сидеть на скамейке неподалеку. Под мелким дождем смотрелся он жалко.

– Да твою ж налево... – проворчал Стефан, направляясь к нему.

Стрелец даже внимания на него не обратил – впрочем, другого от него и не ожидалось. Абстрагироваться от мира этот чудаक умел лучше всех.

– Хочешь, сыграю тебе на самой маленькой скрипочке? – съязвил Стеф. – Я даже не знаю, кто будет вызывать больше жалости: ты или слепой котенок. Так и собрался киснуть, убогий?

Макс не ответил. Водолей хмуро отвернулся. Свое общество он никому не навязывал и давно научился понимать, что оно другим не нужно. Да и успокаивать он не умел. Стефан начал уходить, но тут Макс выронил:

– Я не знаю, что мне делать.

– Для начала – уйти с дождя, – намекнул Стеф, садясь рядом.

– Я вообще это контролировать не могу. Пока огонь по-

является лишь по моему желанию – но что, если и это изменится?

– Ты нагнетаешь раньше времени.

– Я бы не нагнетал, если бы были хоть какие-то улучшения! – с нескрываемым отчаянием воскликнул он, посмотрев на Стефана. – Я уже давно в таком состоянии, а меня до сих пор не могут как следует обучить!

Стеф даже спрашивать не стал. По Сириусу – новому послу Магистра Света в Соларуме – и так было видно, что он не будет быстро продвигать Макса по лестнице знаний. В после засело комфортное восприятие времени эквilibriumов, и их чудовищные сроки жизни никак не сочетались с человеческими, оттого Сириус наверняка думал, что подолгу разжевывать с Максом безопасные темы – разумно. И вот к чему это привело.

– А Антарес? – Стеф откинулся на спинку скамейки. – Ты до сих пор с ним не связался? Мог бы у него все это спросить.

– Ты думаешь, я не пытался? Да я только и могу, что говорить с Сириусом, а тот – с Альдебараном, и только потом хоть что-то, возможно, дойдет до Антареса. Я не получаю ничего, кроме редких общих указов, никакого прямого общения!

Макс встал. Его продолжало трясти от самой канализации. Стефан тревожно на это косился, не зная, чего ожидать. И уж точно не следующей реплики Стрельца.

– Я урод. До сих пор непонятный фрик.

Он поколебался и внезапно снял с себя звезду-подвеску, скрывающую его полужвездный облик. Стеф мгновенно дернулся и стал озираться.

– Эй, ты какого черта творишь?! А ну надень назад! Что, если кто увидит?

Макс посмотрел на него теперь уже серебряными глазами с одной-единственной синей трещиной в левом. Стефану стало не по себе до мурашек. Кожа Стрельца побелела. Челка, виски и брови окрасились насыщенным голубым оттенком, как и у звезд подобного спектра.

– Я не думал, что будет так плохо, – сказал он. – Хотя уже прошло столько времени.

– Да обучишься ты управлять хреновым огнем! И другие звездные штуки поймешь! Успокойся уже.

– Я до сих пор не знаю, кто я.

Слова застряли у Стефа поперек горла. Он изумленно уставился на Макса. Тот же начал распалиться.

– Я так часто раскалывал свою душу, терял память, себя, затем что-то обретал заново. Но всё и всегда по-разному! – Он в растерянности схватился за волосы. – А потом еще и получил эту чертову силу! Я не хотел таким быть, а полноценно стать и вовсе не могу без посторонней помощи. Мне же запрещают тренировки со звездными способностями, контролируют каждое действие!

Макс оскалился в негодовании, глаза замерли.

– И я до сих пор не могу понять, кем являюсь. Ни физи-

чески, ни душой, ни мыслями. Я будто все еще расколот и никак не соберусь воедино. И Антарес меня оставил таким. Здесь, на Земле. Без ответа. Все потому, что я сломанный. Да, меня нужно держать от других как можно дальше! Кому вообще сдался такой урод, как я?

Стефа пробрало. Он никогда не смотрел на Макса с такой стороны, но вдруг увидел в нем свое отражение. Стрелец не совершал преступлений, но в то же время все равно ощущал себя изгоем. Заоблачный мир его полноценно принять не мог, игнорировал. А к человеческому Макс сам боялся подступиться, ограничившись лишь кругом доверенных. Он чувствовал себя ненужным и неприкаянным. Неправильным. Стефан тоже это испытывал. Многие и многие годы.

– Все мы уроды. Главное – принять это и научиться жить дальше, – в конце концов произнес Стефан, косясь в сторону. – Я вот смог.

Максимум остыл и молча глядел в ответ. Водолей не в первый раз замечал, насколько же пробирающий у Стрельца взгляд, словно рентген, видящий все до самых недр души.

– Время все порешает, – пообещал Стеф. – Однажды станет проще. Ты соберешься назад. Хочешь того или нет.

Похоже, Макс вылил всё накопившееся в душе и печально кивнул, сев обратно. Подвеску он так и не надел снова, лишь сидел сгорбившись.

– Спасибо, что выслушал. Я ценю это. Знаю, тебе чужое нытье в тягость.

Стеф не ответил и принял личный разговор как данность. Он не питал иллюзий насчет их приятельских отношений – у Макса просто никого лучше не было. Если бы кто-то еще знал про его звездную половину, то вряд ли бы Стрелец продолжал с ним общаться. Со своей собственной «уродливостью» Водолей смирился давным-давно.

– Пошли уже, – вздохнул он, поднимаясь с сырой скамьи. – А то у меня рука отвалится.

Глава V

Грезы о невозможном

Я проведаль Стефа в Лазарете, когда ему обрабатывали сожженные ткани. Он, как всегда, вел себя невыносимо, глушил что-то из фляжки. В общем, был жив-здоров, ничего ему не угрожало. Это слегка меня успокоило, поэтому я вышел из его палаты и отправился по своим делам.

В Лазарете, как обычно, находилось с пару десятков адьютов, которым сегодня не повезло на заданиях. У кого-то просто царапина, у другого рука свисала на сухожилиях. Кометы скользили между ширмами, иногда вспышкой света перетекая от одной к другой. Я быстро обошел пространство в поисках Аданнай. Она чаще всего находилась возле самых тяжелобольных людей, но там ее найти не удалось.

Напротив Лазарета располагался десяток комнат-палат для затяжных болезней. Я уверенно подошел к самой дальней и чуть замешкался, увидев, что дверь приоткрыта.

Палату заливал солнечный свет. Многие жилые комнаты Соларума находились в его центральной части, без доступа к улице, и, чтобы их обитатели не чувствовали себя зажатыми в темной каменной коробке, там устанавливали окна, за которыми сменялись дни и ночи. Их даже можно было открыть, почувствовать свежий воздух, но не более. За окном этой палаты виднелся обрыв, под которым пенилось глубо-

кое синее море, растянувшееся вдаль до самого горизонта. В небе летали чайки, их приглушенные крики доносились до нас.

В комнате была лишь одна кровать, стены окрашены голубой краской, а на темном деревянном полу пестрел коврик. Немного мебели вроде мягких кресел и тумбочек. Заглянешь внутрь – и словно Соларум покинул. Но нет, это все еще был он, и свидетельство тому лежало прямо на кровати.

Волосы Сары стали длиннее за прошедшее время. Они огненными потоками разметались по белой подушке. Когда бы я ни приходил, протекторша всегда встречала меня одинаково: укрытая одеялом, бледные руки сложены на животе. Лицо недвижимо. Оно осунулось, и острые черты стали только заметнее. Словно мертвая, вот только грудь еле заметно вздымалась при каждом вдохе. Иногда, когда мне было особо не по себе от работы или из-за проблем с личным состоянием, я приходил к ней. Смотрел в окно и реже – на саму Сару. Мне было до боли совестно. Я ненавидел, просто терпеть не мог, когда другие попадали в беду по моей вине. Это изнуряло дух, и вот теперь, уже столько времени, Сара являлась символом этого стыда. Врачи говорили, что ей повезло, она была совсем на волосок от смерти. Даже непонятно, почему она осталась в живых, просто неопишное чудо. Возможно, из-за ее невероятной силы духа? Сказали, можно лишь накладывать укрепляющие манипуляции и ждать. По-другому никак не помочь. Сюда приходили не только кометы, но даже

планетары и звезды, и все твердили одно: Сара обязана сама найти выход и вернуться к нам. Своими силами. Странный недуг, но непростым был и тот, кто нанес ей травму, на деле предназначавшуюся мне.

Рядом с Сарой стояла укрывшаяся узорчатой шалью протекторша, ходящая под созвездием Рака. Постарше меня года на четыре, кожа темная, на которой особо выделялись светлые шрамы в области рук. Хрупкая, я бы сказал – тощая, работа сильно ее изнуряла. Свои пышные волосы она убирала с лица при помощи красной банданы. Аданная Турай родом откуда-то из Эфиопии, оттого ее белые пряди смотрелись весьма необычно. И не просто белые – в полумраке от них исходило сияние.

Когда я вошел, она держала тонкие руки над животом Сары. Из ее ладоней брезжил фиолетово-белый свет. Протекторша что-то проговаривала, и я замер, не желая мешать. Еще одна попытка поддержать в Саре силы.

– Возвращайся к нам, – расслышал я. – Ты еще не прожила время, отпущенное тебе вечностью.

Ада делала свою работу медленно, стараясь задерживаться над центрами эфира подольше. Я не мог представить, какие последствия для нее могла принести подобная усидчивость, но понимал, что далеко не каждый пошел бы на такое ради простых больных.

И тут Аданная заметила меня. Повернувшись, она открыла мне левую часть своего лица. Третью покрывала каменная

корка, глаз абсолютно белесый и чуть мерцающий. Протекторша поприветствовала меня изнеможенной улыбкой. Губы дрогнули, и, покачнувшись, Ада просто рухнула в стоявшее рядом с кроватью кресло.

– Ты себя так в могилу загонишь раньше времени, – сказал я, присев на подоконник.

– Будет ли считаться самоубийством полная и сознательная отдача душевных сил ради других? – продолжала улыбаться Ада, подперев голову рукой.

Она любила носить множество украшений: кольца, ожерелья, браслеты. Последние постоянно позвякивали при любых ее движениях. И все было сделано из серебра, но обычного, а не мерцающего.

– Если за такое полагается Обливион, то эта Вселенная сломалась, – ответил я, разглядывая пальцы на ее левой кисти. Мизинец и безымянный также были покрыты камнем. – Ты себя нормально чувствуешь?

Честно, мне было боязно за нее. Когда-то, когда Ада лечила кого-то своими силами, ей приходилось восстанавливаться. Чем сильнее травма пациента, тем больше времени на отдых требовалось. Но в случае Сары...

– С каждым разом все хуже, – ответила Ада. Она покосилась на больную. – Такое чувство, что мне все сложнее и сложнее добираться до ее души. Будто бы она отдаляется.

Я отвернул голову к морю, тихо ворчащему внизу. Понятно, о чем говорила Ада. Каждый раз, когда я касался Сары, то

попадал в хаос. Словно ее внутренний мир смешался и ничего не разглядеть, зато явственно ощущались холод и страх, вгрызавшиеся в кожу. Как Сара сможет найти путь в чем-то подобном? Ее присутствие ощущалось все призрачнее, точно она ускользала от нас, просачивалась, как песок сквозь пальцы. И мне было страшно думать: а что, если она совсем потерялась где-то там? В неизвестном?

Аданная устало потерла рукой лоб. Девушка-монструм. Последние десять лет Ада проводила бесконечный эксперимент над собой, вживляя внутрь эфира и эссенцию души кометы. Последняя как раз определяла свойство рас. Процесс введения звездного эфира в протекторов был давно отлажен Светлой армией, но вот для других рас все было намного сложнее. Доказано, что вживление чего угодно от представителя одной небесной расы в тело представителя другой ничего хорошего повлечь за собой не могло, но Ада, Ханна и Ламия долго изучали старые записи Соларума, чтобы на собственном опыте проверить одну теорию: тела и души приземленных намного податливее эквилибрумов. Удивительное открытие, за Аданнаей даже наблюдали откуда-то сверху. Ей хотелось исцелять силой мысли, как могли все кометы. Ее оболочка потерпела некоторые изменения, а душа со временем так сроднилась с чужеродной эссенцией, что стала сама вырабатывать кометный эфир в некотором проценте. Уж я по личному опыту знал: такое проходило болезненно.

Получалось, что Ада являлась настоящим гибридом, но-

ся в себе не только человеческое, но и крупницы двух заоблачных рас. Это не могло окончиться ничем позитивным, но она терпела любую боль, чтобы помогать всем нам. Без всякой выгоды. Если кометы брали силы из своего хранилища – небесного тела, то протекторша имела при себе лишь запасы собственной души. Если бы не этот эксперимент, сейчас у Сары просто не было бы лекарей с заоблачными силами. С недавнего времени кометы поголовно отказались лечить ее. Они ощущали, как ухудшается недуг в теле Сары. К тому же их пугали причины ее травмы. Комет безудержно страшил Гортрас – лишь упоминание этого темного заставляло трепетать всякого светлого эквилибрума.

– Нам надо поторопиться, – произнес я, глядя в пол. Взгляд упал на ноги протекторши. В Соларуме Ада носила одни и те же побитые и разношенные сапоги. – Времени осталось всего ничего. Она в опасности.

Ада убрала руку от лица и внимательно посмотрела на меня. Взгляд ее оказался тверд, и мне под ним стало некомфортно.

– Сара сама тебе сказала? Она вновь приходила?

Я кивнул и коротко передал Аде подробности последнего сна. Услышав это, она глубоко задумалась, даже помрачнела. Когда Ада так делала, казалось, что в ее голове решались задачи, достойные вопросов спасения мира. Затем она встала и медленно приблизилась к окну, надолго задержав взгляд на голубом небе, по которому проплывали редкие облака.

– Ее травма чрезвычайно тяжела. И я не ведаю, почему душа полностью забаррикадировалась от нас. Словно она теряет связь с оболочкой. В любом другом схожем случае души шли за эфиром, которым лекари вытягивали их назад. Но здесь что-то мешает.

– Ламия сказала, что хочет исследовать новые теории, попробовав взглянуть на душу Сары.

Ада пожалала костлявыми плечами. Все ее движения казались расслабленными, неторопливыми, как и манера речи – тихая и размеренная. Полная противоположность Ламии.

– Такое чувство, что у нее нашелся проект поважнее.

– С тех пор как месяц назад ей приказали уничтожить того сплита, она сама не своя.

Этой темы мы предпочитали не касаться в присутствии Ламии – та немедленно выходила из себя, становилась раздражительной и доказывала свою правоту в уже изжившей себя теме всякому подвернувшемуся. Приводить сплитов в Соларум разрешалось очень редко – при неправильном содержании местная охранная система сходила с ума. Поэтому обычно все изучения и опыты на чудищах проводились внизу, на Земле. Но в Соларуме имелось больше оборудования, поэтому Ламия буквально выгрызла себе дозволение на содержание сплита в Манипуляционной. Ей удалось продержать его пару недель, а потом всего одна ошибка с ее стороны – и охранная система поставила на уши весь Соларум, оповещая о Тьме. Вся работа Ламии пошла в утиль, сплита

уничтожили. Она до сих пор шипела и ворчала, не признавая за собой ошибки в содержании чудища.

– Ламия вроде как пытается восстановить свой уничтоженный эксперимент, сидит над кучей бумажек, – сказал я. – И недавно просила меня помочь с проверкой охранной системы. Все не может отпустить свою ошибку. Но если она обещала, то сделает. А какие у тебя мысли по поводу Сары? Что может ей мешать?

– Кто-то мог бы сделать манипуляцией заслон. Но мы в целом уже давным-давно смогли бы определить чуждое влияние на ее душу, – сказала Ада, задумчиво поднося пальцы к губам. – Да и мы полностью очистили ее тело от Тьмы еще в первые месяцы. Все кажется в порядке: ее эфирный уровень, связи с оболочкой, Свет в крови. Все струны души соединены с нужными каналами. Но чем больше я работаю с ней, тем больше чувствую тревогу и страх. Будто оно приходит с той стороны. И ее душа не пытается прорваться на мой Свет, а наоборот... Она тонет. Или что-то ее засасывает.

– Куда? – нахмурился я. – К смерти?

– Вероятно, что так. Но существует множество легенд эквилибрумов, рассказывающих о различных состояниях души за пределами оболочки. Даже между жизнью и смертью.

Я вскочил с подоконника и тревожно уставился на Сару, такую бледную и хрупкую. Не верилось, что именно ее называли Железной Девой.

– У нас нет времени изучать теологию. И тем более выис-

кивать легенды. Нам нужно что-то здесь и сейчас.

– Тогда подсказать могут лишь сведущие эквилибрумы. Но кометы, как ты знаешь, оставили нас, а Нерман оказалась бессильна. У более высокопоставленных персон просить бесполезно. Они не будут тратить ресурсы и создавать опасные манипуляции ради спасения приземленной.

Меня пробрало от злобы и отчаяния. Этот мир порой казался таким всемогущим и несправедливым одновременно. Сначала убеждают, что каждый равен, каждый ценен, но кто-то вечно оказывался не у дел. Именно это и душило меня при спасении Антареса – когда буквально весь род человеческий мог погибнуть в жерновах бойни Света и Тьмы. Я всем нутром сопротивлялся такому мировоззрению. И вот теперь снова столкнулся с ним нос к носу.

– Тогда я найду способ. Даже если придется его с небес доставать.

Ада недоуменно уставилась на меня. Это было редкой победой – вызвать у нее такую реакцию.

– Хорошо, – вздохнула она, подходя обратно к Саре. – Держи меня в курсе своих затей.

Я кивнул и уже хотел было идти, как Рак окликнула меня:

– Кстати. Сириус тебя искал, и он не в добром расположении духа. Ты что-то натворил?

Сердце резко рухнуло к желудку. Я надеялся, что еще некоторое время смогу оттягивать момент встречи с ним.

– Да, – поник я. – Вероятно, теперь он хочет меня при-

КОНЧИТЬ.

* * *

Я сидел в жестком кресле, скрестив руки на груди, и ждал. Мне казалось, что прошло уже не меньше часа. Я в очередной раз лениво оглядел просторную залу, служившую всего лишь прихожей перед кабинетом посла Магистрата. Сириус, естественно, не жил здесь все время, но работать и затворничать ему где-то было нужно. Но кто ж знал, что для этого требуется отхватить покои, в прихожей которых можно балы устраивать? И лишь несколько диванчиков да кресел по углам. Словно приперся на прием к врачу, только стойки с секретарем не хватало. Тринадцатый этаж Соларума почти не использовался – лишь входы в башни протекторов да комнаты для редких эквилибрумов, ну и одна небольшая столовая имелась. В титаническом пространстве здания, которое не разваливалось под собственным весом лишь благодаря невероятно искусной архитектуре, инженерным умениям и манипуляциям, места хватало всем и на всё.

Когда дверь кабинета отворилась, я уже почти дремал. Эквилибрум неспешно выплыл в залу, не отвлекаясь от инфоры, развернутой в виде свитка. Могло подуматься, что Сириус даже не ведал о моем присутствии, вот только он знал. И вряд ли считал это значительным. Что ж, звезда был не слишком приятной личностью, но всяко лучше, чем его предше-

ственник. Да кто угодно казался лучше, ведь до него здесь находился дэлар, спрятавшийся в теле звезды.

По-прежнему не отрываясь от чтива, он коротко кивнул:
– Подойди.

Голос его казался низким, гулким, что вообще не соответствовало внешности. Сириуса нельзя было назвать слабым, но слишком уж он стройный и поджарый. Лицо острое, утонченное, с благородными мягкими чертами, словно принц из сказок. Тонкие губы порой морщились, как будто ему не нравилось написанное в инфоре. Резкий и четкий изгиб бровей, широкий лоб. У Сириуса не было правого уха – вместо него темный шрам, что небольшими блеклыми линиями тянулся к щеке. Сегодня заоблачник выбрал простую одежду – лишь синяя рубаха, расшитая узорами накидка и темные брюки.

Пышные голубые волосы, холодные серебряные глаза и белесая кожа навевали мысли о снегах и севере. Меня не отпускала мысль, что я сам мог выглядеть практически как он, будь во мне немного больше от отца. Хотя куда уж больше? Я и так был практически точной его копией.

Я неохотно посеменил к звезде.

– Что это? – требовательно спросил он, тыкая в меня текстом инфоры.

Это был мой отчет о проделанной работе с Даном и Стефаном. Мне было велено каждый раз писать отдельный, вне зависимости от того, кто являлся лидером группы. Для меня работали другие правила. Причем о финале с применением

светозарного огня я умалчивать не стал – Сириус все равно бы узнал.

– Отчет, – страдальчески вздохнул я. Не думал, что еще когда-либо в жизни вновь почувствую себя ребенком, которого ругают взрослые.

Сириус прогудел что-то неразборчивое и понимающе кивнул. Не успел я расслабиться и отвести взгляд, как эквилибрум схватил меня за ухо, больно и резко потянув его вверх.

– О чем ты думал?! – набросился он, разом преобразившись.

Когда Сириус закатывал истерики, голос его повышался до фальцета.

Я ойкнул от боли.

– Да что я сделал?! Отвали!

Помимо этого, я увидел душу эквилибрума – строение из воды, созданное посреди зимнего леса. Каждая заснеженная ветка украшалась глиняными масками. Как ни странно, колышущаяся вода, из которой состояло строение, была теплой.

– Я чему тебя учил, ты, недоразумение вселенских масштабов? – зашипел Сириус, лишь после этого отпустив меня.

Отпрянув от него подальше и схватившись за горящее ухо, я поморщился.

– Да ты постоянно что-то...

– Урок первый!

Я снова вздохнул. Спорить с этим позером было просто

бесполезно. Когда он только заявился в Соларум, то проводил с каждым собеседование. Знакомясь со Стефом, Сириус обращался к нему по полной и правильной форме имени – Стефано Феррари, – которое Водолей терпеть не мог и попытался миролюбиво объяснить это послу. В ответ эквилибрум заявил, что раз имя записано в документах, значит, так оно звучит правильно, и точка, после чего назвал еще и его второе имя: Стефано Джеронимо Феррари. Тогда Стеф выдал нечто такое яркое и неповторимое, что Сириус отправил его на три месяца в Африку, в одну диктаторскую страну, прямо в пекло военных действий. Вернулся протектор оттуда крайне злым и загорелым.

– Не снимать без надобности амулет, который скрывает от всех, что я – наполовину звезда.

– Второй? – надавил Сириус, свернув инфору. Он вытянулся, сложил руки за спиной и стал медленно, с изяществом в движениях обходить меня по кругу.

– Никому не говорить, что я наполовину звезда, – буркнул я.

– Третий?

– Не использовать при других светозарный огонь и иные звездные силы.

– Вот видишь! Ты их помнишь, на это тебе ума хватает! – Звезда замер и свел брови в угрожающей гримасе. – Так объясни же мне, Максимус. Почему ты применил огонь при посторонних?

– Не было других вариантов! Нас бы сожрали и...

– Нет-нет-нет-нет! – Он вытянул вперед тонкий указательный палец, заставляя меня заткнуться. – Никаких «я не знал», «я не понял», «я забыл»! У тебя нет на это права! Подставишься ты...

– ...может пострадать Антарес, – проворчал я, уже наизусть зная эти слова.

Сириус оглядел меня с ног до головы крайне подозрительным взглядом. Я же не отводил взгляда от него, очень надеясь, что доходчиво выражаю утомленность.

– Убери амулет.

Подумав пару секунд, я все же повиновался и снял подвеску-звезду, позволяя Сириусу наблюдать мое сходство с Антаресом, а также раскрыв миру свои звездные признаки.

– Доволен?

Заоблачник задумчиво потер рукой подбородок.

– Подумать только, и именно ты – маленькая копия лица Антареса Непогасимого.

– Ты, видно, не особо представляешь, что такое дети. – Я скептически вскинул брови.

– И не стремлюсь! – Он едва заметно и с отвращением подался назад. – Это же просто неправильно! Подумать только, разумные существа, которые появляются не из Света или, на худой конец... из Тьмы! Но не мне судить светлейшего лица, каждое из его решений и... деяний, безусловно, верное. И мне следует быть благодарным за судьбу быть твоим настав-

ником.

Я раздраженно вздохнул. Подробности назначения Сириуса на это место были мне неизвестны. Вероятно, Антарес доверился в выборе посла для Терры и моего наставника Альдебарану – префекту Кальцеона, которому Сириус и был подконтролен. Нам, протекторам, оставалось надеяться, что этот-то уж точно дэларом не является.

Вот так Сириус и получил должность посланника Магистрата на Земле. А у меня появился духовный тренажер: терпеть заоблачника было ой каким непростым делом.

– Ладно, все же ты не совсем виноват, – успокоившись, произнес Сириус. – Как можно тебя осуждать?

Я уже хотел ответить, как он с чувством выдал:

– Во всем виновата твоя приземленная часть! Именно из-за нее ты временами ведешь себя как примитивное существо, чьи мысли не могут связаться в единый поток. Я все понимаю, Максимус, не извиняйся. Ты просто не способен этому противиться, как можно уходить от своей природы? – Он проигнорировал мой полный раздражения взгляд и подбадривающе похлопал по плечу. – Но для тебя еще не все потеряно. Ведь внутри твоей души таится великая благодать, часть нас – звезд! И, более того, самого лица Антареса, что есть Свет карающий и есть Свет дарующий, да будет его путь легок и долог. А также в тебе кровь великого магно-генума Анимера! И я приложу все усилия, чтобы именно она стала в тебе доминирующей. И пускай это маловероятно, ведь при-

земленный дух в тебе силен, но ты должен верить в это всей душой и стараться! Мы сделаем из тебя прекрасное подобие эквилибрума!

Он наверняка ожидал моего восторга по поводу своей воодушевляющей речи. Я же указал на дверь.

– Можно я пойду?

Сириус покривился, видно, вновь разочаровавшись во мне. Даже со вздохом достал обратно небольшой энергглас и сделал в нем пометку. Вряд ли поставил плюстик в моей подноготной.

– Нет. У нас с тобой занятие. Так что на твоём месте я бы преисполнился энтузиазмом от этого факта. Прошу в кабинет!

Глава VI

Цикличность жизни и времен

– Луц Зербраг, – осторожно шепнула Юферия над самым его ухом. – Кальбадден Пекло хочет вас видеть.

Зербраг даже не пошевелился, продолжив смотреть на представление с присущей ему бесстрастностью. С его ложи прекрасно виднелся каждый кусочек сцены, на которой, в такт громовому накату оркестра, метались вихри полотна-имаго. Дым обретал очертания и краски, создавал фигуры и архитектуру, показывая события со всех сторон. Однажды в чьей-то голове родились эти образы, и он создал их из осколков когда-либо увиденного и соткал в полотно. В этот раз Верховный театр Люксоруса показывал древнюю трагедию – легенду об охотнике за воспоминаниями, собиравшем память о своем почившем друге у всех знакомых с тем душ. В конце концов он спустился в один из мифических миров, представляющих загробную жизнь, где повстречал саму Смерть. Найдя товарища, охотник уже не помнил ни его, ни зачем пришел, ведь в своем поиске растратил весь эфир и уничтожил воспоминания о себе самом.

– Когда? – спросил Зербраг, не оборачиваясь.

– Он уже ждет вас на выходе, луц. Просит передать, что это срочно.

Грянули трубы. Врата мира мертвых закрылись за охот-

ником.

Юферия послушно следовала за быстрым шагом Зербрага. Маленькая незаменимая планетарша. Как она и сказала, Пятый паладин ждал на широкой лестнице, под едва фиолетовым небом Люксоруса. Кальбадден обернулся. Приземистая мускулистая фигура, противоположность поджарому Зербрагу. Длинные красные пряди волнами струились по массивным плечам.

– Не хотел отрывать от культурного времяпрепровождения, – приветственно кивнул эквилибрум, – но твоего присутствия ожидают в Штабе Паладинов. Немедленно.

Зербраг ничего не ответил, только проследил за Кальбадденом, направившимся к малой ладье. Он сел напротив Пятого паладина, рядом со своим фактотумом – Юферией, которая внимательно наблюдала за полисом через окна.

– Будут все? – сухо поинтересовался Зербраг, закидывая ногу на ногу.

– Нет, душ пять-шесть. – Кальбадден налил в кубок дурмана и предложил его Зербрагу. После отказа сделал глоток сам. – Остальные не успеют собраться в столь короткий срок, но вся информация им будет изложена.

– Народ уже оповещают. Но никакого заявления от Верховного или его секретарей по поводу случившегося.

Кальбадден лишь фыркнул:

– Будто это удивительно. Не помню, чтобы он был настолько скуп на публичность при своем прошлом правлении.

– Полагаю, ждать на собрании его тоже не стоит. Бетельгейзе?

– Разумеется.

Другие вопросы были излишни. Зербраг уже давно ждал, когда Первая полезет в его дела, и сейчас шанс вполне мог представиться. Юферия как-то требовательно глядела на него. Она, как и всегда, была строго одета, с едва заметным нимбом света над копной кудрявых голубых волос. Лицо того же цвета пересекали три белые линии. Зербраг кивнул, и только после этого фактотум сказала:

– Луц, вы имеете право отказаться от пребывания на встрече. По закону, требование Первого паладина приказом не является, если на собрании не будет присутствовать Верховный.

– Все так, – подтвердил Кальбадден. – Но, Зербраг, я, как твой старый товарищ и единственный из всех нынешних Паладинов знавший тебя еще при белом спектре, настоятельно рекомендую хотя бы в этот раз не пренебрегать общением с Бетельгейзе и появиться. Особенно учитывая случившуюся катастрофу – твое мнение важно. Не усугубляй свое положение.

– Ты добрая душа, Кальбадден. – Зербраг отвернулся к окну, рассматривая самую широкую реку Люксоруса – Феру, светящуюся бледными плазменными потоками. С одного ее берега едва ли можно было различить другой. По ней проплывали большие водные крейсера, отсюда казавшие-

ся черными пятнами грязи. – Но я стал неудобен. Нынешняя власть, захваченная Анимерой, меня отвергает. И все же устранить меня она не сможет, ведь я – Второй паладин.

– Просто извинись за то, что сделал, и назови это недоразумением.

– И что? Мне простят выпады на Оттану? Ту самую ничемную и слабохарактерную Верховную, которая позволила без боя префектурам Паргаса и Тес-Венца почти полностью отойти Тьме? Которая лишила нас ресурсов и Алмазного форта, построенного еще в...

Кальбадден усмехнулся. Из-за мощной заросшей челюсти оскал производил угрожающее впечатление. Он всегда напоминал Зербрагу какое-то свирепое животное, только прирученное.

– Нет, про Оттану они и не обмолвятся. А вот попытки устранить Антареса Непогасимого тебе припомнят. Да, о них не сказали всей Армии Света, но верха не забудут.

– Я делал что должно, – отрезал Зербраг.

Он не собирался оправдываться за это. Только не за попытки спасти Свет, когда была возможность.

Ладья пришвартовалась в Белой крепости, где находились Зеркальный Шпиль и другие главные управленческие строения. Кальбадден первым спустился с трапа и направился в Штаб Паладинов через площадь Бравой, по центру которой стояло нагромождение изящных фонтанных чаш с синей водой. Зербраг отстал, с прищуром вглядываясь в белое зда-

ние с тринадцатью куполами: большие и малые, они источали свет.

– Когда-то отсюда начался геноцид генума Тамалекрон по приказу пять тысяч восемьсот шестого Верховного Зерина Пепла из династии Левераль, – сказала Юферия. – Пятьсот четырнадцать тысяч семьсот пятый Генезис. Так началась восемнадцатая эра Последних Императоров – эпохой Умерщвления. Когда по длинной лестнице Штаба влачили Паладина Тесавему Бравую ат Тамалекрон. Ее кровь прочертила след от той колоннады до самого центра площади.

– *И крик Тамалекрона, крик преданных светил, в горизонтах отразился и в вечности застыл,* – вдумчиво произнес Зербраг, задержавшись у фонтана.

Десять эр минуло, из сомниума еще возвращались эквилибрумы, ставшие свидетелями тех событий, но было их уже ничтожно мало. Здесь, по преданиям, космоинквизиторы раскололи душу Тесавемы и по приказу Верховного-Императора за ноги подвесили ее тело на глазах у толпы, оставили гнить, что было не просто неслыханно для эквилибрумов – порочно и грешно. Ужасная постыдная кара. А дальше гнев Верховного обратился на ее генум. Под предводительством тогдашнего Третьего паладина Йадесцила Искроликого ат Диарат воины уничтожили их души и небесные тела, таким образом сделав Тамалекрон одним из немногих магно-генумов, уничтоженных с самой эры Зарождения.

– *И память Света, память древнейших из времен, унес с*

собой в Обливион великий Тамалекрон. – Юферия оглянулась на своего патрона. – Луц, вы все еще предаетесь различным древним строкам. За последний наом это уже третий раз.³

– А тебе все еще нравятся числа, – бросил он, продолжив путь.

– Да. Они помогают структурировать все в голове. Ввиду особенностей моей метки концентрация очень важна, чтобы не потерять связь с реальностью.

– Пока ты запоминаешь все, что мне нужно, – делай что хочешь. – Зербраг ступил на белую лестницу. – К чему ты вообще завела речь о Тамалекроне и Тесавеме?

– Источники говорят, что Верховный-Император Зерин Пепел устроил Геноцид Тамалекрона, потому что Тесавема получила знание, способное оборвать династию Левераль. Из-за дара общей коллективной памяти устранить пришлось всех. В те времена Тесавему обвинили в предательстве Света, но через эпохи стали ясны меркантильные интересы Зерина, оболгавшего Тесавему.

– И? Я вижу, к чему ты клонишь, но не понимаю, почему ты беспокоишься.

– Вовсе нет, – встрепенулась планетарша. – Я просто предполагаю один из наиболее возможных вариантов. Мы готовились к нему. История, как вы знаете, циклична, Временной горизонт нам неоднократно это доказывал. Тесавема узнала что-то о своем Верховном и была готова его предать, за это

³ 1 наом – ок. 4 дней.

он расколол семнадцать душ Тамалекрона. Вы знаете об Антаресе достаточно много. Он тоже способен обвинить вас в предательстве. Финал может быть схожим.

Широкий фасад отбросил на Зербрага тень. Проронив тихий раздраженный ответ, он вошел в тяжелые расписные ворота, распахнувшиеся еще при Кальбаддене:

– Знаний моих пока недостаточно. И он сам это понимает.

Собрание по обыкновению происходило под самым большим куполом, по размеру напоминавшим небосвод. Полукруглые окна открывали вид как на площадь Бравой, так и на великолепные мосты Первозвездной. Как Кальбадден и обещал, Паладинов было немного. Но достаточно, чтобы понять сразу: в одном месте они бы случайно не собрались. Серьезные мрачные лица, впрочем, также давали мало надежд на праздную беседу.

Юферию и всех нижестоящих в зал заседаний не пустили. Бетельгейзе, как всегда прекрасная и величественная, не стала оттягивать и первой присела за круглый стол. Она поблагодарила всех пришедших, пока Зербраг скучающе поглядывал за векторными часами и просто ждал, когда Бетельгейзе закончит с фарсом и перейдет к главному. Уже вскоре она бросила на него серьезный взор.

– Надеюсь, каждый из вас вникнул в каждую строку последних отчетов. Произошла массивная атака на легионы Пиккарта Сереброликого, на деле оказавшаяся лишь диверсией.

– Это тема для Военного Совета, – встрял Зербраг. – А

мы не имеем права проводить его без Верховного.

– Да. Но положение нас вынуждает, так что не будем откладывать, – с холодом ответила ему Бетельгейзе и продолжила: – Наом назад, пока двадцать пять легионов были стянуты к системно-планетарному кластеру Бронзового Крыла, отвлеченные всего семью темными легионами, в порт полиса Сцевилла прибыл светлый военный крейсер. Как выяснилось после, он был одним из десятка захваченных у Пиккарта при затяжных схватках в прошлом эллере.

– Вселенная и Материя, как кто-то мог допустить такое? – возмутилась Нейфомена Гремящая – Седьмой паладин, оранжевый спектр, мощная, как и ее голос. Грубые черты ее лица покрывали десятки серых имен на магнификуме. Она была из префектуры Юн-Каб, потому не только выбивала на себе память о погибших дорогих ей душах, но и носила множество черных колец и серег. – Это граничит с предательством!

– Этот полис – важный транзитный узел префектуры Баура, в которой уже давно идут ожесточенные военные действия, – напомнил ей Кальбадден, удрученно откидываясь на спинку кресла. Он вывел в центр стола световую проекцию префектуры со всеми отмеченными линиями продвижения врага и светлых войск, пока на фоне продолжали поступать отчеты. – Сцевилла соединяла первый, второй и пятый транзитный потоки. Там огромная текучка, а из-за возросшего передвижения легионов и военных машин уследить за всем

не удалось.

– На борту крейсера была заложена вакуумная воронка. – Тон Бетельгейзе становился тверже стали. – По оценкам специалистов из Юниверсариума, эфирная энергия, затраченная на такую мощь, составляла не меньше пятисот триллионов праетеров.

Повисло молчание, которое нарушил Десятый паладин. Единственный желтый спектр среди собравшихся, Гесцил Костолом ат Диарат.

– Сцевилла – огромный, прекрасный полис, – разочарованно вздохнул он, постукивая пальцами по столешнице. – Какая жалость. От него ничего не осталось, верно?

– То, что осталось, никак нам не поможет заделать брешь в обороне. И в транзите. Темные не дадут нам его восстановить.

Нейфомена уже с трудом сдерживала гнев. Зербраг с презрением заметил оранжевые искры в ее глазах. Импульсивность и тупая ярость – вот что губило лучших из лучших.

– Как они посмели применить такое сильное проявление Обливиона? – процедила она. – Это могло породить войдов и загубить обе Армии. Они пошли на такой риск? Инквизиторы уже проверили место поражения? Сколько миллионов душ растворились в Обливионе?

Бетельгейзе сухо качнула головой.

– Светлые космоинквизиторы сейчас туда не попадут. Наши транзитные потоки пали. Темные вызывают квантовые

бури, чтобы не дать ладьям и крейсерам Пиккарта быстро добраться до места с ближайших транзитных узлов. Потому мы не можем использовать манипуляции времени для ускоренного продвижения с серповидного фронта.

– Они продвигаются к Лучезарной крепости, – сказал Десятый, едва улыбнувшись, словно радовался собственной просвещенности. – Одной из старейших и мощнейших в той части Вселенной.

– Верно, – подтвердила Бетельгейзе. – По донесениям разведчиков, туда направляется пятнадцать темных легионов.

– Ради чего они стремятся к ней? – Гесцил удрученно качнул головой. – Естественно, чтобы прорваться в центральный кластер префектур и к столицам. Но почему? Ради чего нарушать пакт не притягивать в центр военные легионы? Это ставит нас на грань новой Великой войны. Лучезарная крепость всегда являлась одним из предохраняющих факторов в пакте, не давая темным военным массивам оказаться у Люксоруса. А теперь она падет.

«Известно ради чего», – с отвращением отметил про себя Зербраг.

После возвращения Антареса затишье не могло длиться долго. Темные были обязаны отреагировать.

Они оказались вынуждены по законам Эквilibриса.

– Крепость выстоит, – уверенно заявил Кальбадден. – Она переживала нападения и намного больше, включая Гражданскую войну при эре Конфронтаций, коей я сам был свидетелем.

лем.

Зербраг холодно смотрел на старого товарища. События Гражданской войны оставили в его собственной душе мрачные шрамы, как и все пережитые эпохи той самой эры. Но Кальбадден не замечал главного.

– Крепость не продержится, если темные захватят ближайшие опорные пункты, которые не подготовлены к долгим осадам без поддержки. Лучезарная была выстроена на омниевом руднике, благодаря чему постоянно подпитывает манипуляции и создает плотную завесу от Тьмы. – Зербраг коротко указал на световую проекцию. В голове он уже просчитывал все возможные варианты сражения и исходы. – Сила крепости была в постоянном возобновлении ресурсов и протекции со стороны защищенной Сцевиллы – полиса, который никто и никогда не мог захватить. Теперь его нет. Ближайшие легионы, принадлежащие Пиккарту, сейчас на другом конце префектуры с разрушенным вторым транзитным потоком и квантовыми бурями. Следующий цебер они вряд ли куда-то сдвинутся. Если Темная армия захватит крепость, то не только заполучит огромный омниевый рудник, но и укрепит свое положение в префектуре Баура, в дальнейшем ослабив нашу защиту внутренней сферы префектур.⁴

Зербраг ощущал: что-то идет не так. Слишком уж пристально Бетельгейзе наблюдала за ним, точно призывая прийти к дальнейшим выводам самому.

⁴ 1 цебер – ок. полутора месяцев.

– Вам нужны мои легионы. Они сильнейшие и самые доступные.

– Да, – подтвердила Бетельгейзе. – Все пятнадцать. Когда-то у вас их было вчетверо больше, но то, что вы успели вернуть, уже блещет силой былой славы.

– Эта слава никогда и не уходила, а воины верны мне. – Зербраг надменно выпрямился. – Так вы хотите, чтобы я пресек нападение Тьмы на крепость и спас положение Света в префектуре?

– Нам требуются ваши легионы, но не вы, – заявила звезда, встав.

– Вы знаете, что я лучший полководец в этом зале. Магнлегат. Вы не имеете права отбирать легионы.

– Военное положение и приказ Верховного, – вступился Гесцил, улыбаясь все шире. Его полностью белые сияющие глаза буравили Зербрага. – И общее решение Паладинов. Легионы и без того нам требовались для улаживания изначально не настолько крупного конфликта в префектуре Баура, но теперь, когда агрессия темных из-за их чудовищной и гадкой натуры перешла все допустимые границы, откладывать совершенно нельзя.

Ассист передал пластину. Документ, подписанный двенадцатью Паладинами и Верховным. Чрезвычайное требование, пойти против которого приравнялось к предательству Света. Зербраг скрупулезно изучил строки и спокойно обратился к Бетельгейзе:

– Так вы решили передать это Гесцилу. А меня отправляете в префектуру Роштамма. В такой момент? Это бессмысленно.

– Луц Зербраг, – заговорил Десятый с тошной учтивостью – Понимаю, вы расстроены, но я...

– Я притворюсь, что последние пару секунд ты молчал и воспринимал все как послушная и прилежная душа, которая знает, когда влезать не стоит, – бросил ему Зербраг и вернулся к Бетельгейзе. – Я все еще считаю, что это неразумное распределение.

– Можете считать как угодно, но решать не вам, – сказала она, вставая у окна и сцепляя руки за спиной. – Это приказ Антареса. Как и ваш немедленный перевод. Обычно путь туда мог бы занять четыре долгих эллера, но вы воспользуетесь Дверьми пространственных струн. Антарес хочет, чтобы вы как можно быстрее приступили к работе и разобрались со всем там происходящим. Важные для Армии дела происходят не только на полях битв. Кто способен на это, если не магн-легат?⁵

– Это запущенная предельная префектура, и любые ее проблемы по сравнению с Лучезарной крепостью ничтожны. Пусть Непогасимый лично прикажет мне отправляться в эту даль, а не передает через посредников.

– Он – Верховный Света, – строго напомнила Бетельгейзе. – Антарес не может все время быть в Зеркальном Шпиле

⁵ 1 эллер – полгода.

и сейчас сам находится в предельных префектурах. Решает проблемы нашей великой Армии Всепроникающего Света.

«Он всегда находится где угодно, но не здесь».

И вновь тишина, на этот раз давящая. Зербраг медленно встал.

– Да будет так.

Он согласился настолько легко, что остальные не сдержали удивления. Бетельгейзе взяла себя в руки и, не став задавать лишних вопросов, продолжила вести собрание, которое Зербраг уже и не слушал.

– Все прошло, как и планировалось? – поинтересовалась Юферия, когда они вдвоем спустились на первый этаж.

Зербраг задержался в атриуме, напротив световых статуй.

– Да. Воспользовались новой вспышкой войны, чтобы лишить меня воинов. Боятся, что я соберу достаточно для атаки на них? Что за глупость. Теперь они полагают, что отобрали мою силу. И что в префектуре Роштамм я не смогу и шагу сделать без их ведома. Пустой предельный кусок космоса, бесполезный для чего-либо, где даже новых войск не найти. Все как и предсказывала Алеа. Теперь перейдем к дальнейшему этапу.

– Подождите, луц, так вы согласились? – оторопела Юферия. – Но вы же...

В этот самый момент его окликнули:

– Луц Зербраг! – Десятый оказался совсем рядом, уважительно коснулся своей грудины и протянул руку. Зербраг ед-

ва сдерживал раздражение от жизнерадостного тона Гесцила. – Я думаю, что собрание окончилось полным непониманием. Меня это гложет. Я только хотел объясниться, что не просил руководящую роль в сложившейся ситуации и никогда бы не посягнул на ваш авторитет!

Он все ждал, когда же Зербраг пожмет ему руку. Тот холодно ответил:

– Не имею привычки касаться кровнорожденных. Так безопаснее.

– Конечно, простите, я все понимаю! – Гесцил усмехнулся, видно, не обидевшись. – Зербраг, вы всю жизнь были мне примером для подражания. Вы отбивали префектуры, вы защищали это место при Битве за Люксорус. Я читал, как вас четвертовали темные Паладины прямо перед Верховным архивом. Вы родились в позапрошлую эру, так давно, прошли через нее, стали ветераном гражданской войны между Гедой, Джасавом и Баллахатом и были одним из тех, кто изничтожил последнего, когда тот обезумел и совершил Коллапс прямо в центре Стелларума. Я изучал побоище на Лазурном Пике, еще когда был мал! Как вы с Кетесом Ищущим...

– Ближе к делу, – резко оборвал его Зербраг.

– Я только хотел сказать, что восторгаюсь вами. Всеми вашими начинаниями и поисками утраченного наследия. Я верю, что однажды вы добьетесь успеха и раскроете секреты прошлого Света. И если когда-нибудь вам понадобится моя помощь в этом, то можете смело обращаться!

Зербраг со вздохом обернулся к четырем статуям.

– Скажи мне, что ты видишь, Десятый?

Тот помедлил.

– Родоначальники великих магно-генумов Света, от которых произошли все остальные. Светлейший Баэрдод Путеводный ат Прима, Малеанора Прозревшая ат Вермор, Тамиклан Строитель ат Энебалеа и Язетейя Двоящийся ат Хелесис.

– Первые Генумы. Прима, Вермор, Энебалеа и Хелесис – четыре ветви сил. Влияние на чужое тело и души, влияние на временной горизонт, изменение окружающего мира и способности, влияющие на собственную душу и тело. Сто семьдесят один ныне существующий магно-генум Света относится к одной из четырех групп, неся в себе видоизмененный дар первородных. Вот и скажи мне, Гесцил ат Диарат, – память у меня совсем плоха в последнее время – к какой ветви принадлежит твой генум?

– Разумеется, мы восходим корнями к Приме.

– К Приме... – гулко повторил Зербраг, мрачней. – Самая большая группа. «Храним Свет» – таков ваш девиз, да? Вечно преданный Свету Диарат, почтенный, древний род, отделившийся одним из первых, всегда на ведущих ролях во всех великих событиях.

– Мы добивались этого в каждом поколении, – улыбнулся Гесцил.

– Я никогда не любил генумы. Я не считаю кровнорожден-

ных ошибкой, как некоторые радикалы, и не думаю, что вы слабее и недостойнее эфиророжденных. Глупо было бы говорить о таком, когда вы владеете подобными силами с рождения. Вы намного способнее любого эквилибрума, созданного из Света, и эфир ваш крепнет от Генезиса к Генезису. И все же вы порочны. Диарат, Сивинити, Белзирак, Гиттерстрат, Джиззе, Анимера. Вы – нескончаемый источник потенциала, используемый на благо нашей Армии Света. Но лишь до той поры, пока кровные узы не заставят вас следовать приоритетам генума. Я уверен в эфиророжденных, в их преданности и чести. В вас же... – Зербраг смерил Гесцила уничижительным взором. – Я уверен только в том, что помимо величия Света вы преследуете иные цели, потакая нуждам генума. Кровнорожденных нужно контролировать, ведь дорвавшись до власти, вы творите непредсказуемые вещи.

– Бросьте! – поразился Десятый. – Считаете, что я не предан Армии? Чем я такое заслужил?

– Нет, ты предан, – сказал Зербраг, отворачиваясь. – Но не только ей. А потому я никогда не буду просить у тебя помощи на равных. Только не у твоего генума.

Он направился к площади Бравой, где журчали синие воды фонтана.

– История ведь может быть цикличной, верно?

Глава VII

Не все равно

День протектора редко начинался с кофе. А вот поход в Вавилон, или же главную канцелярию первого этажа, был делом почти ежедневным, обязательным и практически священным. Как обычно, там стоял шум десятков оживленных голосов, кучи адьютов обрабатывали информацию. Проекции показывали различные точки Земли, а посреди зала привычно крутился гигантский бронзовый глобус с сотнями точек света.

Когда позади раздались смешки, Стефан раздраженно напрыгся.

– Эй, Стеф! – окликнул его протектор под знаком Персея. – Ты серьезно поджарил зад на своем же светозарном огне?

Водолей не оборачиваясь показал группке неприличный жест. Из-за бинтов на руке было неудобно, но соблазн пере-сил. Сразу после этого вернулся к сдаче отчета. Протекторы продолжили тихо общаться, до Стефана выстрелом в спину долетело насмешливое «Палач».

– Тебе пора начать с ними конструктивный диалог, – решил просветить его Дан, заполняя какие-то документы.

– О да, внесу в свое расписание, – проворчал Стеф. – Где-нибудь в пять, сразу после тебя и «твоего хренова мнения

никто не спрашивал».

– А «перестать быть грубым и неблагодарным» там есть?

– Нет, этот пункт вытеснило твое отожравшееся эго.

– Ну, хотя бы не шутки про мам, уже прогресс, – заметил оказавшийся рядом Макс.

– Он сирота, у него иммунитет на шутки про мамаш. А ты паршиво смотришься.

– Ты тоже, – устало бросил он, переводя взгляд на Дана. – Ты куда с задания смотал?

– А? – протянул тот, не отвлекаясь от документов. – Я думал, вы и без меня отлично справлялись.

– Ну да, отлично! Еще немного, и Стефу пришлось бы сгоревшую до костей руку восстанавливать месяцами.

– Печально, что без моего присутствия вы так недееспособны, – вздохнул Дан. – Но я принимаю это и понимаю, не волнуйтесь. Обещаю, в следующий раз прослежу за всем от и до, во избежание любых форс-мажоров. Простите, но у меня правда были дела, которые останутся между мной и Лазаретом.

Стефан даже недоверчиво покосился на него. Дан не был фанатом Лазарета и предпочитал лечение на месте. Вероятно, из-за того, кого именно он мог в Лазарете встретить.

Рука вновь засадила, и Стеф уныло потер ее.

– Ну хоть отпуск дали, и ладно.

Дан нагнулся и украдкой подсмотрел его текст.

– Судя по тому, как по-дилетантски ты покалечил себя

огнем, то в отпуске для тебя и вправду есть смысл. А может, лучше больше тренировок? Я уже давно заметил, что ты потерял сноровку, совсем обленился. Если нужно подтянуть азы, то я всегда к твоим услугам, прямо как в старые добрые!

– Свали, блин!

Макс устало подал адъюту за приемной стойкой пластину с отчетом. Вместе со Стефом они заранее обсудили, что конкретно расскажут о задании, поэтому волноваться о расхождении версий не стоило. Разве что Стефан выставил себя в отчете полным деградантом, но это был уже другой вопрос.

– Дан, Дан! – воскликнула подоспевшая адъютка. – У тебя готовы документы? Давай обработаю.

– О, здравствуй, Марго. – Тот озарился лучезарной улыбкой, которая слепила всех, особенно юных девушек. – Да, спасибо огромное, так мило с твоей стороны! Как твои дела? Как экзамены?

Шатенка залилась краской, а Дан оперся о стойку и с непринужденным видом продолжил общение, не обращая внимания, что рядом материализовались еще несколько адъютов, жадно хватавших каждое его слово.

– Он реально не замечает? – нахмурился Макс.

– Что они пытаются его сцапать? – в лоб уточнил Стеф. – Не-а. Я тут уже почти век, адъютки меняются, а этот блаженный так и не осознал, что они на его смазливую рожу ведутся. Пара адъютов, кстати, тоже, но он тем более не понял.

Протекторы вообще часто вызывали у адъютов почтение

или даже восхищение (хотя треть их люто ненавидела). Порой доходило до смешного, как в случае с Даном, которого от суровой реальности спасала лишь его наивность.

– Ну, он человек другого времени, – неуверенно сказал Макс. – Восприятия. Порой кажется, что даже мира.

– Другого времени? Я рос в тридцатые годы при режиме Муссолини – и ничего, не отразилось же!

Повисла неловкая пауза, будто даже Вавилон впервые за сотни лет притих.

– Это та-ак многое объясняет, – с чувством протянул адьют за стойкой, не отрываясь от документов Макса.

Стоило Дану отпустить одну из своих плоских шуток, незамедлительно вызвавшую девичий смех, Стеф сунул адьюту отчет.

– Так, все, – бросил он Макс. – Вы тут опыляйтесь, а я пошел.

Но дойти до выхода Стеф не успел. Заметив возле массивной панели розоватые волосы Фри, он задержался.

– И какое поганое меню заданий они предлагают сегодня? – спросил Стеф, глядя на мельтешащие строки вызовов.

Фри растерянно уставилась на Стефа.

– Да как всегда, – вздохнула она. Лицо ее казалось опухшим – очевидно, отпуск требовался не только Стефану. – Средней паршивости тут, огромной паршивости там. Мне осталось на этой неделе выполнить еще пару маленьких, и

всё.

Поглядев на экран с вызовами, Стефан с долей облегчения подумал, что все было не так уж и плохо. Множество белых заданий – проверки, на них выходили преимущественно адьюты. Желтые – установленный кандидат, протекторы требовались редко. Оранжевые – сплит, протектор очень желателен. Красные – необходимо несколько протекторов. Черные – дело труба, в основном котловины, поход в них без договора со Смотрителем запрещался почти всегда.

– Ох! – вдруг раздался голос Фри. – Стеф, твоя рука...

– Да я в норме, цел и жив. – В доказательство он помахал больной рукой. – Ткани будут постепенно наращивать, от светозарного огня травмы мерзкие. Зато я теперь свободный человек на пару дней.

Она сочувствующе улыбнулась, отчего внутри Стефа все потеплело. Он все еще к такому не привык.

– Все опять заняты. Ладно уж, одна схожу, все равно простое задание... – Тут Фри замялась, перебирая в руках ткань огромной желтой толстовки. – Это... Стеф. Когда вернусь, можно с тобой кое-что обсудить? Это важно.

Он не успел подумать, а рот уже сам собой открылся:

– Могу, в принципе, с тобой на вызов сбегать, там и поговорим.

– У тебя же выходные из-за травмы. И у тебя травма!

– Ну да, могу тратить выходной как захочу. Один мелкий поход вряд ли мне жизнь испортит, – сказал Стефан, сам от-

казываясь верить, что несет подобное. – И рана, собственно, тоже.

– Не знаю даже...

– Да забей, давай, пошли туда-обратно.

На панели вспыхнуло новое желтое задание. Стефан указал на него.

– Вот, как раз. Тебе же этого хватит, чтобы от тебя отстали до следующей недели? Мелкое, тихое, ненапрягающее. Прямая противоположность Дану.

Несмотря на его беспечный тон, Фри не могла отпустить ситуацию. Она неуверенно свела брови.

– Точно с тобой все будет в порядке?

– Абсолютно, – бессовестно соврал Стеф.

На самом деле он мечтал о том, чтобы завалиться спать на целый день, возможно, загрузить новый холст или закончить уже доставшее его темперное полотно с базиликой. А лучше всего добить ту бутылку с егермейстером, надежно спрятанную внутри стенного тайника, оборудованного из опасений потенциального шмона. И просто пялиться в окно с пустой головой, не думая ни о чем. Стеф не хотел, чтобы к нему протискивались воспоминания – вместе с ними туда лезли и демоны былого. Они ощущались морскими глубинами, темными и ледяными. И Стефан тонул в них, наливаясь свинцом, не в силах пошевелиться. Оттуда, с самого дна, на него смотрели мертвые. Те самые, кошмары с которыми порой будили Стефа посреди ночи, оставляя без сна в холод-

ном поту.

Проще было ни о чем не думать.

Но работа – тоже неплохой побег. Стеф хотел отдохнуть после метаний на нескольких заданиях с Даном и Максом, но теперь дрожащей от боли рукой застегивал пуговицы нового мундира и надеялся, что задание и вправду будет легким. Стефан соврал Фри – он чувствовал себя развалюхой. Словно реальный возраст давал о себе знать.

Протектор оперся лбом о холодную поверхность зеркала, надеясь не заснуть прямо так. Старый, доставший всех идитот. Зачем он навязался в напарники Фри? Точно бы надеялся на что-то. Хотя бы на понимание с ее стороны. Она терпела его лишь потому, что это в ее характере – никого не обижать, подбадривать. Жалеть. Он единолично разрушил всё давным-давно вместе с собой. Теперь же его действия выглядели жалкими попытками слепить из пепла былые крепкие мосты. Но от них остались лишь призраки – бесплотные и прозрачные, только в память о них Стефа еще выносили. Он знал это, конечно же, знал.

И все равно был готов и дальше притворяться, что не замечает этого, вопреки всем своим убеждениям и реалистичному отношению к вещам. Жалости он не заслужил, а уж жалеть себя и подавно не собирался.

– К хренам собачьим себя, – проворчал он, оглядывая свое вымученное, растрепанное отражение.

Дозорный пункт по какой-то одной Вселенной известной

причине находился в двух километрах от городка. На выходе с участка сразу же обозначились стены сосен, которые Стефан немедля опалил всей доступной ненавистью. Он решил не бухтеть при Фри, потому заткнулся и молча посеменил за ней по вытоптанной дороге, радуясь, что хотя бы погода оказалась хорошей. Не жарко, не холодно, даже не сыро. Лишь свежий ветер в колючих ветвях.

Фри некоторое время шла чуть впереди, не оглядываясь. Тишина нарастала гигантским пузырем, готовым вот-вот лопнуть от напряжения. Стеф не думал, что ему стоило первому начинать, но, когда солнце скрылось за тучами, решился:

– Так о чем ты хотела поговорить? Ты сказала, это важно.

Сердце забилось быстрее – почему-то ему было страшно узнать. Просто предчувствие. Фри никогда не выглядела такой серьезной, не просила отдельного времени для разговора – она просто брала и говорила. Но сейчас протекторша остановилась, вновь нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Стеф заметил, что она волнуется: в такие моменты Фри всегда слишком заметно хмурила брови, округляла глаза, словно в сомнении, и бегала зрачками по пространству, ища нечто способное ей помочь.

– Ты не знаешь, что со мной было до того, как я спалила все воспоминания?

Стефан остолбенел.

– Я думал, ты не хочешь касаться прошлой жизни.

– Это все еще так, – кивнула она, поворачиваясь к нему полностью. – Поэтому я и спрашиваю у тебя, ведь в личном деле ничего такого нет – вы все мне сами об этом говорили. Простая девочка из маленького городка. Увлечения, бывшие связи с людьми – все это не важно. Ведь это уже не я.

Она понурила взгляд и пнула камень.

– Если Вселенной было угодно, чтобы я уничтожила свою память и прошлую жизнь вместе с ней, то, значит, так надо. Я со смирением к этому отношусь. Но, может, там было что-то странное при начальных осмотрах, когда я только попала в Соларум? Слышал ли ты что-нибудь, а? До нашего знакомства.

В памяти Стефа мгновенно вспыхнули старые образы: огромные окна Соларума, выходящие к лесу, и Фри, одиноко сидящая на подоконнике. Столько вопросов на лице. Она только потеряла свой прошлый мир, а ее уже выбросили в новый. Стефан никому бы подобного не пожелал. Это ведь так невыносимо жутко – понять, что уничтожена не только привычная реальность, но и ты сам.

– Мы тогда хорошо ладили. И ты много помогал мне, – сказала Фри, будто бы оправдываясь за очевидную только ей глупость. – С освоением, со всем. До того как... ну, до того как мы разругались.

«Черт».

Они никогда не вспоминали обо всем, что было между ними до суда. Сначала годами не общались, а после событий

с Антаресом, вынудивших их работать сообща и вновь помиривших, избегали того времени в разговорах как щекотливого табу. Несмотря на то что воспоминания отдавали виной, Стеф не мог не чувствовать тепло и свет, исходящие от них.

– И ты считаешь, что я мог навести справки о тебе в Лазарете или в Вавилоне?

– Да. Ты же беспокоился насчет этого. Я помню.

– А я нет.

Похоже, слова Стефа прозвучали слишком резко, и Фри стушеввалась:

– А. Да, правда, это ведь было так давно. Я просто подумала, что тебе... в общем... – Она вымученно усмехнулась. – А, не важно.

– Нет, ты не поняла, – поспешил оправдаться Стефан и поколебался, ведь заходил в серую зону своей жизни. – Мне не все равно или вроде того. Я не могу сказать уверенно – потому что в делах с памятью это трудно, – но, кажется, у меня забрали часть воспоминаний из того времени. Те, которые я отдал Поллуксу за Макса, Дана и Антареса.

– Да? – Фри вытаращилась на него, все больше смущаясь. – А, ой. Прости. Я и не знала.

– Все нормально. Я пытался понять, что этот рыжий урод забрал. Да и плюс Смотрители несколько раз по мелочи выдергивали память в наказание. В паре мест, которые я, очевидно, вряд ли бы забыл, слишком темные пробелы. – Он

даже не сдержался и усмехнулся. – Жаль, что самого поганого Поллукс с собой не унес. Стало бы проще.

Фри кивнула, но по ее опечаленному взгляду Стеф понял: ответ ее не удовлетворил.

– У всех нас пробелы в памяти, такова уж правда этой поганой работы, – произнес Водолей, шумно вздохнув, и направился вперед, увлекая Фри за собой. – Да и жизни в целом. Я тебе тут не советчик, по вышеозвученным причинам. И в дело твое не лез, потому что ты не хотела.

– Спасибо. Наверное.

– Опроси остальных. Там же не я один был. Дан и Павел тоже с тобой общались с самого начала. Или покопайся в своей душе. Вдруг там найдется то, на что ты в обычном состоянии не обращаешь внимания.

– В смысле?

– А это уже спроси у Ламии. Существуют определенные обряды или вроде того, которые позволяют заглянуть внутрь себя, – понимаешь, о чем я?

– Не особо, – уклончиво и честно ответила Фри.

– Просто обратись к тем, кто разбирается в этом получше. Они тебе всё объяснят намного конкретнее. Но память не вернется, если она уничтожена. Кстати, а почему ты вообще заинтересовалась этим спустя столько лет?

– Я... – Казалось, она на полуслове передумала, что скажет дальше. – Тебе об этом волноваться не обязательно.

– Конечно. – Стеф понимающе кивнул, лишь едва огор-

чившись. Он привык.

Замешкавшись, Стефан сунул руки в карманы и отстал на пару шагов от Фри. Только затем добавил:

– Скажи, если тебе понадобится помощь. В этот раз я не подведу.

Он чувствовал себя глупо. У нее не было причины верить ему, Стеф уже предавал ее однажды. И все же он считал важным, чтобы Фри понимала, что ему не все равно.

– Я знаю, – легко улыбнулась она в ответ.

Прежде чем Стеф ухмыльнулся, его взгляд замер позади девушки.

Протектора пробрало до дрожи.

Атмосфера изменилась резко, как по щелчку. Стефан не понимал, на что смотрит, хуже того – ему это тяжело давалось, будто бы мозг отказывался воспринимать реальность. Все начало двоиться. Каждое дерево, камень или куст обрели фантомов, отслаивающихся от оригинала. Дышать стало труднее, а думать – тем более.

Стеф покачнулся, но заставил себя стоять.

– Что это? – опешила Фри, подавшись назад.

– Отлично, значит, мы оба это видим, – выдохнул Стефан, берясь за пистолет. – Задание ведь было желтым, разве нет?..

Его тряхнуло, словно бы от удара током. Воздух утекал из легких, а вдыхать становилось все тяжелее. Стефа начала бить дрожь, да так, что он едва мог удержать пистолет в руках. Оружие казалось чугунным по весу. И страх. Он некон-

тролируемой вспышкой зародился где-то в груди, заставляя озираться, раздирал мысли на части. И не оставлял ничего, кроме немого ужаса перед увиденным.

И Стеф нашел его – источник паники, от которой хотелось бежать на каком-то инстинктивном уровне: животном, духовном, совершенно любом. Все об этом кричало. Водолей заметил вдалеке силуэт, стоящий меж сосен и елей. Тот казался человеческим, но размытым, как и все вокруг. Ускользающим с глаз, заметным лишь на периферии, а не под прямым взглядом. В фигуре не было красок, только пронзительные белые и черные цвета, смешивающиеся в единое месиво.

Стефан глядел на него всего пару секунд и был уверен, что обладатель силуэта смотрит прямо на них.

А затем раздался грохот. Дикий, рвущий перепонки. Ударная волна с силой отбросила протекторов на землю. Мир гудел так долго, что Стефан ждал очередной смерти. Только сердце бешено билось где-то внутри. А затем ветер с адским свистом подался назад, продолжая терзать все кругом. В теле странно покалывало, и ничего больше не чувствовалось. Глаза заволокло пеленой, а уши заложило. Страх уверенно нарастал, как будто стрелки часов приближались к пяти минутам седьмого. Но нет, Стефан проверял еще в дозорном пункте – на его родине далеко до этого времени. Тогда почему так страшно умереть сейчас?

Словно бы все закончится на этот раз?

Вместе с грохотом.

Вместе с миром и даже Тьмой и Светом.

И воздуха так мало...

Полностью раствориться в шуме и стать ничем.

Вернувшись к самому началу.

Истошной тишине.

Стать единым с пустотой.

«*Странные мысли*», – с трудом подумал Стеф.

– Стефан!

Он разлепил глаза. Страх отступал. Дышать было так же трудно, Стефан продолжал через силу, со свистом вбирать в легкие воздух, который словно обратился в жидкость.

– Где ты? – кричала откуда-то Фри.

Стеф поднялся на ноги, но, естественно, упал обратно. Теперь уже плыло исключительно перед глазами. Где-то впереди серебром блеснул пистолет, и Стеф думал, что этот свет слишком яркий. Такой белый и чистый на фоне грязной опавшей хвои. Так далеко... и так близко. Он протянул руку, но взяться не смог. Все-таки слишком далеко. Травмированная кисть налилась огненной болью – протектор слишком неуклюже оперся о нее. С головы на землю крупными каплями лилась кровь. Стеф тупо смотрел на красные кляксы, пытаюсь переварить и принять, что удар о землю был не мягким.

Взгляд остановился на небе. Его захватило дребезжащее марево с зеленоватыми бликами. Такое странное зрелище. Пугающее и красивое.

«*Там, за лесом, город...*»

Стеф понял сразу, что все плохо, но теперь это чувство засело еще глубже. Все было не просто плохо, а невыразимо ужасно.

– Стеф!

Он встряхнулся и осознал, что все заволок туман. Ни черта не видно. Что-то было не в порядке с этим туманом, и даже не скорость, с которой он возник. Тягучий, переливчатый и темный. С белыми... тенями.

– Фри! – позвал он в ответ.

– Сюда!

Ее образ просвечивал неподалеку, сквозь вихри нагрывавшей серо-зеленой мглы.

– Я тут... – выпалил Стефан, оказавшись совсем рядом, и едва не упал.

Фри успела оттащить его от особо плотных языков тумана.

– Не трогай! – выдохнула она, обхватив Стефа руками и оттягивая назад. – Он странный. Пойдем в Соларум.

– А получится? – ответил он, разглядывая частицы реальности, откалывающиеся и искажающиеся на границах тумана.

Марево затягивало внутрь себя свет, изгибая пространство до неузнаваемости. От вихрей бросало в дрожь. Стеф не сразу понял, как сильно дрожит Фри. Она продолжала крепко прижимать к себе протектора, но теперь уже не потому, что пыталась его спасти, а в панике.

Туман приковывал к себе их взгляды, тихо выползая со стороны городка. Он казался таким неправильным, неестественным. От вида всех изломов материи, которые тот вызывал, в ушах с удвоенной силой пульсировала кровь. Засмотревшись, Стефан не сразу заметил, что у Фри кожа пошла красными пятнами, на ней появились ссадины. Алые бусинки кластерами скапливались на коже. На его собственных руках обнаружилось то же самое. Кровь сочилась сквозь поры.

– Уходим, – пролепетала Фри, едва справляясь с нагрянувшим ужасом. – Пожалуйста, давай.

Противоестественный густой туман засасывал их внимание сильнейшим магнитом. Он пожирал даже мысли. Стефан с трудом пришел в себя.

– Идем. Да.

Стоило ему сказать это, как туман, медленно плывущий в их сторону, всколыхнулся. Стеф несколько раз моргнул, и ему удалось разглядеть посреди хмари нечто движущееся прямо на них.

У него пересохло во рту, а голова взорвалась от боли

Это можно было назвать человеком лишь отдаленно. Настолько отдаленно, как Плутон от Солнца. Зрение никак не желало фокусироваться на нем, мозг буквально пылал и кипел в тщетных попытках. Сознание улавливало лишь искаженные черты создания, разлетевшегося на множество осколков. Среди них угадывались разломанные кости и образы нескольких рук. Зеленый отблеск где-то на месте гру-

дины. Как и туман, существо было темным, с белыми светящимися тенями. Точно эффект негатива.

– Мерзость, – едва слышно донеслось от Фри.

Стеф почти не разобрал ее речи. Все поглотил настойчивый звон, заполнивший голову при взгляде на богомерзкую тварь. Это было хуже сплита. Хуже чего угодно. Она распалась, была полупрозрачной. Но продолжала свой путь к ним.

Протектора тошнило, атмосфера давила вниз. Он терял последнюю внятную мысль от приближения монстра. Но все же выхватил кинжал.

Стефан оттолкнул Фри подальше и вонзил лезвие в тварь – та даже не заметила. Стефа потрянуло. Нагрянувшая боль усиливалась, выжигала нутро. Поглядев вниз, он увидел, что скрепленные зелеными нитями пыльные частицы вонзились в его правый бок, прошли насквозь. Плоть не разорвали, и все же Стефан поперхнулся кровью.

Он рухнул на землю, утратив последние силы – они просто выскользнули прочь, оставив пустую оболочку. И жуткую боль под ребрами.

А затем – мешанина образов.

Взрыв Света и чьи-то крики. Яркие-оранжевые огни, стремительно кружащие повсюду.

Стефан наблюдал за происходящим без мыслей, ощущая лицом холодную хвою. Она пахла тленом. Как и Стеф. Тленом вонял целый мир.

И даже та темнота, в которую он в конце концов соскользнул.

Может, это была смерть. Или просто потеря сознания. Стефан порой с трудом различал эти состояния. Оба липкие, отвратительные. Потому что терял себя полностью. Ни мыслей, ни ощущений.

Это ли и есть Обливион?

Но каждый раз Стефан всплывал на поверхность – тяжело и неохотно. Его выбрасывало на берег живых с залатанными ранами.

И, как всегда, он открыл глаза, едва понимая, что происходит вокруг.

Фри была совсем близко, сидела вплотную. И говорила с кем-то за пределами видимости. Повернуть голову оказалось титанически трудно.

Новый человек был совершенно один. Кто же справился с той тварью? Никто бы не сделал этого в одиночку, ведь...

Наконец Стефан заметил синюю форму и символ созвездия Круга Тринадцати. Он ее знал. Многие слышали об этой протекторше, но лишь редкие были с ней знакомы.

И Стефану сегодня крупно повезло. Ее так давно не было в Соларуме.

Сильнейшая протекторша.

– Похоже, ты все еще с нами, дорогой, – улыбнулась Рыбы, заметив, что Водолей очнулся.

Стеф вновь провалился в беспамятство. Бок продолжал

болеть.

Глава VIII

Аннигиляция

Протекторы быстро разбили небольшой палаточный пункт, где оказались исследовательская аппаратура и руководство в лице Паскаля, Ханны и Дана, который хоть и не был одним из Тринадцати, но возрастом выигрывал у всех остальных.

– Пять тысяч восемьсот семьдесят один житель, – сказал Паскаль. – И это только примерное число.

– Значит, продолжаем поиски, – серьезно ответил Дан, кивая. – Пока не найдем хоть что-то.

– Ты здесь не начальник. – Скорпион холодно прищурился.

– Ты тоже, потому давай не вступать в конфронтацию и будем работать как профессионалы.

Паскалю, видно, не очень нравилась идея работать с Даном на равных, но через силу он кивнул. Благодаря ему в пункте царил спартанский порядок, все работало как часы. Скорпион напряженно взирал на обновляющиеся документы с данными, упершись руками в стол.

– Устройте исследовательские группы за счет всех прохлаждающихся в Соларуме адъютов и ускорьте спуск вниз, – приказал он стоящему неподалеку Лебедю. – Установите причину случившегося в кратчайшие сроки.

Паскаль удалился, а я как можно незаметнее покинул пункт следом. И смотрел по сторонам с потерянным видом. Остальные работали над чем-то важным: на площадке бурлило броуновское движение, адъютам и протекторам не требовалось даже командование, все знали, что им следует делать, – настолько хорошо были отточены системы при работе в чрезвычайных ситуациях. Коул пока не появился – сказал Дану, что придет позднее. Но что могло быть важнее... *такого?*

Адъюты в большом количестве прочесывали местный лес – густой и хвойный, пугающе тихий. Я ждал прохладного воздуха, но тут так тяжело дышалось, словно через забитый нос. И атмосфера – легкая и ледяная. У меня мурашки от нее бежали. Тревога не уходила, настолько неправильным чувствовалось все вокруг. Остальные это тоже ощущали, я-то знал наверняка. Пугающе и неотвратно, и главное – никто не понимал, что же такого случилось, чтобы вызывать такой трепет. Что-то совершенно неуловимое, как пыль кошмаров под веками. И в то же время реальное, разверзшееся передо мной огромным каньоном.

Километры почвы исчезли. Я видел дно – гладкое и отполированное почти что до зеркального блеска, – но противоположный край трещины терялся далеко впереди. Мой взгляд блуждал от разлома к лесу, к покрытым голубоватой дымкой горам и затем – к ясному небу. Такому оскорбительно чистому и солнечному, будто оно и не заметило смерти

всех этих людей.

Асфальтированная дорога обрывалась, как ножом отсекали. На заржавевших цепях тоскливо покачивался дорожный знак, обозначающий въезд в городок. Его название уже не имело никакого смысла – Соларум все равно сотрет его из памяти человечества. Я повернул голову к почти единственному свидетельству того, что в этом месте жили люди. Невысокая каменная ограда и часть сохранившегося двора. Сам дом исчез, как и все вокруг, а вот этот кусок каким-то чудом спасся, выстоял. Застрял во времени. Там даже был лакированный стол с раскрытой книгой на нем. Возможно, некто читал здесь, но забыл что-то в доме, удалился всего на минуту. Если бы человек находился чуть ближе к дороге...

– Ты новенький, верно?

Я взглянул в лицо незнакомки, стоявшей на самом краю разлома чуть в стороне. Она принялась стряхивать с плеча еловые иглы, и оружие за ее спиной слегка загремело – меч и небольшое копье. Форма протекторши с самого начала показалась мне странной. Похоже, одна из прежних версий. Подол сюртука длиннее, на поясе перевязь из серой ткани, к ней прикреплены все нужные сумки и загнутые клинки. На голове капюшон, край которого венчался острым серебряным ромбом. Шея укрыта темным платком, которым протекторша, судя по всему, обычно закрывала нижнюю часть лица. Рукава с узорчатыми вставками, сапоги так вообще с заостренными стальными носами.

На этой форме погон с созвездиями не имелось, а вот знак заставил меня поразиться.

– Чего молчишь? Или язык проглотил? – усмехнулась она.

Рыбы. Круг Тринадцати.

Рамона.

Та, о силе которой травили байки. Говорили, ее квинтэссенция была даже внушительнее, чем способности Сары.

– Так это ты спасла Стефа и Фри?

Фри второпях успела мне рассказать обо всем, пока Стефана волокли в Лазарет. То, с чем они были не в силах справиться вдвоем, Рыбы одолела в одиночку.

Кожа Рамоны была цвета светлой карамели. Густые каштановые волосы и необычайно длинные черные ресницы. Острые губы, подбородок с ямкой и пробуждающий в памяти образы римских статуй нос. А глаза – бледно-серые, холодные цветом, но горячие душой. Она была ровесницей Коула – не младше двадцати пяти, невысокая и крепко сбитая. Лицо покрывали мелкие шрамы.

– А! – оживилась она. – Да, вовремя я, правда? Водолея, конечно, помотало, но вроде жив-здоров. А ты все-таки кто? – Тут ее острый взгляд скользнул к моим поганам, она охнула. – Так ты новый Стрелец?

– Э, да...

– Приятно познакомиться! – Рыбы схватила мою руку и начала трясти ее с утроенной силой. – Как давно ты с нами? Долго же меня в Соларуме не было, столько пропустила! Ох,

пустая старая голова, совсем забыла представиться!

Ее душа беспощадно жарила мою кожу. Повсюду темнели скалы и ревела лава. С черного неба дождем сыпали мелкие монеты. Из ярких оранжевых потоков вырывались огромные каменные руки, испещренные огненными трещинами. На камнях нацарапаны рисунки, едва разборчивые, они покрывали все видимые стены и пол. Центр души – наполовину скрытая под магмой голова женщины. Ее оставшийся на поверхности сапфировый глаз смотрел прямо на меня.

Рыбы пафосно положила руку себе на грудь. Было в этом жесте что-то подозрительно знакомое.

– Рамона Мария Ласерда да Коста, – лаконично назвалась она. – Можно просто Рамона. А ты у нас?..

– Максимус Луцем. Лучше, конечно, Макс.

– Максимус! – воскликнула Рамона, и я тут же пожалел, что так просто выдал ей полное имя. – Да еще и Луцем. Странное имя. Откуда ты родом? – И прежде чем мне удалось ответить, она взмахнула рукой, словно открывая мне прекрасную картину. – Я сама из города Порту, что на северо-западном побережье Португалии. Неподалеку от Лиссабона. Ну, в масштабах Земли уж точно недалеко. Прекрасный город, такой солнечный, яркий! Море всегда отличное. Но в тысяча пятисотых там было не столь вдохновляюще, не рекомендую, особенно не в правление Жуана Третьего, этот дипломат никогда не интересовался, что творится в его собственных владениях!

Рамона рассмеялась и хлопнула по моему плечу, словно мы были старыми друзьями.

– Ты знаешь, что произошло тут? – Я кивнул в сторону кратера, стараясь сменить тему. – Это могла быть вакуумная воронка?

– Совершенно нет. Воронка оставляет специфические следы. А здесь – вообще ничего. Даже Света или Тьмы.

Верхушки деревьев зашумели под напором нагрывшего ветра. Я вдохнул поглубже принесенный им чистый воздух. С веток обильно сыпалась жухлая хвоя.

– Они умирают, – заключил я, глядя на растения. – Эфиры ушли. Их забрали, да?

– Тут будет мертвая зона. Придется восстанавливать.

– И следов никаких, верно? Ни заоблачников, ни чего-то другого.

Ну а чего я ожидал? Что мы найдем сохранившиеся зеркала для изучения отражений? Место у черта на рогах, адьютам и так пришлось пару километров топать от ближайшего транзитного круга, чтобы донести сюда новый, взамен уничтоженного.

Погибло несколько тысяч человек. Я впервые столкнулся с таким на работе. Да, полтора года назад из-за прибывших за Антаресом эквиглибрумов умерли десятки тысяч приземленных, но я не стоял прямо перед мертвым местом. Не ощущал этой давящей пустоты, отчаянно пытаюсь найти глазами хоть что-то, что было обьязано оставаться на твердой земле.

Но в итоге обнаруживал лишь пропасть.

– Будем работать, – заверила меня Рамона.

И пошла в сторону палатки. Я последовал за ней.

Мы вернулись к остальным как раз вовремя. Пока Дан склонился над объемной проекцией местности, Рамона как ни в чем не бывало подступилась к протекторам.

– Итак, ничего, – возвестила она, встав на самом видном месте и уверенно положив руки на пояс. – Надеюсь, в этот раз вы проявили больше инициативы и труда, чем обычно, и удивите меня хорошими новостями и вашими возросшими способностями. И кто-нибудь здесь делает чай? Буду по гроб ему благодарна. Зеленый, с долькой лимона, если найдете.

Все изумленно вытаращились. Дан поднял голову, замерев.

– Ты?..

– Кого я вижу! – влез Паскаль.

Уж кого-кого, а наблюдать его в добром расположении духа было непривычно. Рамона широко улыбнулась Скорпиону.

– Паскаль! До сих пор живой!

– Думала, что я так просто помру? Не дожدهшься.

Он крепко обнял ее в приветствии. Рыбы только и смогла выдавить:

– Когда это ты стал таким широким и крепким?.. Ты же был мелкий, как тумбочка!

– Нет! – воскликнул Дан.

Все оторопели с его злобы, сгустилась тишина. Рамона удивленно уставилась на Дана, а затем внезапно повеселела. Она чрезвычайно обрадовалась ему, быстро оказалась возле протектора и стиснула его в объятиях. Сам же Дан стоял столбом.

– Как жизнь, дружок? – спросила она, отстраняясь и хлопнув его по ребрам. – Так здорово видеть, что ты в порядке! Все-таки смог усвоить кое-что, раз выжил! Не видела тебя с самого конца Первой мировой!

– Ты тогда еще снисходила до нас. Зачем вернулась?

– Ты о чем? Как я могла не прийти? Тут же такое...

– А что ты делала все эти годы? Скажешь, что охотилась, да? Твои появления в Соларуме за последние лет пятьдесят по пальцам одной травмированной руки пересчитать можно. И даже историю с Антаресом пропустила.

– Ты делаешь из мухи слона. Опять разнылся, что ж такое. Ты же сам знаешь, что мне удобнее работать подобным образом!

– В отрыве от товарищей? Просто очаровательно. Ты и сейчас своей дорогой пойдешь?

– Ну, раз я встретила вас, то почему бы и не зайти на огонек? – Рамона широко улыбнулась, стоя почти вплотную к нему. – Хочу увидеть всех! Тисуса, Маркуса...

Тут Дан грубо оттолкнул ее, на лице возникло отвращение, точно коснулся грязи.

– Маркус мертв. Ты не пришла на его похороны, хотя по-

являлась после. И ты бы знала об этом, если бы интересовалась хоть чем-нибудь, кроме себя самой. Ты вообще пропустила множество отпеваний. Иди в Соларум, поинтересуйся, кто из них уже давно в урне. Уверен, ты откроешь для себя много нового.

Рамона обомлела, но, собравшись, серьезно произнесла:

– Прекращай винить меня во всем. Это тебя недостойно.

– И все-таки расскажи, что здесь случилось, – сухо напомнила Ханна, заодно меняя тему. – Ты появилась очень вовремя, явно знала, что должно произойти. И где ты была раньше?

– Дела, всё дела. Никак не могла выбраться к вам в Соларум. А тут так знатно бахнуло, что я не могла пройти мимо, не посмотрев. К тому же опасность переросла в такие масштабы, что одна я в жизни не управлюсь. Тебя я, кстати, тоже рада видеть, дорогая. Приятно знать, что столько из вас еще в живых. Здорово, что вы тут, потому что у нас назревают нешуточные проблемы. То, что вы видите, эта аннигиляция – не первая. Были и другие.

– Тогда я бы хотел послушать, с вашего позволения. – Коул прибыл как нельзя кстати, мы немедленно расступились, чтобы пропустить его в образовавшийся кружок.

Он показался мне бледнее обычного. От Змееносца веяло холодом – не таким, как местная погода, а настоящим, крепким, способным заморозить самые жаркие источники. Но все же при виде Рамоны он встал как вкопанный. Я даже

не мог разобрать сложную комбинацию эмоций, отразившуюся на его лице, но зато прекрасно ощутил то, что буквально лилось из его души. Трепет. Почему он так беспокоился?..

– Коул!

Рамона легким шагом приблизилась к нему, но Змееносец резко отгородился от нее ладонью.

– Попрошу без нежностей, – процедил он. Не дав Рамоне слова, он оглянулся к расселине. – Не станем отвлекаться. Так были другие места? Где и когда? Почему ты не сказала нам?

Рамона развела руками:

– До этого не случалось человеческих жертв. Никакой информации получить не удалось, а зачем отвлекать вас лишний раз от работы?

– Погибли люди! – ожесточился он. – О чем ты только думала?! Ты была обязана сказать нам, чтобы мы расследовали каждое дело!

– Какой смысл? Я работаю лучше, чем вы все вместе взятые, и ты сам это знаешь, милый. Если я ничего не нашла, то вы бы и подавно не справились. Вы даже аномалий не заметили! А толпой вы могли спугнуть это нечто.

– О да, потрясающе! – озлобился Дан. – Не спугнули настолько, что умерли тысячи людей. Блестящая стратегия! Здесь ты просто превзошла саму себя.

– На самом деле я почти поймала его.

– Его? – хмуро переспросил Коул, направляясь к кар-

те-проекции.

Рамона закивала и отстранила его. Она свернула проекцию в глобус.

– Да, были и другие места. – Рыбы щелкнула по Японии, Индонезии, Мексике, Сахаре и лесам Амазонки. – Но это было далеко от людей. Просто мертвая земля. Первую точку я нашла случайно при частичной зачистке мерзкой котловины сплитов в так называемом японском Лесу самоубийц. К тому моменту эфиры отсутствовали порядка пяти дней, да и яма была не такая большая, как здешняя. Я обратилась к местному дозорному пункту, чтобы узнать, не засекали ли они чего-то подобного рядом. Оказалось, что поблизости ничего не нашлось, зато в другой точке земного шара как раз назревала схожая аномалия. Вы сами не замечали этого, потому что Тьма не перевешивала Свет, а для Соларума это значит порядок. Оба эфира просто умирали вместе. Я пришла в первое место вскоре после случившегося. С тех пор каждые полторы недели происходила аннигиляция пространства. И я подбиралась ближе к этому существу раз за разом.

– И как же оно выглядело? – спросила Ханна, глядя на глобус.

– Как человек, милая, как же еще? Сегодня он был в Мельбурне. Впервые приблизился к людям. Из-за этого я совершила ошибку – полезла к нему раньше запланированного, чтобы не допустить жертв. А он исчез, забрав с собой лишь кусок стены здания.

– Ты его разглядела? – подал голос Паскаль.

– Нет, он казался размытым из-за своей энергии. Она его распирает, это видно. И в конце концов происходит выброс.

Коул поднес руку к подбородку.

– Что насчет его эфиров?

– Сегодня я их просматривала, – ответила Рамона. – И их просто нет. Они исчезли отовсюду на километры. Ни в земле, ни в воздухе, вообще нигде.

– С мощной, как ты заявляешь, энергией? Невозможно. – Коул указал в сторону расселины. – Такое может создать только манипуляция, а от них всегда остается эфирный след. Иначе от чего она работала?

– А все-таки это правда. Ни Света, ни Тьмы. Ничего после взрыва. Понятия не имею, что это было, но я его спугнула. Существо уже в Мельбурне готовилось высвободить энергию рядом с людьми. И что-то подсказало мне, что оно не остановится, найдет новое людное место. Так все и оказалось. Оно переместилось сюда.

– Что ты хочешь сказать? – прищурился Змееносец.

Рамона мягко улыбнулась:

– Ты правда настолько недогадливый? У нас осталось полторы недели до нового появления.

– И чем бы эта чертовщина ни была, она уже принялась за людей, – произнес я и с сомнением обернулся к Коулу, по-прежнему пребывающему в глубокой задумчивости. – Есть хоть какие-то идеи? Встречались ли прецеденты за небеса-

ми?

– У эквилибрумов встречалось что угодно, – тихо прогу-
дел он. – Нужно спросить у них. Но первым делом я пошлю
людей проверить все отмеченные Рамоной места.

– Зачем? – Она удивленно заморгала. – Там уже нет сле-
дов.

– За это тебе отдельное спасибо. Но они пойдут и провер-
ят правдивость твоих слов.

– Да что вообще с тобой происходит? Когда ты успел стать
такой недоверчивой недотрогой?

– Как раз за эти десятки лет, пока тебя не было с нами, –
грубо отрезал Змееносец, повернувшись к остальным. – Вы –
продолжайте изучать местность. Ханна, отправляйся в Сола-
рум, передай адъютам, чтобы исследовали планету на пред-
мет отклонений, обнаруженных Рамоной, которые она тебе
в точности опишет в мельчайших подробностях. Раз уж она
смогла находить нужные места, то следы есть, верно? Как
и схема выявления новых. Когда мы выясним, что искать и
как, эта тварь не должна пройти мимо нас. На Земле уже
был Антарес; не хватало еще одного эквилибрума, способ-
ного принести с собой апокалипсис.

Паскаль, уже что-то записывающий в энерггласс, сказал:

– Мы обязаны найти существо и уничтожить, прежде чем
оно навредит Земле и нашей репутации.

– Тебя серьезно волнует репутация? – удивилась Рамона.

– Звезды могут перестать нам доверять, – ответила за него

Ханна, на что Паскаль великодушно кивнул. – Отобратить свободы, увеличить слезку. Я согласна. С подобным следует разобраться, и быстро.

– За полторы недели, – добавил Скорпион, постукивая пером по стеклу энергласса. – Меня не волнует, как мы это делаем. Результат обязан быть. Это наша работа.

– А еще нужно как-то доложить об этом Сириусу, – вздохнул я. – Только... мягко. Может, он посоветует, что делать дальше.

Я постарался как можно скорее скрыться в лесу, чтобы переварить случившееся и, возможно, обнаружить что-нибудь полезное. Но вместо этого через какое-то время я вышел напрямик к Ламии. Она стояла перед огромной мертвой сосной, запрокинув голову. Рядом в хвое валялась ее рабочая сумка, но протекторша о ней позабыла. Так странно было видеть ее просто созерцающей, а не погруженной в работу с головой.

– Есть что-нибудь? – спросил я, привлекая внимание.

– В том-то и дело, что нет, – спокойно сказала Ламия, не отрывая взгляда от неба. – Ни эфиров, ни животных.

– Мне казалось, что отсутствие чего-либо – это уже находка для тебя. Где еще ты можешь наблюдать такое?

Она не ответила, и я подошел ближе.

– Что-то не так?

– Все вокруг нынче... такое необъяснимо странное.

– Но это ведь хорошо? – уточнил я и тут же осекся. – В

смысле для тебя как для ученой. Не для тех тысяч людей.

Ламия покачала головой.

– Да, но я не уверена, что должна с этим делать. Честно говоря, я уже ни в чем не уверена.

– Это как-то связано с тем, что ты просила у меня помощи?

– А? Да нет, выбрось из головы, – отмахнулась она, бодро подхватывая на плечо сумку. – Посмотри-ка лучше сюда, это интересно.

Странная смена тона, но я, в принципе, привык. Ламия обошла ствол дерева, открывая мне другую его сторону. Там кора практически полностью облезла, древесину испещряли большие кольцеобразные отметины – от корней до верхушки.

– А напротив – место происшествия. – Ламия указала в сторону расселины, скрытую деревьями. – Эти борозды новые. Я обнаружила подобные еще в нескольких местах, даже на камнях.

– Последствия аннигиляции?

– Похоже. Но я в жизни такого не видела. Почему они разбросаны точечно, а не по всему вокруг?

– Я тоже задавала себе этот вопрос, – донесся голос Рамоны.

Оказавшись рядом с нами, она незамедлительно пожала Ламии руку. Я облегчением отметил, что смущала она не только меня одного.

– Ты ведь наш новый ученый? – с интересом спросила Рамона.

– Новый? – поперхнулась Ламия. – Я тут с двадцатого века!

– Вот и я о чем. Так у тебя уже есть какие-то мысли по этому поводу?

– Только то, что отметины оставляет энергия, высвобождаемая субъектом.

– Да, но каким образом? Что это за сила? Если не Свет и не Тьма.

– Думаю, больше я смогу сказать, оказавшись в Манипуляционной.

Рамону не очень-то устроил ее ответ, но она ухмыльнулась.

– Раньше с кольцами было иначе, – сообщила она. – На всех остальных объектах я наблюдала их лишь внутри ям. Маленькие совсем. А здесь их разметало по всей площади.

– Должно быть, тварь становится сильнее или агрессивнее, – предположил я.

– Как вариант. Верю, что Манипуляционному отделу будет проще простого разобраться во всех загадках, которые мы здесь нашли. Особенно раз там работают такие свежие, обучающиеся и пытливые умы.

Рамона с воодушевляющей улыбкой похлопала нас по плечам и удалилась, скрывшись в лесу.

– Звезды, какая же она болтливая, – буркнула Ламия.

Я с усмешкой покосился на нее.

– И это ты говоришь?

– А что я? Я довольно милая и лаконичная, разве нет? –

Она шумно вздохнула. – Пожалуй, нужно продолжить работу. Слушай, будь другом, принеси капсулы для исследования грунта. Их уже должны были доставить.

– Это те, которые взрываются через раз? – уточнил я, уходя.

– Ну всего дважды было!

Ее запал освежил голову, я даже смог начать обдумывать ситуацию и ее дальнейшее развитие. Мне казалось, что правильным вариантом было бы задать вопросы Сириусу, а также провести собственное расследование. Естественно, в Архиве. А если там не нашлось бы нужных сведений, то имелась возможность отправиться в Юниверсариум Аргентиона – в поселении заоблачников наверняка имеется более актуальная информация.

Я остановился в небольшой низине, чтобы перевести дух и оглядеться. Лес стремительно желтел, будто не начало лета, а глубокий октябрь, промозглый и мрачный. Тишина продолжала напрягать.

И тут сквозь нее раздался свист. Он вспорол застойное молчание, заставив меня обернуться. Никаких протекторов. Да и никакого движения тоже. Пока вдруг вдали, среди стволов, что-то не дернулось.

Прежде чем обдумать все как следует, я бросился в пого-

ню. Конечно, я поступил безрассудно – но как можно было упустить хоть что-то при такой катастрофе? Мы могли бы получить сведения!

Я скатился со склона, цепляясь за ветки и спотыкаясь о булыжники. Силуэт, который до этого я не упустил из виду, вдруг пропал, оставив меня стоять на пяточке чистого от деревьев пространства меж крупных валунов. Сучки хрустели под ногами, ветер шумел в кронах, а я стоял, пытаюсь уловить хоть единое движение.

Внезапно из-за особо большого и покрытого мхом валуна показался человек.

– Я же говорил, что явится!

Меня переклинило от изумления. Этот мелкий падший, застрявший в подростковом возрасте. Йорген. Бывший протектор под созвездием Кота. Полтора года назад он вместе с Греем и остальными пытался меня прикончить.

В следующий миг кто-то уже приставил лезвие к моему горлу.

– Давай только тихо, – спокойно, но твердо произнес женский голос прямо над ухом. – Нам не нужно, чтобы ты пострадал.

– Так это были вы?! – со злобой прошипел я, чувствуя, как мерцающее серебро вдавливается в кожу. – Это же так логично.

– Поспешно выводы строишь. – Йорген зашаркал по хвое. – Думаешь, самый умный тут?

– А теперь ты нас спокойно выслушаешь, – приказала падшая, второй рукой стискивая мое плечо. Краем глаза я мог разглядеть лишь ее загорелую кожу и черные перчатки. – Хочешь верь, а хочешь нет...

Резким движением я отбил клинок, схватил падшую за запястье и со всей силы перекинул через себя, спасибо тренировкам. Ее душа разлилась перед глазами. Я словно оказался под толщей воды, на дне моря, куда с трудом доходил свет. Вокруг проплывали мелкие серебристые рыбешки, они ловко огибали мечи, воткнутые в илистое песчаное дно. Тысячи ржавых лезвий. А в центре всего этого – кости огромного неведомого существа со множеством рогов. Его череп казался больше деревенского дома. Скелет призрачно сиял голубым светом.

Падшая ударилась так, что кинжал вылетел из рук. Она зашипела от боли, а я сделал быстрый шаг назад, уже решая, что пора поджигать светозарный огонь.

– Даже не пытайся оружие сделать, – предостерег Йорген. – Нуль-поле.

– Снова, – выплюнул я. – Как и тогда, на реке, да? Вы по-другому и не умеете.

– Да, не умеем! – злобно воскликнула падшая, потирая ушибленную голову. Ее невероятно густые каштановые волосы оказались заплетены в толстую, доходящую до поясницы косу. Сама девица была в кожаной куртке и темных джинсах. Она щурилась от боли. – И в последний раз ее исполь-

зуюм, потому что запустить больше ее никто не сможет!

– Истратили все ресурсы? – Я все обдумывал, как подать сигнал своим, и не понимал, почему падшие не держат меня на мушке, а просто ведут беседу. Неужели где-то здесь еще одна ловушка?..

– Нет, – фыркнул Йорген. – Обновлять поле умела лишь Шакара. А она сейчас не то чтобы в состоянии.

Тут я даже о побеге забыл и уставился на падшего во все глаза.

– Что с ней?

Падшая встала, вся в пыли и мелком мусоре, подобрала кинжал и посмотрела на меня, на этот раз без злобы. Глаза – черные, как две дыры, – пожирали полностью все, включая свет. Я узнал ее, давно уже изучил всю их свору. Она была Прометеем. Карла Эстебан, сбежавшая к предателям вместе с Греем.

– Если пойдешь с нами, то увидишь, – заявила она со всей серьезностью.

Я выждал секунду, пять – и прыснул со смеху, настолько нелепым казалось это предложение. Но Карла не расценила это как шутку. Не дожидаясь моего ответа, она продолжила:

– Не усложняй дело, Максимус, это в наших общих интересах. Даю слово, тебе не навредят.

– Слово? – Я поперхнулся. – Чтобы я доверился вам, падшим? Вы совсем рехнулись? После того как вы, твари, только что убили пять тысяч человек...

– Это были не мы, – резко отрезал Йорген, хмурясь. – А Грей.

– Тогда вы тоже в этом виноваты! – рявкнул я. – Он один из вашего серпентария!

– Больше нет, – покачала головой Карла. – Грей ушел от нас.

– Предатель в квадрате.

– Который вздумал нарушить весь баланс на планете! И мы в полном дерьме, так же как и вы, протекторы! Нет времени на сопли, Максимус, пойми, мы тебя не тащим силой только потому, что хотим показать мирные намерения. В этот раз всё по-другому.

– И что же я получу с этого?

– Информацию о Грее, – ответила Карла. – Ты же хочешь поквитаться с ним? Мы тоже. И мы одни не справимся.

Меня пробрало. Это так по-идиотски – просто ни с того ни с сего довериться им? Падшие творили зверства над протекторами и приземленными. И с чего я должен был поверить, что та аннигиляция – не их провалившаяся операция?

И все же в прошлые разы, когда я был им необходим, падшие действовали агрессивно. А теперь попытка в мирный разговор.

Узнать, где Грей, и добиться от него ответов... Но такой риск...

– Какие гарантии, что я не окажусь на столе у Шакары в очередной раз или не буду просто вами прирезан?

– Хотели бы мы тебя зарезать – уже бы сделали, – пояснил Йорген. – Ты сам охотно к нам в руки идешь, ноль проблем. А что до Шакары... она тебя не тронет.

– К тому же, – произнесла Карла, – она сама сказала, что только тебе и доверит все наработки.

Словно молния пробила меня насквозь. Шакара. Ее лицо вновь появилось передо мной. Холодное, недвижимое, точно маска. Вытаскивающее из сознания самые мрачные воспоминания.

– Чего она хочет? – Я едва узнал свой голос, настолько он был тих.

– Просто поговорить, и всё, – заверила меня падшая. – Почему-то она уверена, что ты единственный сможешь помочь.

– Она не говорила почему?

Йорген неразборчиво выругался и сказал:

– Да какая, блин, разница? Сама пояснил тебе. Мы и так несколько месяцев потратили, этот выродок уже мог сотворить что-нибудь еще. И чем дальше, тем сложнее его будет отловить. Он не остановится. Нам нужна твоя помощь, святоша, а тебе – наша. Ты идешь с нами или нет?

Глава IX

Чудища внутри нас

Я просто сошел с ума, иного и быть не могло. Возможно, моя звездная половина окончательно отключила в голове извилину, отвечающую за здравомыслие и самосохранение. Определенно.

После перестроения тела я больше не потел, у эквilibriumов терморегуляция протекала по-другому, но если бы еще мог, то уже давно обливался бы ледяным потом в напряжении.

Падшие при помощи транзита перенесли меня в другое место, так же окруженное горами, только здесь было намного больше травы, да и погода заметно теплее. Они провели меня через высокий забор в огромную виллу, в одиночестве стоящую на бугре. В саду росли заоблачные растения, те самые, что можно было найти в лесу Соларума, – синие кусты с призрачными цветами. В доме имелось множество окон, и изнутри его строгое убранство заливал солнечный свет. Было странно видеть такое, ведь я привык, что падшие постоянно прятались в каких-то подземных базах. А тут они будто и не скрывались. Внутри виллы ничто не напоминало о мире Эквilibriumиса, все смотрелось исключительно по-человечески.

– А где остальные ваши? – поинтересовался я, оглядывая

ряды книжных стеллажей.

– Кто где, – буркнул Йорген, ковыряясь в своем энергласе. – Одни сбежали, другие ищут седого уroda.

– Сбежали? Куда? От кого? Вы же тут все заодно.

Никто мне не ответил, поэтому пришлось сменить тактику.

– Что вообще с ним случилось? – На этот раз я обратился к Карле, потому как из двух зол она проявляла ко мне меньше пренебрежения.

Карла напряглась. Ее душу терзали опасения. От этого взволновался и я. Но падшие вели меня не по подземному коридору в какую-нибудь темницу или операционную, тыкая в спину лезвием. Уже какой-никакой прогресс в нашем с ними общении.

– Предупреждаю, – внезапно сказала Карла, когда мы подошли к дверям. – Веди себя с ней спокойно. Не перечь. Ни в коем случае.

Она открыла проход, впуская меня в светлую комнату, оказавшуюся большой спальней с красивым видом на сад. Тут имелись камин, кровать с красным балдахином на резных столбиках, несколько ярких гобеленов на стенах. Шакару я увидел возле окна и встал как вкопанный. Йорген даже пихнул меня в спину, заставляя идти дальше.

– Шакара? – с подозрительной осторожностью спросила Карла. – Мы привели его. Стрелец здесь.

Их предводительница дернулась.

– Он тут? – сбивчиво спросила она. – Прямо здесь? Максимус? Стрелец?

Тогда она повернулась, и я совершенно потерял дар речи.

В ее облике ничего не поменялось – высокая, тонкая и смуглая, с черными волосами-каре, в строгой, но практичной одежде. Разве что без очков. Но я не мог поверить, что передо мной тот самый человек, которого мы все так опасались. Холодный томный взор стал рассеянным и блуждающим, она постоянно потирала одну руку о другую, время от времени заламывая пальцы, сутулилась. Шакара глядела на меня, но не прямо в глаза, а куда-то мимо.

– Пришел, – выдавила она, сглотнув. – Пришел.

Ее лицо покрывали бисеринки пота. Она подступила на шаг ближе. Раньше я бы подался назад, но сейчас просто прирос к месту, настолько диковинным было зрелище. Нет, Шакара не могла быть такой, это просто неправильно. Она должна была внушать страх своим видом, пугать остротой ума и гениальностью страшных решений, но это... это...

– Что с тобой? – выдал я.

– Теперь, надеюсь, ты понял, что у нас проблемы? – поинтересовался Йорген, присаживаясь в кресло.

– Я ждала тебя! – с жаром заявила Шакара, продолжая удивлять меня эмоциями, которые, казалось, никогда не были ей доступны. – Ты... ты pomoжешь, так ведь? Ты знаешь, что делать, ты силен Максимус. Сильнее этих бесполезных протекторов и... и...

Она вздрогнула и в панике обернулась, точно позади нее грохнул взрыв. Я никогда не думал, что увижу на ее лице страх. Шакара сжалась, и Карла быстро подалась к ней.

– Все хорошо, успокойся, – заворковала она, поглаживая падшую по спине, медленно подводя к кровати. – При- сядь.

– Скажите им, чтобы перестали рычать, скажите, чтобы отошли от меня, – иступленно шептала Шакара, вцепившись в Карлу.

– Что с ней происходит? – спросил я чуть громче, чтобы на меня наконец-то обратили внимание.

– Это Грей с ней сделал. – Йорген закинул ноги на круглый столик. – Как – понятия не имеем. Но надо было очень постараться, чтобы сотворить подобное с такой, как она.

– Я просто хотела... хотела... – давилась Шакара, словно задыхаясь. – Он просил о помощи, я... я не могла отказать, как я могла отказать?

– Она проводила опыт. – Карла посмотрела на меня. – Вероятно, он пошел не по плану.

– Над Греем? – поразился я.

– У него выбора не было. Он был с вами, в тюрьме Антареса. Вернулся оттуда едва живой.

– Да его там пальцем никто не тронул! Он исчез до того, как начался ад.

– Думаешь? – скептически отозвалась Карла. – Тем не менее он чуть не умер от Тьмы. Если бы не Шакара, Грей бы и пары дней не прожил.

Я поразился. Грей испарился сразу после того, как нас выбросило из тюрьмы Антареса, с тех пор о нем ничего не было слышно. Но... Гортрас уже тогда вернул себе силы, покрывая Тьмой целый мир. Он покалечил Сару. Мог ли и Грей пострадать прямо перед транзитом?

Шакара схватила Карлу за плечо.

– Все было идеально, даже слишком, никогда не может быть настолько правильно...

– Так что она с ним сделала?

– Спасала его от смерти... каким-то извращенным методом. – Карла отцепила от себя падшую и направилась к полке возле камина. – Шакара не любит распространяться о своих делах. Все, что мы знаем, – имя этого проекта. «Индивидуум».

– Индивидуум! – истошно повторила Шакара.

Она так быстро бросилась ко мне, что я даже среагировать не успел. Падшая схватила меня за форму, встряхнула и впервые за все это время посмотрела в глаза. Честно, я так жутко себя не чувствовал, даже когда она ставила на мне опыты. Ее зрачки сузились, лицо обезобразилось ужасом.

– Ты должен остановить его. Никто кроме тебя не сможет, он слаб из-за своих контактов с другими, сомневается. Вы с ним похожи, связаны, он об этом знает и ищет ответы... Так похожи... Понимаешь? Тогда это была случайность, нелепая оплошность, ты же помнишь? Он помог тебе, определенно помог. – Шакара подалась еще ближе. Ее взгляд застыл. Ли-

цо утратило эмоции, из глаза по щеке быстро скатилась слеза. – Ты должен помнить. Он вышел из-под контроля. Я... я не могла ничего поделать, впервые не смогла и... и... так слепы люди, слеп весь наш род, как я смогу спасти хоть кого-то? Я никогда не могла убереечь примкнувших ко мне от полного обмана небес, я не могу вернуть им то, что у нас отняли. Они питаются нами, Стрелец, питаются нашими душами, ты слышишь? Кругом обман, и все бессмысленно! А мы думали, что это благословение!

Вторая слеза, третья. Никаких рыданий. Я пересилил себя и коснулся ее дрожащей руки.

Мне и не думалось, что найдется что-то полезное. Надломленные души почти недоступны, оттого что наполнены хаосом. Пустыня и город смешались, как краски в палитре, но среди них чернели несколько пятен. Они бежали, растворяя пространство, рычали. Черные звери. Это не были сплиты, но отчего-то казались намного страшнее.

– Грей пошел по опасному пути, – сказала мне Карла, вновь отводя Шакару. – Уничтоженный городок – только начало. Он и сам свихнулся, похоже, от этого эксперимента. Тот сделал с Греем что-то странное, как будто его с цепи спустили.

– И только из-за Грея Шакара слетела с катушек?! – воскликнул я, пребывая в полнейшем шоке от происходящего.

– Да, он отнял у нас единственную защиту от вас, – проворчал Йорген. – Мы ничего без нее не сможем, только пря-

таться остается. Она теперь абсолютно бесполезна.

Я стиснул челюсти. Происходящее выходило за любые рамки. В другое время я был бы рад, что Шакара вышла из строя, это же праздник! Но нет. Причина ее беспомощности представляла огромную проблему.

Вне сомнений, Шакара – адское создание. Тогда насколько страшным мог быть тот, кто одолел ее разум?

– У вас есть идеи, что сейчас делает Грей?

– Да Обливион только разберет. Грей копит силы. В последнюю нашу встречу просто заявил, что все закончится скоро. Но Грей опасен, так *он* сказал, – произнесла Карла и протянула мне папку, взятую с полки.

Внутри оказались кипа бумаг, тетради с записями, блокнот. Все было помечено грифом «Индивидуум».

– Грей вам сказал? – поинтересовался я, внимательно разглядывая документы.

– Нет. – Карла скрестила руки. – Ранорий Незабвенный.

Этот день, казалось, не переставал приносить сюрпризы.

– Вас об этом просветил лично посол темного Магистра-та? Дэлар, следящий за Землей? – Я скептически изогнул бровь.

– Он давно поощрял все начинания Шакары. Откуда, по-твоему, она вообще находила редкие заоблачные ресурсы для своих операций? Технологию нуль-поля нам подарил, вакуумные воронки предоставил. Вряд ли бы Магистрат Тьмы сам снизошел до Шакары, но вот Ранорий... он в ней

что-то разглядел. И приказал нам найти Индивидуума. Для него.

– Он знал об опыте над Греем? Что такого необычного в нем? – поразился я.

– Как выяснишь, тогда и узнаем.

– Так вот что вы от меня хотите? Чтобы я разобрался, во что Шакара превратила Грея?

– Ранорий пообещал нам расправу, если мы не выдадим ему Индивидуума. У нас нет той техники и ресурсов, чтобы найти его. Мы пытались.

– То есть вы кашу заварили, а мы должны расхлебывать, так получается, да? – заворчал я, переворачивая страницы. Все нечитаемые. Шакара, видно, разработала свой язык, да еще и манипуляциями сдобрила, чтобы заблокировать понимание душой. Хитрая штука, я про такую читал.

– И лучше как можно скорее, – вставил Йорген. – Мы натурально в одно лицо не справимся с тем, чем он стал. Спасение человечества – это по вашей светлой части. Так что бери эти записи и исследуй с остальными святошами состояние Грея. Наверняка даже поймете, где у него слабые места.

Карла вытащила из кучи бумаг небольшую тетрадку.

– Мы пытались расшифровать, и тут некоторые ключи. Шакара говорила, что ты умник. Так что уж постарайся вместе со своими друзьями из Соларума.

– А вы что в это время будете делать?

– Мы поищем его по своим каналам. Поглядим еще что-

нибудь в других записях Шакары.

Карла обернулась к падшей – та сидела на кровати, абстрагировавшись от всего, бесцельно разглядывая пол.

– Мне тоже не нравится эта ситуация, но работать надо сообща, иначе не выживем. Что с нами сделает Ранорий, какая финальная цель у Грея – вопросы, на которые я не хочу знать ответа. Ты уже сам видел ту расселину. И, судя по остальным местам, где Грей прошелся, – урон будет только увеличиваться. Так что, возьмешься за дело?

Пока я думал над ответом, комнату наполнил шепот Шакары:

– Он не ведает, что творит, и не верит, что это он сам, он пойдет на что угодно, чтобы найти себя, монстр, монстр, монстр...

– Я попробую, – через силу выговорил я. – И только потому, что не хочу дать Грею бесчинствовать и дальше. А не из-за того, что надо спасти вас от дэла. Вы заслужили самую худшую кару.

Улыбка у Карлы казалась кривоватой. Она усмехнулась со страдальческим видом.

– Поверь, заслужили. Если мы что-то откопаем, то напишем тебе. Линию связи мы найдем.

– А если мне что-то от вас понадобится?

– Мы узнаем об этом. И придем.

На том я и ушел, до конца не веря, что произошедшее – правда. Но бумаги и были доказательством реальности того

факта, что я договорился с падшими об общем деле. Просто неслыханно. А еще Шакара, которая, похоже, больше не была в состоянии нам навредить. Остальные наверняка будут в восторге от этой информации, но я не был. Меня пробирала дрожь от представлений, каким образом Грей свел ее с ума.

«*Монстр... монстр...*» – ее сбивчивый голос еще долго не покидал головы.

Глава X

Лучшая версия протектора

Фри нервно постукивала ногтями по чашке. Она сидела по одну сторону от кровати, а Макс по другую – хмурый, скрестив руки на груди. Казалось, опять утоп где-то в раздумьях, но все же оторвал взгляд от пустоты и перевел его на Стефа.

– Долго тебе тут торчать?

– Сказал уже хреналлион раз, что со мной все в порядке, – кисло отозвался Водолей, лежа в койке. – Хоть сейчас могу идти.

Ему не выделили отдельной палаты, оставили в Лазарете за ширмами, под постоянным надзором комет и Ханны. Руку, с новой раной, и без того уже травмированную, замотали сильнее. Теперь кометы могли залатать ее полностью не раньше, чем через три дня. Нет, Стеф, конечно же, мог попросить скорейшего исцеления, но тогда остались бы шрамы. Прямо как у Макса – тонкая паутина бледных линий испещряла его руки с тех самых пор, как их разорвало в Лунном доме. Потому Водолей лежал по приказу не только Лазарета, но и Коула. Ему и Фри залечили те странные ссадины, нанесенные туманом, и протекторша в физическом плане чувствовала себя отлично. Но ее тревожило состояние Стефа. Он мог говорить что угодно, преуменьшая любую из

своих проблем до размеров мельче атома. И все же его ранила неизвестная тварь. В какой-то момент Фри даже поверила, что протектор умер. В тот миг она могла только смотреть на него, покрываясь льдом от ужаса.

Почему ее странные силы не проявились, когда это было так необходимо? Она могла бы допустить смерть друга. Если бы не Рамона...

– Слушай, ты с какой-то радости пошел на новое задание с раненой рукой и после марафона по куче вызовов, – веско отметил Макс. – Может, хоть сейчас не будешь ворчать, шуметь и просто выполнишь рекомендации врачей и отдохнешь?

– Ты тут самый умный, что ли? Какой отдых вообще может быть в Лазарете?

– Нет, ну он бухтит и возмущается, – вздохнула Фри, подбирая под себя ноги. – Значит, все правда не так плохо, как могло бы быть.

Максимус устало потер лицо рукой. Было видно, что он нуждался в отдыхе гораздо больше Стефа. Фри даже и предложить не могла, как давно он спал. В последнее время она постоянно видела его на ногах или слышала, что Макс пошел в очередную вылазку. Совсем себя не берег. Еще один безмозглый трудоголик, не щадящий себя. Сидел теперь тут бледный и осунувшийся, с покрасневшими от недосыпа глазами.

– Как только разберемся с лечением всех и каждого, у ме-

ня будет что вам рассказать. И дело ждать не может. Там в лесу...

Штора с шумом отъехала и так же быстро задвинулась. Перед ними стояла Ханна, рассматривая что-то на проекционном листе. Дева казалась измученной – буквально, как и каждый протектор, задействованный в случившемся. Ее длинные светлые волосы были завязаны в хвост, а форму до конца Ханна сменить не успела – сняла лишь сюртук и, закатав рукава рубахи, принялась за работу в Лазарете.

– Что ж, твоя задница вне опасности, – сухо сообщила она, проводя пальцами по строкам. – Так что можешь выметаться через пару часов после последних проверок.

Дева свернула лист в маленькую пластину и сунула ее в карман. Пододвинув стул, она поставила его спинкой вперед и села.

– Вам двоим повезло, что Рамона оказалась рядом, вы же это понимаете? – спросила она, требовательно оглядывая Стефа и Фри. – Судя по всему, если бы вы оказались под воздействием тех сил чуть дольше, то все сложилось бы далеко не так радужно.

– Разве? – нахмурилась Фри. – Я ничего такого и не почувствовала.

– Вас привели с дырами в одежде и ссадинами. Совсем мелкие ранки, но они расширились. Та аномалия, которая вас окружила, расщепляла древесину и камни – думаете, с плотью ей было бы сложнее? Тисус уже проводит тесты по

собранным Ламией материалам и считает, что у объектов сперва ослаблялись атомные связи, а уже вследствие этого они были частично или полностью аннигилированы. Вы бы просто развалились в кровавую пыль, а потом и она бы исчезла.

От услышанного Фри покрылась мурашками. Она рефлекторно почесала место на локте, где недавно была самая большая язва. Ханна это заметила и качнула головой.

– Сейчас уже все в порядке. Процесс остановился почти сразу, как вас привели в Соларум, а после лечения никаких следов не осталось.

– Но звучит чертовски жутко, – заметил Макс.

– Погодите! – оторопела Фри, указывая на Стефана. – Но ведь его проткнули насквозь! И рана несерьезная?

– Похоже, что так. – Дева пожалала плечами. – Да, разошлась кожа, и повредились некоторые органы вроде печени. Но Стефу не впервой, да? – При этих словах она смерила его пренебрежительным взглядом. – Кометы смогли восстановить это без особых усилий. Но несколько дней покоя обязательны.

– Отлично. – Водолей бодро закивал. – То есть я могу идти?

– Идти-то ты можешь. Вот только оба будете проверяться в Лазарете каждый день ближайшую неделю. Это приказ.

– Но...

Ханна мгновенно ожесточилась, на подступах обрывая его

ворчание:

– Никаких «но». Мне тут не нужна мясная каша из двух мертвых протекторов. Мы в первый раз с таким столкнулись, вдруг начнется рецидив? Ты этого хочешь, а, нытик? – Она лишь удовлетворенно хмыкнула, когда Стеф, не найдя, что сказать, надулся и скатился по подушке еще ниже. – Вот-вот. Нам нужно скорее обсудить с Сириусом случившееся и узнать, где в заоблачном мире такое еще наблюдалось.

– Та тварь... – мрачно выронил Макс, почесывая затылок. – Вы сказали, что ее было сложно разглядеть. Она находилась далеко?

– Да нет же! – ответила Фри. – В том-то и дело, что близко. Она смазывалась при взгляде, да и смотреть на нее было больно. Я видела только, что внутри нее – зеленые искры.

– Это нити, – тихо поправил Стефан. – Я видел подобие костей. Искраженные, как и всё. Существо само было раздроблено на частицы. Как будто рассыпалось от нахождения здесь, но не могло распасться до конца. – Он смутился. – Не знаю, почему так решил. Просто такое ощущение. Тварь вообще была словно не от мира сего. И держалась на зеленых нитях толщиной с паутину.

– Спасибо за экскурс в мир непонятных хтоней, – равнодушно отметила Ханна, сделав заметку в энергласе. – Нам определенно стало проще жить.

– Ты-то чего язвишь?

– А что еще остается? Мы вновь вляпались в какую-то

заоблачную чертовщину и, помяни мое слово, скоро поплатимся за это. Как и всегда.

Повисло тяжелое молчание, нарушаемое лишь неразборчивыми разговорами по ту сторону ширмы. Оно ощущалось плотным черным облаком, от которого было не продохнуть.

– По крайней мере, Рамона вернулась, – брякнула Фри, пытаясь сменить тему.

Но вышло неудачно: Ханна резко похолодела.

– Это никогда не бывает к добру. – Увидев вопрошающие взгляды Фри и Макса, она вздохнула и добавила: – Рамона появляется, лишь когда происходит что-то из ряда вон выходящее. Настолько, что нам, скорее всего, без заоблачной помощи не обойтись.

– Тебя не это волнует, – вдруг заявил Стефан, потянувшись к тумбочке за стаканом. – А Дан. Как обычно, будет истерить как ребенок от любого ее слова. И капать на мозги в первую очередь прибежит к тебе.

– Это меня никак не касается, – бросила она.

– Ну да, ну да, повтори еще раз, и я тебе поверю. Вы же никак разлепиться не можете. Все фигней какой-то страдаете.

Дева помрачнела.

– Если ты хотел убраться из Лазарета, то лучше сделай это побыстрее.

На этой ноте Ханна вышла прочь, даже не задернув ширму. Фри возмущенно обернулась к Стефу и пнула его в го-

лень с такой силой, что он пролил на себя воду.

– Да что с тобой не так?! – возмутилась она.

– Я просто констатирую факты, – отмахнулся он. – Кто-то же, блин, должен. Лучше бы это делал психолог, но у нас его почему-то до сих пор нет!

* * *

Каждая новая ступенька казалась Фри непреодолимым препятствием, полным сомнений и страхов. Она с трудом заставляла себя подниматься, а затем замялась, не решаясь постучать в дверь. Но только протекторша поднесла кулак, как вдруг обнаружила, что та едва приоткрыта – совсем немного, но манипуляция тишины уже не работала. Фри услышала звуки скрипки и замерла.

Скрипка и Дан – это плохо. Нет, он играл превосходно, у него имелись изумительный слух и добрая сотня лет практики, но об этом инструменте протектор вспоминал, лишь когда ему было плохо. Словно бы персонаж трагедии, он начал наигрывать возле балкона с открытой дверью, вынуждая всех прочих ругаться и закрывать окна, ведь музыка могла не прерываться долгое время.

За свое пребывание в Соларуме Фри слышала игру Дана на скрипке меньше десятка раз и твердо усекла: в такие моменты его не нужно трогать. Дан-Не-В-Духе – тот, с кем уж точно не хочешь встречаться, ведь тогда придется признать,

что Дан – не только оптимистичный, полный энергии и задора протектор, а еще обычный человек со своими тенями в душе.

Пронзительная мелодичная река, протекавшая плавно, но иногда уходящая в порожистый бег. Фри стало не по себе от музыки, слишком уж меланхоличной, на ее взгляд.

Так бы Фри и стояла, утопая в тяжелой скорбной мелодии, с необъятной силой резонирующей с ее душой. Да вот только ее угораздило громко чихнуть – и звуки тут же прервались. Фри мгновенно отпрянула, но Дан молниеносно распахнул дверь и уставился на нее. Фри даже смутилась от того, насколько он был растрепанный: рубашка не заправлена, волосы разметались. А взгляд ошалелый, дерганый, как и сами движения. Протекторша тут же подумала, что застала его в неудачное время.

– Ты что тут делаешь? – спросил он, хмурясь и открывая дверь пошире. Так, что Фри могла видеть комнату.

Она привыкла к постоянному свету в жилище Дана, но сейчас лампы были выключены, отчего повсюду висел мрак, с трудом отгоняемый лишь мерцанием синих крон деревьев за окном. Все оказалось на своих местах и в чистоте: круглый стол с книгами, сидя за которым Волк больше дремал, чем читал; пианино – на нем стоял аквариум с рыбками. Комната была заполнена множеством старых, практически антикварных штук: от резных книжных подставок и музыкальных инструментов, средневекового щита, листа с неким текстом на

стене (Фри всегда подозревала, что он был вырван из какого-то важного и утраченного документа) до аккуратно развешанных фотографий, на которых Дан был запечатлен на фоне громких исторических событий или же со знаменитыми личностями – впрочем, последним не суждено было его запомнить. Все было тепло, уютно, знакомо, но сам Дан сейчас плохо с этим сочетался.

Протектор все еще сверлил Фри немым вопросом. Ей стало некомфортно.

– Если я тебя отвлекла...

– Немного.

– Я... – Она сама была поражена тому, насколько вид Дана сбил ее с толку, потому поспешила взять себя в руки. – Я знаю, что у нас проблемы и все немного на взводе, но ты можешь отвести меня к Нерман?

Тут словно что-то щелкнуло и Дан встряхнулся. С него скатился лед.

– Подозреваю, что могу, – произнес он. – А с какой целью, позволь спросить?

Фри стиснула челюсти, запаниковав.

«Что ответить? Рассказать? А он поймет? А если нет? А если посмеется и скажет, что все это – лишь выдумки? Тогда... Тогда...»

– Пожалуйста, всего раз, прошу, не спрашивай об этом, – быстро выдала она и продолжила с такой же скоростью, жестикулируя руками под недоуменным взглядом Дана: – Мне

необходима твоя помощь. Я бы... Я бы сама к ней пошла, но она же не слушает меня без тебя, Нерман такая своенравная, а я... Дан, пожалуйста...

– Эй, эй! – Он растерянно положил руки ей на плечи. – Успокойся. Если это так важно, то хорошо. Только пообещай, что расскажешь, когда будешь готова, договорились?

Она яростно закивала, и протектор нагнулся, чтобы обнять ее. Еще никогда Фри не была настолько благодарна Вселенной, что имела таких друзей.

– Отправимся прямо сейчас, – сказал он. – Нерман должна пребывать на Земле в этом месяце. Главное, чтобы не ушла в спячку, а то нам с тобой несдобровать, если разбудим. – Дан отстранился и тяжело выдохнул: – Дай мне только привести себя в порядок. А то я тут... День плохой, в общем.

Фри хотела спросить, что же такого приключилось с ним, но отчего-то не решилась. К тому же Дан закрыл дверь прямо перед ее носом, оставив ждать на ступенях. Только когда она заставила себя успокоиться, то посмотрела на дверной проем и нарощие слои инея, которые друг, слава звездам, не заметил.

* * *

Фри часто думала о том, что же с ней не так. Не только в эти месяцы, но и в целом. Всю сознательную жизнь, о которой помнила. Она работала бок о бок с товарищами и по-

нимала, что отличается. Являясь протектором без способностей к звездному Свету, собственному эфиру и будучи при этом «одной из сильнейших», нельзя было просто забыть о собственной неполноценности, особенно учитывая, какие мощные воины ее окружали. Фри чувствовала себя крохотной и незначительной в сравнении с ними.

Дан – наиталантливейший протектор, ловкий, изобретательный и сообразительный, а главное – проявляющий себя в каждом удобном моменте. Паскаль – душа, абсолютно преданная Свету: несмотря на свой сложный характер, он был полон чести и высоких идеалов. Коул – вечный лидер, логичный, рассудительный, ничто его не могло выбить из колеи, лучший стрелок среди них всех. Он так долго прожил, а значит, в его силе нельзя было сомневаться. Сара – мощнейшая квинтэссенция, Железная дева, Фри бы побоялась столкнуться с ней в бою, даже нечестном. Рамона – просто невероятная, такая осязаемая связь со звездным эфиром; высочайшие показатели по устранению сплитов даже без посещения Соларума. Ханна – лучший лекарь среди протекторов, негибаемая и прямолинейная. Павел – выносливый и самый трудолюбивый из всех, с добрейшей, полной эфира душой. Ламия и Тисус столько знали о заоблачном мире и его законах, вкладывали в изучение манипуляций свой Свет и помогали всему Соларуму. Ада вообще сознательно делала из себя монструма, чтобы спасти остальных. Стефан всегда был одним из самых искусных манипуляторов и выживал

на заданиях, когда это казалось невозможным. Даже Макс успел проявить себя как пытливый ум, жадный до знаний, искренне и честно верящий в Свет. Многообещающий протектор, который смог ужиться с Антаресом и вернуть того на небеса. А еще множество других потрясающих, неопишемых людей.

И Фри. Протекторша без сил, ничем не выделяющаяся. Выполняющая работу теми немногими средствами, которые ей даны. Просто человек. Она знала, что не заслуживала быть здесь, и понимала, что многие наверняка думают так же. Все-таки неспроста Фри так плохо управляла Светом. Тут явно какая-то ошибка. Протекторша изо дня в день пыталась доказать другим, что не являлась лишней и бесполезной. Но страшнее всего было признать: она доказывала это себе самой.

Монсис – одно из поселений светлых эквилибрумов – казался столь непривычным при свете солнца, что Фри смутно его узнавала. Поселение было далеко не таким огромным, как Аргентион. Здания не могли тягаться с ним по высоте. Но даже сравнительно низкие стеклянные башни отбрасывали длинные тени и янтарными искрами переливались в дневных лучах. Птицы скакали по каменным заборам, люминосы впитывали свет на самых нагретых и светлых местах площади.

Протекторы прошли через кованую арку во двор, заполненный душистыми фиолетовыми цветами, ближайшие из

которых обращали свои лепестки к прибывшим, точно наблюдая. Дан отряхнулся, вытянулся и затем коротко, но громко постучал изящным и отточенным движением. Он только и успел, что натянуть свою самую медовую улыбку под подозрительным взглядом Фри, как дверь открылась.

Нерман стояла на пороге, одетая в длинный и мягкий халат из темной ткани, расшитой пышными узорами. Серые волосы распущены, глаза оторопело забегали от Дана к похолодевшей Фри.

– Доброго утра, Нерман! – радостно поприветствовал ее протектор.

Лицо планетарши вмиг перестало быть растерянным, она с отчаянием закатила к небу глаза.

– Да чтоб всех вас Обливион пожрал... Ну чего тебе опять от меня надо?

– Сущий пустяк! – отозвался Дан.

Он с резвостью и удивительной грацией нагло протиснулся в помещение, пока Нерман зло пялилась на него. Фри осторожно зашла следом, надеясь, что планетарша не смотрит на нее так же.

– Что за необходимость вламываться без предупреждения?! – раздраженно спросила Нерман, захлопывая дверь.

– Но я же постучал, – недоуменно отметил Дан.

Протектор, чувствуя себя максимально вольготно, уселся на диван и деловито закинул ногу на ногу.

– Я люблю сюрпризы, – улыбаясь, отозвался он. – А ты

разве нет? И ты же все равно не спала.

– Я собиралась! – огрызнулась она.

– Тогда хорошо, что мы успели.

– Света ради, скажи, что тебе надо, и проваливай.

Дан указал на Фри, и той показалось, что он ее таким образом жестко подставил.

– Моя милейшая спутница хотела с тобой кое-что обсудить. Только посмотри в ее глаза, неужели ты способна ей отказать?

Фри сжалась под взором Нерман, им легко можно было гнуть сталь.

– Н-да? – кисло выдала та, требовательно упирая руку в бок. – И какой вопрос?

Фри нервно мяла ткань своей безразмерной желтой толстовки, чувствуя напряжение. Отступать некуда. Она в мольбе подняла глаза на Нерман.

– Мне надо кое-что вспомнить. Но от тех воспоминаний остались только клочки. Можешь мне помочь вывести наружу остатки?

Планетарша утомленно вскинула брови:

– И все?

– Ну... да... – неуверенно отозвалась Фри, волнуясь все больше и чувствуя себя последней дурой. – А это так сложно?

– Да нет, просто это настолько элементарная процедура, – со вздохом ответила она, пожимая плечами. – Мы сами по-

стоянно теряем целые мериионы и талидоны памяти. Все хотят уловить то, что осталось, структурировать. Странно, что у вас в Соларуме такие манипуляции не проводят.

Говоря последнее, Нерман обернулась к Дану – тот с сомнением косился на Фри.

– Пожалуйста! – взмолилась протекторша, подступаясь к ней. – Мне необходима твоя помощь!

Возможно, ее отчаяние повлияло на Нерман, или же та просто хотела поскорее избавиться от навязчивых гостей. Но в конечном итоге планетарша расслабилась и с недовольством выдохнула:

– Ладно. Иди за мной. Разберемся с этим быстро.

Она повела Фри по коридору и на секунду обернулась, бросая Дану:

– А ты ничего здесь не трогай! И не прыгай с места на место. Впрочем, ладно, ты вообще в последнее время мало используешь транзит, давно этого не чувствовала. Надоело?

– Да нет, что ты, твоя метка – чудо! Просто в моем возрасте полезно больше ходить.

Фри не могла выразить, какие облегчение и благодарность к Нерман она испытала. То, что происходило с ней в последнее время, пугало. Чем бы это ни было, оно воспринималось ею как огромная, давящая со всех сторон проблема или же болезнь. Но теперь решение медленно, со скрежетом начало двигаться с мертвой точки.

Фри ожидала, что ее поведут в ту же самую мрачную ком-

нату, в которой когда-то Нерман осматривала Макса. Как же давно это было, а казалось, что не более пары месяцев назад. Но планетарша двинулась мимо, направляя Фри к темной узкой лестнице, ведущей вниз. Босые ноги Нерман изящно ступали по чистым, слегка потрескавшимся белым ступеням. Веяло холодом, который резонировал с нарастающей жарой скорого лета.

Быстро оглядев помещение, находящееся как минимум в десятке метров под землей, Фри удивленно спросила:

– А почему же все-таки ты не собираешься проверять мою душу через ту машину?

– Потому что это разные процедуры и цели, – резко ответила Нерман, проходя к дальним шкафам.

Фри ступила на гладкую каменную кладку пола. Зал казался не слишком большим, но довольно высоким. Под потолком вилось несколько сферичных огненных фонарей – совсем как огромные светляки. А вот внизу все выглядело гораздо интереснее: маленький круглый бассейн с ярко светящейся голубовато-белой массой. То ли жидкость, то ли газ, а может, и что-то среднее. Фри уже видела такое в Лунном доме. Это было так похоже на Центр хранения эквилибрума, что девушка поспешила спросить об этом.

– Нет, конечно, – фыркнула Нерман, роясь в различных склянках. – Еще бы у меня имелся доступ к чужому Центруму. Ха! Но душа эквилибрума и его небесное тело пронизаны эссенцией, так что я действительно заряжаю этот бассейн

от Терры. Совсем немного, это законно. Впрочем, не думаю, что тебе стоит нагружать свою душу этими понятиями. Для тебя же главное – итог, верно?

Она пристально уставилась на Фри. Протекторша закивала.

– Хорошо. – Планетарша подала ей небольшой сосуд с мерцающей жидкостью. – Выпей-ка. Затем начнем.

Вода обожгла горло Фри, ее едва не стошнило. Но она со всей силы сжала челюсти и надавила дрожащей рукой на рот. Дыхание затруднилось, сердце барабанило об ушные перепонки. Фри вдруг стало нестерпимо жарко, словно по венам струились потоки лавы.

Заоблачница мрачно взирала на Фри и покачала головой.

– Да уж, с вами, приземленными, надо быть поаккуратнее. Какие-то вы все нежные. Каждый раз поражаюсь. Потерпи немного, скоро полегчает.

– Что это вообще такое? – гнусаво прохрипела Фри.

– Раствор раскрывает эфирные каналы, – отмахнулась Нерман. – Поможет тебе в исследовании себя. Так, а теперь скажи: как давно были утеряны твои воспоминания?

– Мне было лет семнадцать, когда это случилось, так что уже много времени прошло. Когда-то вся моя жизнь была уничтожена. И я хочу знать почему.

– А раньше ты не хотела этими вопросами задаться?

– Тогда не было причины. Думала, что я прошлая не нужна в этом мире.

Нерман, похоже, считала, что любые безумства Фри – лишь ее личное дело, потому упрекать не стала. Заоблачница подошла к бассейну, и перед ней возникли круглые световые панели.

– Но почему ты не спросила у своих друзей, а пошла ко мне? – поинтересовалась Нерман, работая с настройками. – Разве у вас не собирают всю информацию о жизни протектора?

– Да, но они не знают. Ребята бы мне давно сказали о любой странности.

Поэтому Фри и не думала лезть в старые отчеты. Что они могли дать? Протекторы не знали ничего существенного, кроме информации о ее семье. Об этом ей говорил каждый: и Дан, и Павел, и Коул. Даже Стефан в свое время... Фри доверяла друзьям, потому ответы требовалось искать иначе.

Планетарша вздохнула:

– Если воспоминания были уничтожены так давно, то дело может оказаться сложным. Ты ведь что-то вспомнила, не так ли?

– Да. Одна деталь.

– Похоже, очень важная деталь.

– Надеюсь, она станет ключом к остальному чудом сохраненному.

– Прекрасно, – кивнула Нерман. – А теперь раздевайся.

Фри изумленно вытаращилась на планетаршу, которая

лишь сухо взирала в ответ.

– Ну? Так и будешь стоять? – уточнила та.

– Полностью? – недовольно буркнула Фри, чувствуя себя максимально неловко.

Нерман в очередной раз закатила глаза, словно вопрошая у высших сил, за что ей все это.

– Какие вы, приземленные, зажатые, – проворчала она. – Хотя бы большую часть. Ты же не хочешь идти обратно в насквозь промокшей и светящейся одежде?

Фри еще немного поколебалась, после чего рассудила, что ее комплексы – просто какой-то детский сад. Она скинула с себя кеды, толстовку и штаны, оставшись только в нижнем белье и майке. Стоя босой на каменном полу, она потирала покрытые шрамами руки, тело мгновенно усыпалось гусяной кожей от холода. Да уж, Фри и не думалось, что этот день обернется вот так.

По приказу Нерман протекторша ступила в бассейн и тут же содрогнулась. Ледяная волна прокатилась по телу, словно вокруг были арктические воды или жидкий азот. Но вместе с тем в этой волне имелась дребезжащая сила, крепко обосновавшаяся внутри. Фри вмиг ощутила себя полной энергии. Шаг за шагом, стискивая стучащие зубы, она зашла в жидкость по талию и легла на спину. Плотность вещества не давала ей тонуть и уверенно держала на поверхности. Все тело дрожало, но Фри заставляла себя терпеть. Она упорно смотрела перед собой, на мечущиеся в воздухе шары света, и пы-

талась отвлечься от неприятных ощущений.

– А на что это будет похоже? – спросила Фри, кося глаза в сторону Нерман.

– М-м-м, – вдумчиво протянула та. – Сложно объяснить. И... поехали.

Глава XI

Кластеры душевных травм

Фри ничего не почувствовала, лишь смотрела, как сгущаются на потолке темные облака, как возникает глубокое ночное небо, полное вспышек и звезд. Оно казалось столь всеобъемлющим и огромным, что у нее захватило дух. Она вдруг почувствовала себя такой воздушной, невесомой, словно гравитация отступила.

– И как же мне это сделать? – спросила Фри.

Она повернула голову, но Нерман на своем месте не оказался. А когда Фри вернула взгляд обратно, то пораженно сникла. Моргнув всего один раз, она увидела вокруг себя сотни свечей с фиолетовым огнем. С тех пор как Макс показывал ей эти виды, Фри больше никогда не видела своей души.

Но восторг быстро сменился холодом. Фри стояла меж внушительных свечных гор и, затаив дыхание, смотрела на мрачную растущую тень прямо перед собой. Сияние свечей в ней, вопреки всему, казалось менее ярким.

Эти темные ворота. Сначала не такие большие, но они росли, высились, захватывали все пространство, пока не нависли над Фри устрашающим исполином. Все тело содрогнулось. Если эти закрытые врата – часть ее, то почему она так их боялась? Что это за надписи и узоры? словно бы осколки

какой-то огромной манипуляции.

В ответ на эти мысли душа срезонировала. Нарастало гудение, проходящее сквозь плоть.

Фри сидела на подоконнике одного из множества неза-стекленных окон, выстроившихся друг за другом на первом этаже Соларума. Позади нее в кустах пели птицы и шуршали люминосы. В задумчивости Фри не заметила, как мимо нее прошел человек в форме, аккуратный и высокий, походка пружинила, будто у него сегодня вышел неплохой день. Он остановился, вернулся на два шага назад и уставился на девушку.

– *Могу ошибаться, но ты ведь наша новенькая?* – поинтересовался он.

Фри резко вскинула голову и рассеянно захлопала глазами. Юноша усмехнулся. Как-то неуверенно, хотя, может, ей и показалось.

Они разговорились. Он спросил, как ей здесь, не напугана ли она. Фри честно не знала, что ответить. Как она вообще могла хоть что-то теперь понимать? Что для людского мира обычно, а что чуждо? Где грань? Ее мысли до сих пор путались от образовавшейся в голове бездны. И ничего кроме этой пустоты не волновало.

Когда Фри слезла с подоконника, протектор спохватился и протянул ей руку:

– *Меня зовут Стефан. Водолей.*

– *И ты что, можешь управлять водой или типа того?* –

заинтересовалась она.

– Нет, – протянул он. – *Единственная вода, которой я способен управлять, – это куча причин в объяснительных, почему я не могу идти на скучное задание.*

Шутка была такой нескладной, что Фри рассмеялась. Кем бы ни был этот юноша, но он казался приятным. Похоже, честно хотел подружиться.

– Я Фри, – улыбнулась она, пожимая его руку.

– Подожди, – Стеф недоверчиво ухмыльнулся. – *Как картошка, что ли?*

– Почему как картошка?! – возмутилась она, всплеснув руками. – *Как свобода!*

– А, ну да... люди же об этом в первую очередь подумают.

Фри покривилась на его ехидную улыбку, от которой на щеках Водолея появлялись ямки. Протектор качнул головой и спросил:

– *Это тебя так родители называли?*

– Нет, – смутилась она. – *Я не знаю, как меня звали раньше. А имя выбрать необходимо.*

– Так... ты совсем ничего не помнишь? Ну ладно. Печально, конечно. Я слышал, что с тобой стряслось, слухи быстро расходятся. Просто надеялся, что все не так серьезно. А то случившееся... ну... неправильно, в общем.

– Возможно. Но я о той жизни не помню, потому и не жалею. Наверное, это к лучшему. Как считаешь?

– Я всегда за то, что если жизнь зашла куда-то не туда,

то лучше начинать все с чистого листа. Так что если тебе понадобится помощь – обращайся сразу. Знаю, как может быть погано, когда делаешь первые шаги. И только не говори с той двухметровой шпалой. Не смотри ему в глаза. Не провоцируй.

– Он агрессивный? – встревожилась Фри, вспоминая похожего по описанию блондина, которого видела пару часов назад.

– *Хуже!* – с чувством нагнетал Стефан. – *Он гиперактивный и тупой.*

В следующие пару месяцев они много общались, хоть Фри и пренебрегла советом Стефа, познакомившись с Даном. Тот мигом подхватил хрупкую новенькую под свое крыло и начал вдохновенно учить. Стеф продолжал иногда расспрашивать Фри о ее прошлом, надеясь помочь ей восстановить хоть что-то. Ее наставник Павел оказался прекрасным учителем, но часто пропадал в Лазарете с травмами, которые получал по элементарной глупости и самоуверенности. Поэтому в какой-то момент Стефан предложил Фри помощь с манипуляциями. Она помнила, как они садились на пол в отделении Манипуляционной, как Стеф четко и ясно указывал ей, на что ориентироваться, о чем думать. Он сам был потрясающим манипулятором, потому знал, о чем говорит. По его советам Фри представляла все потоки эфира внутри себя, смешивала их с избранными образами, следила за связями, не допускала ни единой лишней мысли в голове. Процесс да-

вался так трудно, что мозг кипел от напряжения. Фри хваталась за волосы и жмурилась, а Стефан раз за разом спокойно заверял, что все нормально. Он поразительно хорошо умел успокаивать, рядом с ним любая катастрофа показалась бы решаемым пустяком.

И они начинали заново.

– Почему мы не можем использовать Первородные метки? – недовольно фыркнула она однажды. – Они же даже называются проще. Ну, там, «разрушение», «трансмутация»...

– Потому что они опасные и прибегать к ним просто так не стоит, – хмуро ответил Стефан. – Чем больше конкретики в манипуляции, тем лучше. А у первородных слишком обширный спектр эффектов; нужны наилучшая концентрация и понимание итога. Да, «смерть» или «свет» звучат приятно и заманчиво, но поверь: ты с ними так просто не совладаешь. Дай им один только шанс, и эти метки переписут всё под себя.

В какой-то момент Стеф нарисовал на указательном пальце ее правой руки точку и попросил концентрировать выход эфира в ней. Еще через десяток попыток манипуляция из трех меток наконец-то сработала, и вода покрылась коркой льда. Стефан смеялся, пока Фри радостно прыгала и победно проклинала всех звезд.

Тогда она поверила, что не совсем сломана. У нее еще был шанс. И Стеф помог ей в этом убедиться. Возможно, он бы

приложил все усилия, чтобы она продвинулась еще дальше. Если бы не та трагедия с убийством протекторов. После Фри и Стефан общаться перестали, словно никогда и не поддерживали друг друга. Но она не могла притворяться, что не знает его, ведь даже многие годы спустя рисовала у себя на пальце точку.

Фри невольно улыбнулась от мысли, что теперь все вернулось в норму. По-другому, но все же в норму. Они снова наладили контакт, стремились к тому с обеих сторон. Как раз перед тем, как вся ее жизнь вновь начала ломаться.

Она помнила, что вся чертовщина началась где-то год с лишним назад. Все уже успели отойти от случая с Антаресом, занялись своими делами. Охоты, тренировки, важные даты. Служба в горячих точках. Очищение души каждые полгода: ослабление плохих и травмирующих воспоминаний, заделывание ментальных травм, медосмотр. За протекторами следили как за часовыми механизмами: каждый винтик в голове был обязан работать без сбоя, иначе проблем не сосчитать.

Макс продолжал болеть, иногда вылезал из своей комнаты – весь бледный, слабый. Усталый как собака, о стену опирался. Фри его таким не видела, даже когда тот делил душу с Антаресом. Ламия настаивала, что Максу нужно дать время на восстановление. Фри не пререкалась, хоть и волновалась. Вместо этого она углубилась в работу. Ничего интересного не происходило, особенно в сравнении-то с Верховным.

Один раз, правда, кластер сплитов образовался прямо на одной из центральных улиц Токио. Операция по вычищению заняла несколько дней, а замена памяти у приземленных – и того дольше. В остальном полная рутина.

А потом произошел первый случай. Манипуляция слишком хорошо сработала. Настолько, что, пытаясь проделать дыру в толстой стене, Фри буквально обрушила ее. Стоя в пыли посреди разбитых камней и железа, она в шоке списала все на случайность. Фри даже не замечала, как крепки ее силы.

Она часто выходила на охоту с другими протекторами: с Даном, Павлом, даже со Стефом. Странно, но после всего пережитого оставаться один на один с Водолеем ей первое время было неловко. Да, она больше не держала на него обиды за старое, и все же они не общались кучу лет, хотя до этого... до этого он был другим. И Фри понимала это, помнила их шутливые беседы. Они же тогда успели подружиться, она была уверена в нем на сто процентов. А затем все в одночасье рухнуло. Вместе с человеком. Теперь Фри заново пыталась привыкнуть к Стефану. Она радовалась, когда в группе все хорошо, ведь это влияло на качество работы. Оттого ей было приятно, что и Стеф выбирался из скорлупы, в которой пробыл целую декаду. Фри хотела ему помочь. Он уже несколько раз вытаскивал ее из опасных ситуаций, и она не собиралась давать ему фору. Дан редко с ними охотился, ведь видно его не было месяцами – за последний год он

умудрялся по какой-то невразумительной глупости попадать в ссылки чаще, чем бывал в Соларуме. Поэтому Фри и Стеф ходили на охоты вдвоем, вновь привыкая друг к другу, даже вспомнив, как ладить. Потом к ним наконец прибавился и Макс, которого было еще учить и учить. Но он справлялся, старательно улучшал навыки. Дан вылез из своих бесконечных ссылок. Они вчетвером многое сделали. Помогали вычищать котловины, снова ругались с местным «Белым лучом», восстанавливали Эквилибрис в восточной Австралии, когда Свет на десятки километров был уничтожен из-за особого типа сплитов, названных «собираателями».

Как-то компания выбралась вместе на долгожданный отдых. Стеф и Дан долго спорили, куда податься: один ненавидел жару, другой – холод. Максу было все равно. Потому выбирала Фри. Тогда уже началась осень, тепло отступало, а они оказались на берегу Балтийского моря. Серый пляж, пустынный и огромный. И плотный хвойный лес, нерушимой стеной смотревший на волны. Те с силой накатывали и шипели; вода никогда не бывала в спокойствии. Фри с радостью наблюдала за морем каждый день по несколько часов – сидя на песке или на складном стуле. Просто глядела, как по утрам золотые лучи солнца прорывали тучи и скользили по морской глади. И этот соляной запах холодного моря, въевшийся в мир. Макс часто бывал рядом, с восторгом ходил по кромке воды, не боясь до колен намочить штаны. Он признался Фри, что никогда не отдыхал в таком месте, отто-

го был действительно счастлив. Девушка так и не решилась рассказать ему, что в первые месяцы протекторства он уже брал отпуск ради отдыха неподалеку отсюда. Макс просто не помнил о том.

Стеф пару раз ворчал, что здесь совершенно нечего делать, и даже находил в местном городке людей, чтобы сыграть в карты на деньги, и в итоге все промотал. Но на деле активный отдых он не любил, потому просто дремал на веранде их гостевого домика, выходящего прямо к берегу. Или рисовал. Редко пейзажи, чаще архитектуру. Что до Дана, то Фри и не ждала, что он будет проводить с ними много времени, и все же была рада его видеть – из-за кучи ссылок она успела по нему соскучиться. Дан много гулял по лесу, как обычно, переваривал какие-то собственные мысли. А к вечеру возвращался, когда они уже разводили костер. Протекторы травили ужасные анекдоты, которые все равно были смешными. Высмеивали Паскаля, Сириуса, даже Верховного. Совсем как простые люди. Фри хотелось в это верить. Хотя бы раз притвориться, что они всего лишь студенты, друзья, выбравшиеся на каникулы. И нет никаких чудищ или эквилибрумов, долга и охоты. А небо над ними – всего лишь недосыгаемое бархатное полотно, глядящее на них тысячами звездных глаз, а не место войны и разрушений.

Но реальность ворвалась в грезы стремительно. Когда наступил последний день отпуска, Фри встала раньше других. Она ждала восхода солнца, смотрела на светлевшее небо и

вдыхала пробирающий морской воздух. Зайдя в ледяную воду по щиколотку, девушка почти сразу ощутила то самое гудение, которое впоследствии стало ее постоянным спутником. Вода замерла, волны успокоились. Так быстро, словно по команде. Фри во все глаза смотрела на ровную гладь, ничего не понимая. Даже ветер стих. А гудело все сильнее. Ей стало ясно: дело не в чем-то ином, а только в ней самой. Она лихорадочно глядела на всплывающих мертвых рыб. Затем погода вернулась в норму, а море всё вымывало к ногам Фри серебристые трупы.

Сначала это были лишь успешные манипуляции: они пока еще срабатывали не каждый раз, зато какой сильный эффект давали! Фри смогла использовать оружие вроде пистолетов, но с непривычки не прибегала к ним. А реальность вокруг нее начала меняться, и все сложнее получалось скрываться. Цветы вяли, стены трескались, столбы могли согнуться, а пожухлая листва – вновь зазеленеть. Вода в лужах кипела, зал с открытыми окнами поглощала беспроектная слепая темнота, а однажды иней покрыл всю комнату Фри при пробуждении.

Вот так она жила в последнее время: в постоянном страхе, что кто-то заметит эти странные силы. Глупая неумелая девочка, которая так и не научилась манипулировать Вселенной – и теперь меняла ее против своей воли. Фри даже не чувствовала, что тратит на это эфир. Другие могли ослабеть от запуска больших манипуляций, выпасть из строя на день-

два. Но не она. И это пугало Фри еще больше.

Она страшилась своих сил. В ее голове все еще скользили мертвые рыбы. Кто знает, ограничатся ли ее способности лишь этим? Фри ничего не ведала о них и никак не могла совладать с ними. Девушка волновалась за всех, кто ее окружал, а не только за себя.

– *Да уж, да уж...* – услышала она разочарованные вздохи Павла. – *С этим нам придется поработать...*

Он в замешательстве смотрел на нарисованную Фри манипуляцию и тер затылок, раздумывая над возникшей перед ним проблемой.

А она была проста: его ученица, избранный протектор, не могла манипулировать Вселенной.

Фри наблюдала за этим словно со стороны: она видела вечерний пустой пирс, волны рокочущей реки и лес, шумевший по ту сторону. Павел совсем недавно лишился второго глаза, хотя уже смирился, был, как всегда, весел и снисходителен ко всему. А вот Фри – та, из прошлого, стриженная под каре – сидела на низкой каменной ограде и с убийственным непониманием глядела на идеально начертанную манипуляцию. Уже тогда она начала понимать, что с ней не совсем всё в порядке. Фри раз за разом призывала Свет, приказывала ему войти в реакцию с кровью в надписях, обращала все свои мысли на искажение материи, но ничего. Никогда не получалось.

Павел шумно выдохнул и покачал головой, пытаясь пока-

зять ободряющую улыбку.

– *Что ж, неплохая попытка, а?* – неуверенно усмехнулся он и тут же напрягся, заметив слезы обиды на глазах Фри. – *Эй, а ну не вешай нос!*

– *В чем моя проблема? Я же стараюсь! Я делаю все правильно!*

Павел потрепал ее по плечу.

– *Приходится признать, что иногда, даже когда мы вкладываем тонны сил во что-то, ничего не выходит. Это просто зависит не от нас, и корить себя ни в коем случае не надо. Понимаешь? Ты делаешь такие огромные успехи с оружием, один твой самоубийственный финт с тем кандидатом вообще казался безумием, а ты так ловко с ним расправилась! Но ты не виновата, что твой эфир перенес такую травму. Это не твои ошибки, Фри. Поверь мне, я много ошибался и знаю, как личные проколы выглядят на самом деле. Я в этом непревзойденный мастер.*

Фри шмыгнула носом и старательно утерла лицо рукавом.

– *Они смотрят на меня как на уродца. Думают, что я бесполезная.*

– *С этим я бы поспорил.*

– *Но так и есть! Может, я всегда была такой, а? Когда взглядываюсь в зеркало, я не знаю, кто я такая, – призналась она и тут же прикусила язык. Сболтнула лишнего. Но Фри не смогла удержаться, настолько доверяла Павлу. – Я вижу незнакомку, себя из прошлого. Ту, которую Вселен-*

ная захотела стереть, понимаешь? А я не хочу быть слабой и ненужной, как она. Не хочу иметь с ней ничего общего.

Павел хмуро склонил голову набок.

– Если тебе это так важно, то поменяй в себе что-нибудь. Стиль одежды, например. Не знаю, волосы отрежь? Или покрась. Ты здесь среди своих, чувствуй себя свободно! И будь кем хочешь. – Он рассмеялся. – *Тебе бы пошел фиолетовый.*

На это Фри неуверенно улыбнулась. Какое странное предложение.

– Но если я никогда не смогу манипулировать? Или призывать оружие? Что я смогу сделать для общего дела?

– Ты сможешь сделать всё, на что способна. И даже больше и лучше остальных. Просто своим путем. Не убивайся так. Мы найдем для тебя другой способ.

Фри смотрела на эту сцену, и в груди разливалась теплота. Павел очень поддерживал ее на первых порах. Заставил тренироваться в ближнем бою, спуску не давал. Возможно, только благодаря его урокам она до сих пор жива. И, вопреки его прогнозам, Фри все же начала манипулировать. Непостоянно, тяжело, но она смогла.

Но эта травма, о которой говорил Павел, – та самая, уничтожившая ее память подчистую. Фри сконцентрировалась на ней изо всех сил. Цеплялась за ощущения и образы, ведь именно они вели к той самой заросшей трещине в ее душе.

– Фри... – вдруг зашелестело в мыслях. Прямо как при

пробуждении после потери памяти. Странное глупое имя свободы, за которое она зацепилась, как за якорь. – *Фри...*

Хранители. Фри давно помнила их черно-белый образ, хоть и не могла связать его ни с чем увиденным. Но он ее пугал и вгонял в оцепенение. Почему? Этот вопрос она задавала себе так часто, что уже перестала обращать на него внимание. Пока эти два абсолютно одинаковых лица не вышли из тумана памяти, не собрались в четкий образ, хищно улыбающийся и пожирающий. Фри помнила ворота, старые образы черно-белых цепей, которые перекрывали темные каменные створки, не давая им открыться. И вот теперь ворота свободны, но всё еще закрыты. Фри же видела цепи в прошлое пребывание здесь, так куда они делись? И когда? Было ли их исчезновение причиной всех странных вещей, которые теперь с ней творились?

Она догадывалась об ответе. И вглядывалась в черно-белые глаза. Единственный осколок уничтоженной жизни.

Они смеялись

– *Пока что тебе лучше не привлекать к себе внимание, правда?* – спросил один из них.

– *Так будет безопаснее. Для тебя же. Ты ведь ничего еще не умеешь, не понимаешь,* – весело промурлыкал второй.

Что они сделали с ней? Зачем? Фри пыталась стать меньше, еще незаметнее, скрыться от всепроникающего взора. Каким же тяжелым он был!

– *Ты даже не представляешь, какие свершения тебя*

ждут.

– Мы проследим за этим.

– Мы проследим за всем, – говорили они оба тогда в далеком прошлом. В обстановке, которую Фри никак не могла вспомнить.

Она крепко зажмурилась и закрыла уши руками, лишь бы отбиться от настойчивого звона. Но он превратился в их голос, насильно вдолбленный в голову.

– А когда ты будешь готова – найди нас.

– По ту сторону жизни.

– По ту сторону смерти.

– Мы будем посреди.

– Если осмелишься.

– Мы поможем.

– Вопросом.

– Ответом.

– Советом.

Хранители хохотали и проникали в темноту опущенных век. Их смех сотрясал мысли, само бытие, делая Фри еще крохотнее, мелкой пылинкой на их жизненном пути.

Все громче, громче.

Фри испуганно распахнула глаза, чувствуя, что ее сердце вот-вот треснет от напряжения, и с удивлением уставилась на шары света под потолком. Она тяжело вбирала в себя воздух, стараясь успокоиться, дергано переводила глаза с места на место, пока не увидела Нерман.

– А ты быстро, – констатировала та. – Нашла что искала? Фри не хватило сил ей ответить. Девушка погребла к краю, быстро оделась, все еще путаясь в мыслях.

– Спасибо, – просипела она планетарше.

Нерман устало закрыла глаза и махнула рукой.

– Обращайся. Только предупреждай заранее. А теперь проваливайте оба.

Фри поспешила к выходу, с ее волос слетали светящиеся капли вещества. Она схватила задремавшего на диване Дана и потащила того к выходу. Он попрощался через плечо с Нерман и изумленно уставился на Фри. Оказавшись за воротами ограды, они остановились, и протекторша перевела дух. Мозги начали вставать на место, она обрабатывала новую информацию.

– Фри, прости, но мне нужно спросить, – произнес Дан, осторожно глядя на нее. – Ты пытаешься узнать про свое прошлое до протекторов?

– Да, – выдохнула она. – Да, именно.

– О! Думаешь, это полезно? Я не против, но мне так странно, ведь ты всегда заявляла, что не хочешь связываться с собой из той жизни.

– А я и не хочу.

Она хотела встретиться с кем-то другим, задать им вопросы. Теперь Фри была уверена в этом. Она не сошла с ума. Хранители существовали. И они ее ждали.

Глава XII

В глубинах горизонта

Зербраг уже десяток наомов вспоминал последнюю встречу с Алеей Памятной ат Рух. Да, он не любил магно-генумы. Но к Рух испытывал некое подобие уважения и даже почтения. Алеа – невысокая эквилибрумша, но изящная и статная, строгая в каждом своем проявлении, с завязанными в аккуратный пучок белыми волосами. На лбу запечатлен черный глаз, от которого отходили две линии, тянущиеся вниз через настоящие глаза. Рух были главным генумом в префектуре Шталь, основателями учения Горизонтных путей об изучении вариаций времени и судьбы, адептами которого являлись многие жители префектуры.

Этот генум давал самые ясные сведения о неизменном, но таком расплывчатом будущем.

– Временной горизонт – это не инфора, которую можно прочитать, – твердо напоминала Алеа каждый раз, когда Зербраг просил большего. – Это бурная река, по которой тебя несет. Жизнь в целом – неупорядоченный хаос, и ты имеешь глупость требовать иного от будущего?

Если бы хоть кто-то мог слаженно ведать о будущем, возможно, Войну удалось бы закончить еще десяток эр назад.

– Атлас Горизонтов было возможно прочесть, – парировал Зербраг.

– Атлас Горизонтов растворился в вечности, как и всякое древнее наследие, став легендой. Но ты можешь попробовать отыскать его в одном из своих следующих безумных походов.

В тот раз, как и всякий до этого, Алеа раскладывала армиллярные карты из толстой колоды. Сами по себе карты не предсказывали будущее, просто были одним из многочисленных способов концентрации для сказителей временного горизонта. Впрочем, ничего не могло быть предсказано точно. Разглядеть конкретные события в слоях мелких вероятностей не мог никто. Образы, отголоски, секунды ясности – ничего более. Чем лучше сказитель, тем точнее и объемнее его интерпретация увиденного. Да, горизонт будущего был един, будущее – фаталистично предрешено, но лишь по той причине, что в нем обитали малые и большие вероятности. Время шло, мчалось вперед разрушительной стихией, и развернуть его в другом направлении могли лишь те самые малые вероятности на изломах судьбы. Зербраг полагал, что знание о них порой меняло ход истории. Только сильные души могли отбирать право на волю у фатума. А в геноме Рух рождались одни из лучших сказителей, способные рассказать ему о самых незаметных из троп грядущего.

Зербраг вытягивал карты с плавно двигающимися иллюстрациями, а Юферия стояла в тени, запоминая каждое изреченное Алеей слово. Последней картой, упавшей на стол, был «Щит» – центурион вскидывал его к пылающему небу.

Как и всегда, Алеа сообщила немного. Зербраг не знал, правда ли ее видения были столь скудны, или же Рух имели правило не разглашать судьбоносные события, которые можно изменить, заведомо зная о них. Алеа сказала, что Антарес его ослабит, сошлет как можно дальше от Люксоруса. Но сопротивляться этому не стоит. Если он проведет там достаточно долго времени, то найдет ключ к своим вопросам.

– Вы всегда столь трепетно относитесь к предсказаниям, – сказала ему Юферия, когда они вернулись в дом Зербрага после собрания Паладинов. – Но ведь сами всегда говорите, что временной горизонт – опасная вещь.

– Опасная в руках дураков и дилетантов, которые неправильно трактуют увиденное. Но не Рух.

– Это все равно скорее смотрится как способ успокоения.

– Даже если и так. Свою судьбу я по-прежнему вершу сам.

Они спустились в подвал поместья. Путь туда шел через транзитный круг, спрятанный манипуляциями. На другой стороне они услышали крики, градом отражавшиеся от каменных стен.

Зербраг медленно прошествовал в отдаленное мрачное помещение, с ровным сердцем осматривая залитый серебром пол.

– Сколько это уже длится?

– Четыре зомы, луц⁶, – отозвался сидящий на стуле Шелтур Надлом ат Белзирак. Оранжевый спектр, одетый в тем-

⁶ 1 зом – ок. 1,5 часов.

ную робу, с недовольством глядящий на скованную звезду. – Прошу прощения, мы не думали, что все так затянется.

– Может, нам использовать зеркальную темницу? – спросил Тэт, белая комета. – Все-таки это действеннее. И чище.

– Нет, – отрезал Зербраг, подходя ближе, пачкая длинную накидку в крови. – Темница страшнее, но вы не сможете ее контролировать.

В помещении было холодно, стены покрывал иней. Пусто и тихо, лишь тягостное дыхание плененной звезды желтого спектра. Возможно, она была красивой. Когда-то. Но не после того, как над ней поработал Шелтур. Не после того, как Тэт быстро восстановил ее ткани, из-за чего они срастались неправильно и уродливо.

Шелтур щелкнул пальцами. Правое запястье взорвалось, кровь и ошметки мелкой пылью разлетелись во все стороны. Звезда снова надрывно закричала, голос ее уже заметно охрип. Пока она стонала, пытаясь прийти в себя, Тэт призывал все свои кометные способности, вновь создавая руку. Для правильного восстановления требовалось несколько цеберов, но никак не пара секунд. Вперед тянулись кости, увлекая за собой мышцы и кожу. Кисть была пятнистой, изуродованной, с неправильным количеством и расположением пальцев, длинными изогнутыми суставами, словно бы переломанными в куче мест. Остальные конечности звезды смотрелись не лучше.

– Поразительно, – промолвил Зербраг, наклоняясь к

ней. – Шелтур – образцовый воин пыточного отряда восьмого легиона. Он быстрее склонял к сотрудничеству грязь намного сильнее тебя. – Она подняла единственный незаплавший глаз, полный ненависти, на что Паладин холодно прищурился. – У меня нет к тебе сантиментов, ты сама избрала свой путь, раз стала главным комендантом «Белого луча» на Терре. Я милостив к душам, преданным Армии Света, если они исполняют свой долг как надо. Тараре Дикая Пропасть, может, ты хотя бы сейчас ей послужишь? Попытаешься искупить свои грехи перед всеми нами? Мне нужны лишь подробности произошедшего с Антаресом на Терре.

– Даже Обливиону от тебя нечего будет взять, – прохрипела она, сплевывая кровь прямо ему в лицо. – Души в тебе давно не осталось...

Спокойно утерев рукавом серебряные брызги, он отошел. Шелтур на всякий случай взорвал ей предплечье.

– Луц, я так понимаю, вам надо поскорее? – уклончиво спросил он под яростные вопли. – Мы тут, похоже, можем до следующего празднества Этерниады сидеть. Не знаю, как их закаляет «Белый луч», но прошлый выходец оттуда предпочитал откусывать себе язык раз за разом. Похоже, Мастерица Душ действительно пугает их больше, чем мы!

Зербраг помрачнел. Тараре продолжала сверлить его глазом, словно могла убить лишь этим. В тишине он слышал, как кровь капала в лужу, напоминая бой военного марша.

– Тогда зеркальная темница.

– Ну наконец-то, – облегченно выдохнул Тэт, запрокидывая голову к потолку.

Зербраг отвернулся и направился к выходу.

– Мне не так важен срок. Я отбываю в предельную префектуру и, когда вернусь, не имею представления. Возможно, это займет эллеры, может, целые талидоны, кто знает? А может, и вообще не вернусь⁷ – в сложившихся обстоятельствах. Пока что держите ее там. Надеюсь, это не сломает ее до конца.

– Стой, нет! – испуганно воскликнула Тараре. – Не надо!

Снова хлопок разорванной плоти и ее крик.

– Протектор! Он жив!

Зербраг замер.

– Официальное заявление Антареса Непогасимого гласило: приземленный монструм умер после разделения душ.

– Нет... – простонала Тараре, едва сдерживая слезы. Ее трясло. Тэт старательно залечивал ступню. – Люм-мен-про-про-протектор. Его зовут Максимус Луцем. Он жив. Поллукс говорил мне об этом.

– С чего я должен тебе верить?

– Это правда! Спросите у Поллукса! Он б-был там! Это он хранил осколок Антареса! Он вам все рас-скажет!

– Луц? – прервала недолгую тишину Юферия.

Зербраг продолжал напряженно думать.

⁷ 1 талидон – ок. 10 лет.

– Избавьтесь от нее, – бросил он, уходя. – Отправьте по дальнейшему пути. Она послужила Свету.

Шелтур только пожал плечами, вынимая кинжал из мрачного золота и иглу для отсечения эфирного сердца.

Глава XIII

Посредственный и неполноценный

– Слушай, звездный мальчик, – вкрадчиво начала Ламия. – Правильно ли я понимаю, что ты утратил последнюю клетку головного мозга, решив пойти к падшим?

– Но ведь без этого мы бы не получили сведений, – парировал я. – Да и когда это ты стала голосом разума?

– Туше.

Она копалась в записях, нахмутив лоб. Мы находились в ее комнате вместе с Даном и Стефаном, которого сутки назад выпустили из Лазарета. И если Волк терпеливо восседал в кресле, потягивая чай, то Стеф нервно ходил туда-сюда, с трудом минуя завалы бумаг. Он достал пачку сигарет.

– Здесь курить нельзя, – буркнула Ламия, даже не оборачиваясь.

Он нехотя ее послушался, и ворчания переросли в вопрос.

– Так ты сможешь эту фиговину перевести?

– А у меня есть выбор? – Она наконец посмотрела на него с явным вызовом. – Конечно же, нет, поэтому придется.

– Быстро?

– Охлади пыл, – посоветовал ему Дан, вальяжно отпивая из чашки. – Если Шакара захотела что-то утаить, то так просто шифр мы не взломаем. С одной стороны, может, оно и к лучшему? Хотим ли мы этого касаться?

– Ты совсем наглухо отбитый? – резко ответил Стеф. – У нас тут, как выяснилось, бегают падший со свистящей флягой и крошит людей. Расщепляет гребаное пространство! И ты не хочешь искать информацию о том, что с ним происходит?

– Я просто считаю, что к любому взаимодействию с падшими необходимо относиться с максимальной настороженностью. Она вообще никогда не помешает.

Я оперся рукой о рабочий стол Ламии и со скепсисом сказал:

– Дан, помнишь, как ты вломился к ним без всякого плана, просто так, на чистом энтузиазме, – и застрял?

– Но ведь с максимальной настороженностью!

– Кстати да, было дело, – сказал Стефан, кивая. – Так что завались. На тебя наложен мораторий по решению проблем с падшими после того случая.

– Почему это?

– Потому что рожу твою оттуда доставали с адским геморроем!

– Будьте добры заткнуться! – воскликнула Ламия, хлопнув рукой по бумагам. – Или выйдите с глаз долой, во имя всего светлого! Отвлекаете!

– Прошу прощения, – ответил Дан. – Я просто и вел к тому, что добра от падших ждать никогда не стоит. Скорее всего, Шакара и сейчас пытается нами манипулировать и...

Меня пробрало до мурашек.

«Монстр, монстр...»

– Нет, – решительно заявил я, отходя к окну. Из приоткрытой двери едва надувало свежим воздухом. – Ты ее не видел. Похоже... С ней полностью покончено.

– С чего ты решил? Она чрезвычайно умна, и, возможно, в ней даже присутствуют театральные таланты. Кто знает, что на этот раз ей...

– Дан, у нее крыша поехала! Грей ей душу выпотрошил, понимаешь? Чертовой Шакаре. Той самой, которая тут всех столетиями запугивала. Самой умной избраннице звезд. Даже она не смогла себя уберечь от него, а теперь этот монстр ходит по Земле и уничтожает людей! Не знаю, как ты, а я хочу понять, что с ним происходит. И как его убить.

Я глубоко вздохнул, вспомнив, что остальные протекторы сейчас рыли вообще не в том направлении. Мы так решили – не говорить им о падших и Грее, пока не обнаружим в документах полезной информации. Паскаль... да даже Коул могли среагировать на контакт с предателями остро, а лишние разбирательства тратили наше и без того малое время.

– А что остальные? Нашли что-нибудь?

– Отряды проверили все отмеченные Рамоной места. – Дан раздраженно свел брови и постукивал пальцами по подлокотнику. – Она не врала. Везде аннигилированные кратеры.

– Тебя это не радует, – отметил Стефан. – Хотел, чтобы всё оказалось враками?

– Я просто не слишком ей доверяю. Но это мое право, к де-

ду никак не относящееся. – Он помолчал. – Протекторы сейчас собирают данные со всех установленных Рамоной мест. Саму ее не пригласили подключиться к расследованию. Коул тоже ей не слишком доверяет, да она и не расстроилась. А еще они... как бы это сказать... Думают, как всё преподнести Сириусу.

– А в чем затруднение? – удивилась Ламия. – Просто идем и говорим как есть.

Тут я и Дан нервно рассмеялись.

– Нет, – закачал головой я.

– Совершенно нет, – подтвердил он.

– Он на говно изойдет, если хоть что-то выйдет за пределы его идеальной картины мира, – кивнул Стеф. – На такое недетское говно, скажем прямо. Если идти к Сириусу с паршивыми новостями, то нужны железобетонные факты, чтобы он начал с нами сотрудничать. А то скажет, что мы и сами в этом можем разобраться без великой и священной помощи со стороны звезд. И это так он воспринимает свои чертовы подсказки.

– Короче, все выйдет как год назад. – Я сложил руки на груди, подпирая спиной стенку. – Когда на нас свалилась пара темных планетаров, собиравших души для манипуляций, а Сириус был уверен, что мы плохо работаем, и мы позволили сплитам совсем распоясаться.

– А, ну если так, – неуверенно протянула она. – Да, не хотелось бы, чтобы, как тогда, погибли десяток адьютов...

– У нас уже пять тысяч человеческих душ отошли в мир иной, а то и хуже. Потому давайте решать проблемы, пока их не стало больше. Что ты в итоге можешь сказать по бумагам?

– Смогу перевести. Падшие достали верные ключи к расшифровке, мне лишь нужен словарь с языком префектуры Саргара, Шакара частично использовала его.

– Успеешь за две недели?

– Две? Макс, тут работы – целый поезд и тележка.

– Но ты мне смогла за пару часов душу переселить в другое тело и обратно, а с переводом не выйдет даже за такое время?

– Душу я пересаживала, основываясь на теориях эквилибрумов, у них эти операции описаны! А здесь нечто совершенно новое, работа с огромными объемами информации! Практики у меня мало. Спрошу помощи у Козерога, вдруг она со своим техотделом сможет что-то придумать...

– Не нужно тревожить Кимико. – Дан поднялся с места и поправил пиджак. – Я помогу. Мне уже доводилось иметь дело с кучей переводов еще при земной жизни. Иностранные языки, тем более заоблачные, – та еще скука и морока, но кто сделает эту работу лучше меня?

– Да кто угодно, – пренебрежительно буркнул Стефан, оказавшись рядом со мной.

– Не будь таким скептиком, Стефано, – улыбнулся ему Волк. – Мне не нравится мысль работать с информацией от

падших, но хоть пригляжу за происходящим. Потому что в случае провала нам без эквилибрумов разобраться не удастся. А заоблачное панство вряд ли будет в восторге от того, что мы опять заставляем их вмешиваться в наши дела. Еще сочтут нас проблемными, кому это надо? То Антарес, то уничтожающий пространство фрик.

– Ладно, оставайся и помогай, только хватит помпезничать, – покривилась Ламия и махнула мне. – Я через пару дней приду к тебе с первыми отрывками перевода. А пока проваливайте.

Спускаясь по лестнице, Стефан задержался.

– Ты видел ее душу? Шакары.

Я неуверенно кивнул пару раз.

– Она вдребезги. Чем бы Грей ни стал, он свел ее с ума основательно.

Неожиданно Стефан усмехнулся.

– Ну хоть одной проблемой меньше. Она была их главарем, защищала, создала базы. Без Шакары остальные падшие – ничто. Они переругаются, разбегутся и попадутся нам. Их вместе больше ничего не удержит. Понимаешь это? Черт побери, да это же конец эпохи. Нам больше не нужно думать о падших! Никаких подлянок от них! Надо отпраздновать.

Падшие убивали протекторов – из самозащиты или по одним им ведомым гнусным причинам. Долго укрываться в одиночку они не могли и лишь вместе с остальными были реальной силой и угрозой нам, пускай и в таком смехотвор-

ном количестве. И всем заправляла она – Шакара. Та, чье упоминание вызывало озноб не только у меня, но и у всякого иного протектора. Ученая, давно потерявшая берега в своих опытах над Светом и Тьмой. Ее процедуры вышли за грани человечности. Она являлась гением, сомнений нет. По сути, остальные падшие не были ей так жизненно необходимы, как она им. Для нее другие представлялись рабочими пчелами, они выполняли ее поручения, она же своим умом и навыками обеспечивала им защиту от нас. Так и работал симбиоз падших. Не думаю, что протекторы были страшны самой Шакаре, и вряд ли она видела нас иначе, кроме как подопытных кроликах. Я и сам оказался таким же для нее, воспоминание не из лучших, до сих пор внутренности скручивало. Если бы не Дан, эта ведьма из меня все соки бы выжала. Он пришел вовремя, спас, за что я был ему по гроб жизни благодарен.

Я осознал, что Стеф был прав. Все закончилось. По крайней мере, будет не так страшно.

И все же...

– Думаешь это хорошее время для такого?

– Конечно. Мир горит в огне. Когда, если не сейчас?

– Но ведь это все как-то... – Я все не мог подобрать подходящего слова, чтобы выразить свои сомнения.

– Что?

– Слишком просто. Шакара. Она выбыла из строя так легко, хотя была протекторам страшнейшим врагом тысяче-

тиями. Такое чувство, что и разделаться с ней обязаны были мы. А она просто... исчезла.

Стефан, казалось, понял, о чем я, и даже помрачнел.

– Возможно. Но если Шакара пала так легко, то лучше озаботиться тем, что оказалось сильнее нее.

* * *

Ржаное поле. Я уверенно шел по нему, даже не обращая внимания на трещины под ногами. Они паутиной испещряли землю, откалывая от нее мелкие куски, унося их прочь в ярчайшую бесконечность.

Впереди маяк. Он еще не начал разваливаться, лишь мелкие части пылью утекали в небо. Черная клякса на фоне полных света небес. В этот раз – никакого плача или криков о помощи.

Зато наконец появился ее образ.

Нечеткий, мерцающий и будто ускользающий во все стороны разом. Но это была Сара. У меня перехватило дыхание, я остановился. Вокруг стоял гул.

Она смотрела на меня абсолютно пустыми глазами.

– Оно идет, – сказала она. – Совсем близко, я чувствую.

– Я помогу, – в сердцах пообещал я. – Продержись еще немного, я найду путь к тебе!

– Поторопись... Пожалуйста, времени так мало. Оно здесь. Оно ищет.

И тогда бесконечность уставилась на меня огромным зеленым глазом, кажущимся планетой, застилавшей половину небес. Моя душа сотрясалась и была готова треснуть на части. Безотрывный и пристальный взгляд самого мироздания. И Сара. Совсем одна под ним.

– Максимум! – донесся до меня ее угасающий крик.

Он перерос в громкие щелчки.

– *Максимум!*

Сириус строго глядел на меня со своего места. Я снова отвлекся.

На редких уроках, которые он сам назначал, когда ему вздумается, я должен был полностью сосредотачиваться на его словах. Потому эквилибрум скорчил недовольную гримасу, заметив, что я ушел в свои мысли, и в который раз по-зерски щелкнул пальцами.

– Побольше вовлеченности, – приказал он.

Выносить его самодовольную рожу было делом непростым, но я промолчал и угрюмо уставился в ответ. После очередного задания поспал немного – всего сутки. Оттого снова чувствовал себя помятым и жаждущим закинуться десятком кружек кофе. Последний сон с Сарой не давал покоя. Мне требовалось его обдумать и как можно скорее решить, что делать, а не сидеть тут, на очередном бесполезном занятии.

Мы встречались в кабинете посла, под блеском и тиком всяких заоблачных инструментов, громоздившихся на полках вместе с инфорами. И расположились на двух мягких ку-

шетках друг напротив друга. Сириус избавился от плаща, сидел по-турецки с настолько прямой спиной, что мой позвоночник болел при взгляде на него. Я был вынужден принять почти то же положение, только более искривленное, подперев голову кулаком. А еще по правилам нужно было снять звезду-подвеску. Я обязался быть настоящим на встречах с ним, без всяких сокрытий.

Сириус смиренно вздохнул, оглядывая меня, и будто только ради галочки спросил:

– Тебя что-то беспокоит?

Я хотел отмахнуться, но помедлил.

– Есть ли мир... какая-то часть реальности, в которой души могут застрять?

– Ты о дальнейшем пути? Это сложный вопрос, ведь существует одна главенствующая теория, что дальнейший путь – место неопределенное и полностью сокрытое от нас. Даже величайшие умы Анимериума, как, например, светлейшие Белерик Ясноликий или Гвимаэра Одухотворенная, не могли постичь...

– Нет, я не про смерть. – Я поспешил оборвать его вдохновенные рассказы на корню. – Скорее, про ситуацию, когда тело все еще живо, но душа отделяется от него просто так. Как будто ее где-то удерживают.

Сириус пытливно уставился на меня, склоняя голову к плечу.

– Ты ведь не просто так интересуешься? Тебя беспокоит

та протекторша. Сира?

– Сара.

– Точно? Возможно, ты ошибаешься? Я был уверен, что...

– Точно, – бросил я.

– Что ж... В таком случае что же я могу тебе сказать? Ее обследовали даже лекари-эквивалибрумы, которые постоянно имеют дело с духовными недугами. И все равно ничего не нашли. Так что не в этом проблема. Возможно, ей просто нужно восстановить силы.

– Нет. Она их теряет. Просто уходит куда-то. Я... я видел это, Сириус. Она зовет меня на помощь.

– Зовет? – с неверием усмехнулся он. – И как же?

– Во сне. Я слышу ее душу.

– Думаю, тебя просто терзают кошмары от беспокойства за подругу. И тебе кажется, что ты можешь помочь. Но ей поможет только время. Я уверен в этом. В конце концов, Си... – заоблачник наткнулся на мой предостерегающий взгляд, – Сара не первая и не последняя, кто впадает в долгий сон от различных травм.

– И многим из них травмы наносил Гортрас? Сверхопасный, едва ли не темный бог.

Сириуса резко перекосило. Он натянул кислую улыбку.

– Не будем о нем, если ты не против. Ты же не против? И снова: даже Тьма не может выбросить душу за пределы реальности. Не волнуйся.

Я дернулся от его слов. Сириус только что косвенно при-

знал, что эти самые «пределы» существовали. Он что-то недоговаривал.

– Там хаос, – продолжил давить я. – Полное месиво света в небесах. И тысячи путей. Космос залит красками, и ее душа потеряна там. Она разрушается, это не ее мир...

– Довольно! – сердито оборвал он, удивив меня. Его глаза слегка озарились. – Хватит говорить о глупостях. Доверься лекарям и не смей строить даже предположений.

– А что? Это запрещено?

– Нет. Это глупо и неосмотрительно. – Обождав несколько секунд, Сириус все же закрыл глаза и смягчился. – Я передам твои догадки куда следует. Возможно, с этими сведениями лекари взглянут на ее случай по-другому.

Я стиснул зубы. Этого все равно было мало. Так чертовски мало.

– А теперь оставим это, – миролюбиво улыбнулся Сириус. – И продолжим урок.

Мои попытки задать другие вопросы он проигнорировал.

– Итак, – вымолвил заоблачник, смерив меня надменным взглядом. – Вернемся к теории. Ты уже знаешь о главных потоках эфира в телах звезд и протекторов и чем они различаются. Главные точки высвобождения Света мы тоже изучили...

– Да, – буркнул я, оборвав его, – и состояния, и отличие звезд от людей, и связь крови с эфиром, и все в таком духе. Когда мы уже дойдем до хоть какой-то практики?

– Ты всегда спешишь вперед, не понимая, что до цели не доберешься, пока верное время само не снизойдет до тебя.

– У меня нет времени.

– О, странно, а наш рабочий план говорит, что есть, – сказал Сириус, указывая на свой энергглас. – Тут все расписано на целые эллы вперед.

– Да в Обливион план. Уже полтора года я в таком состоянии. И до сих пор не умею управлять своими силами.

– Именно для этого мы теорию и учим.

– Я и без тебя ее знаю! Это же самые основы! В чем смысл прогонять их раз за разом, когда я не могу создать ни оружия, ни квинтэссенции?

– Мне кажется, ты сам ответил на свой вопрос. Раз ты такой умный и знаешь всю теорию, то почему до сих пор не смог создать квинтэссенции? – Сириус сделал глубокий вдох. – Позволь мне напомнить тебе, что это такое.

– Не надо... – вздрогнул я, но было уже поздно.

– Душа – пустой сосуд, пока ты не начнешь заполнять ее воспоминаниями, – заговорил он гордым менторским тоном. – Образы, запахи, звуки, эмоции. Чем ярче, тем они сильнее. Собираясь в душе, воспоминания создают эфир. Каждое воспоминание производит разное количество энергии, потому так важно быть в духовном равновесии с собой и искать мощные чувства в реальности. Ведь это сделает тебя более сильным и полезным для самого Света. Когда ты подобрал в себя достаточно памяти об окружающем мире, то

можешь на него влиять, исказить саму Вселенную манипуляциями или другими способами. При квинтэссенции душа прорывается в зримый мир. Естественно, слабые души не могут влиять на Вселенную. Воспоминания создают эфир, а он преображает реальность. И чем сильнее ты духовно, тем больше твоя квинтэссенция и тем более огромны и влиятельны твои манипуляции.

Меня корежило от его трепя, ведь я всё уже знал. А Сириус принимал меня за дурачка. Но все же один вопрос мне захотелось задать.

– Тогда почему те же звезды не равны по силе? Ведь порой белый спектр может быть сильнее красного.

– Спектр – личная шкала силы. У каждого резерв свой. Души ограничены по количеству созидания энергии. Иначе – Коллапс. О нем мы поговорим однажды. Как и об искусственных способах укрепления души, чтобы она могла дольше копить объемные воспоминания. Сейчас я не хочу слишком глубоко уходить в анималогию и стэллогию, тебе еще рано.

Я ничего не ответил, только задумчиво водил пальцем по ворсу кушетки. Сириус что-то вдохновенно щебетал на фоне, а меня вновь начали душиить старые вопросы.

– Тогда Антарес – это отклонение или исключение? – спросил я, перебивая заоблачника.

Тот запнулся и уставился на меня, даже не сразу подобрав слова.

– Что, прости? Как так можно рассуждать о светлейшем лице...

– Говорят, что его силы нетипичные. Что даже душа звезды не может выдерживать столько вырабатываемого эфира. Ее должно было разорвать. Антарес давным-давно был обязан пройти через Коллапс и перестать контролировать силы.

– Ты слишком юн, чтобы рассуждать о таком, – ответил он, проигнорировав мое недовольство от замечания. – Враги лица Антареса могут говорить и придумывать всё что угодно, дискредитирующее его образ. Но он – наш светоч и спаситель. Раньше бывали герои, наиболее близкие к Свету, которые приближались к Антаресу в силе, – те же светлейшие Верховные прошлого. Но сейчас – никого. Да, его душа воистину уникальна, на данный момент никто не способен создавать столько Света и влиять на Вселенную так заметно, как он. Антарес отстоял Люксорус, вернул Армии уверенность после того, как Верховный Нест Хрупкий едва не довел нас до нового Раскола Света. Мы верим в Антареса. У Вселенной для каждого имеется план.

– А по-вашему, ставить сильнейшего во главе целого Света – верное решение? Личные качества кандидата редко учитываются.

И снова Сириус посмотрел на меня как на наивного, недалекого ребенка.

– Это лучший гарант правителя. В конце концов каждая форма правления приходит к этому. Армии избрали такую

судьбу путем проб и ошибок, прошедших через целые Генезисы и магнориумы.

– И некоторые Верховные своей силой вели Армии к краху, – заметил я. – Как, например, темный Верховный Касланум Палач, перерезавший своих же Паладинов из недоверия.

– А чего еще ждать от темных? Они ужасны и настоящие варвары!

– А как же Тарт Расколота, Верховная Света?

– Ни одна система не идеальна, – парировал Сириус. – Сила, духовная сила – самый правильный путь. Душа, повидавшая так много от мира и прочувствовавшая его всем своим нутром. В самом начале, при эре Зарождения и эре Рабства, Свет жил монархией, где титул правителя передавался по генуму Прима – прямым потомкам Баэрдода Путеводного. Она выдержала всего девяносто четыре Верховных, пока династия не измельчала душой, подведя нас к первому Великому Расколу Света, наступившему сразу после эры Рабства. Когда Заэстус Алый Ветер ат Прима героически погиб в сражении с темными, только-только обретшими свободу, он оставил лишь юного наследника. Первый паладин Байро Разящий устроил переворот и стал Верховным. Он был сильнейшим на тот момент, а еще оказался великолепным воином и политиком. Именно ему пришлось держать всю систему стальной хваткой, отсекая конкурентов. Первый Великий Раскол было уже не остановить, но кровью и серебром он сохранил ядро Света среди разобщенных, расколотых префек-

тур.

– Но это же тирания, – нахмурился я.

– Да, и это плохо. Но после бунта темных и их освобождения Свет раскололся на множество мелких областей со своими правительствами. Кому-то нужно было исправить это любыми способами. А потом Армия распадалась еще семь раз за всю историю, и каждый из них приносил хаос и Тьму. Баланс процветания и упадка. Армия Света крошилась и после правления Тарт Расколотой, когда ее дети дрались за власть, и после гибели всех Паладинов при эпохе Золота и Серебра. Монархия возвращалась при династиях геноумов Левераль, Вермор, Орманстрад, Беульто, Джиззе, Хетедендис и Эш. Верховные отменялись на некоторое время, выдвигалась система общего Совета паладинов или даже целого Магистрата. И в конце концов решением всех проблем в самые критичные моменты оказывалась сильнейшая звезда. Символ, сплочающий Армию. История циклична, поэтому мы всегда возвращаемся к Верховным, меняющим мир вокруг себя по желанию, от силы которых дрожит сама материя Вселенной. Префекты и Имперумы вместе со своим Советом следят за их префектурами. Паладины – главные заместители Верховного, в основном властвующие над сражениями, но и в других сферах их мнение будет важнее слов простых магистров. А Магистрат выносит законодательные решения и может блокировать указы Верховного, если большая их часть окажется против. Мы учимся на ошибках

и имеем подстраховку даже в таких моментах. Но все равно Верховный – избранный Светом. Он – начало и конец, рассекающий Тьму луч, светоч каждого из наших путей. Мы обязаны идти за ним.

Я непонимающе закачал головой.

– Все говорит о том, что Свет приводит всех на те места, где мы будем наиболее ему полезны.

– Это так, – согласился Сириус.

– А что, если Верховный начнет вредить своей же Армии? Даже убивать? Это ведь случилось с Антаресом, когда он при Апогее сгубил свое войско. Из-за этого о нем пошли споры. Но что, если все происходит не случайно, как при Антаресе, а специально? Даже подстраховка в виде Магистрата не панацея. Такое ведь уже случалось и с другими Верховными.

Улыбка звезды стала холоднее.

– Тогда это значит, что Свет от них отвернулся.

Сразу за этим Сириус наконец обратил внимание, в каком скверном расположении духа я находился, и сделал из этого свои выводы.

– Всепроникающий Свет, я снова абсолютно бестактен, – выдал он, прикрывая глаза ладонью. – Максимус, надеюсь, ты понимаешь, что хоть эфир и передается по наследству, но быть столь же великим и сильным, как луц Антарес, ты никогда не сможешь. Скажу честно, и тебе нужно принять это: твоя полуприземленная природа делает тебя посредственным по способностям. Ты даже не имеешь полноценного

эфирного сердца для порождения хоть сколько-то весомых запасов светозарного огня...

– Что? – Я отстранился, ушам не веря. – Ты что вообще несешь?

– Ты никогда не будешь полноценным. И не станешь частью нашего мира. Хотя признаюсь, частью приземленного всецело тебе тоже не быть. И тебе сразу нужно это осознать. Лишь приняв свою природу, ты сможешь хоть сколько-то сосуществовать в мире с собой.

Уши заложило, остался настойчивый звон. Я глядел сквозь Сириуса, при этом чувствуя, как внутри что-то рвется. Я сам рвался и раскалывался. Как и всякий раз с тех пор, как очнулся в подворотне с Антаресом в душе.

Неполноценный. Больше никогда.

Не человек и не звезда. Просто никто. Уродство. У меня даже не было шанса найти свое место, стать кем-то, – зачем я вообще волновался? Все было предрешено еще при моем рождении. А возможно, и задолго до. Я чувствовал себя многократно перетертым огромными жерновами и выплюнутым куда-то подальше, довольствующимся тем фактом, что меня вообще оставили в живых.

Я не мог открыться протекторам. Не мог получить одобрения от звезд, натываясь лишь на их ледяной серебряный взор. В конце концов, даже Антарес – даже он, тот, кто сделал меня таким, – скрылся. Был где-то там, в своем мире, поручив меня здесь на попечение мелким подданным. Слов-

но я никак с ним не связан.

Бросил меня. Снова.

Совершенно один и ни на кого не похожий в целой чертовой Вселенной. Я не мог помочь Саре и другим. Ведь не был способен помочь даже себе.

– Максимус, – натянуто донеслось от Сириуса.

Вздвогнув, я только сейчас заметил, что вены в сжатых от злобы кулаках светились. Казалось, что еще немного – и с них сорвутся мелкие искры и даже пламя.

– Успокойся, – приказал заоблачник и помрачнел. – Иначе...

Внутри меня раздался треск.

– А иначе что? – сорвался я. – Накажешь меня? Отправишь в ссылку?

Я вскочил, продолжая распалиться. Впервые не хотелось успокаиваться, мне нравилось это чувство: как огонь бежит по венам, наполняя мышцы и кровь, иглами продирая сознание, обостряя каждое чувство.

– Это я, такой, какой есть! Ты пытаешься закрыть глаза на это, но я хренов заоблачник на целых пятьдесят процентов! И мне с этим нужно как-то жить. Я не могу запихнуть это подальше просто потому, что тебе так хочется, мать твою! Оно рвется из меня. Каждый день! Я не могу это скрывать, потому что ты не учишь *как!* Ты вообще ничего не делаешь, только треплешься и треплешься! И никак не можешь услышать, что с меня хватит! Я не могу так больше! Я...

– Прекращай! В последний раз предупреждаю.

– Нет! Ты...

Я получил удар под дых, едва договорив последнее слово. Казалось, легкие прилипли к позвоночнику, выбив весь кислород и душу. Меня отбросило к стене, где я и сполз на пол, натужно сиюсь сделать вдох и кашляя. Сквозь пелену виднелись голубые вихри светозарного огня, окружившие руки эквилибрума.

– Практики хочешь, значит? – угрожающе произнес он.

Сириус вышвырнул меня в помещение перед кабинетом, и, прежде чем я успел встать, он схватил меня за куртку и притянул лицом к себе. Никогда не видел его таким, с ледяной яростью в глазах.

– Будет тебе практика.

В голове загудело от удара, а от его огня зашипало скулу. Я откинулся назад, тотально дезориентированный, и с трудом встал на ноги. Из носа серебряными каплями на пол лилась кровь.

– Мне дали полную свободу в твоём обучении, – спокойно сказал заоблачник. – И успехов ты как не показывал, так и не показываешь. А таких сцен я не потерплю!

Где-то в глубине сознания я понимал, что не должен был так поступать – кричать и истерить, – но злоба захлестнула меня яркими потоками.

Я бросился на него, поджигая на руке пламя, но эквилибрум оказался быстрее. Он больно выкрутил мою руку до хру-

ста и опрокинул меня обратно на пол. Я кое-как вырвался и недолго думая метнул в Сириуса сноп светозарного огня, настолько здоровый, что сияние закрыло противника. Энергия с ревом бросилась к нему, но тут же была прорвана его атакой. Я не успел увернуться и отлетел от удара квинтэссенции Сириуса – выросшими из пола глыбами льда.

Только я хотел подняться, как он поставил ногу мне на грудь, а к горлу прижалось лезвие – изогнутое как серп и покрытое инеем.

– Ты не уподобишься своему отцу, – повторил он, продолжая прижимать ко мне меч. – Он больше тебя, больше нас всех. Он символ величия Армии, Свет карающий и Свет дарующий. А потому твоя задача – сидеть тихо. Научиться жить с новообретенными силами на этой планете, но не пользоваться ими. Я поставлен сюда учить тебя не сражаться, Максимус, а быть незаметным. И даже с этим ты справишься отвратительно.

– Пошел ты! – сквозь зубы зашипел я. – Это мои силы, и не тебе указывать, как мне ими пользоваться!

– Как раз мне, пока ты не принял своего положения. Тебя убьют или используют против Антареса Непогасимого. Не смей выдавать себя! Вот она, вся твоя приземленность! Индивидуализм! Это против всех наших устоев. Ты не думаешь об общем благе, о благе Света и всех, кто носит его в себе. Ты – опасное звено в цепи. Потому что слабое. Стоит хоть кому-то узнать о тебе, и нам всем конец!

Он испарил оружие и снова притянул меня ближе, шипя сквозь стиснутые челюсти:

– Так что будь добр, прекращай плакаться и выполняй то, что от тебя требуется, юный примум. Живи и делай все ради Армии. Найди свое место, будь там, где ты полезнее всего Свету. Будь кроток и тих. И тогда тебе воздастся.

Я затравленно глядел на него.

– Свету было бы полезнее, если бы меня не существовало.

Сириус вдруг притих и лишь тяжело смотрел на меня, но не отвечал. В помещении стало холодно.

В дверь постучали. Только тогда звезда отвлекся.

– Надевай подвеску. Живо.

Я рухнул обратно на пол, с трудом глотая воздух. Сириус терпеливо подождал, пока я натяну подвеску, и только затем, пригладив волосы, сказал:

– Войдите.

– Прошу прощения, что отвлекаю, – начал показавшийся в проеме Дан, – но вас вызывают на обзо... Вот черт, Макс, что с тобой случилось?

Он изумленно оглядывал меня, и только теперь я вспомнил, что у меня из носа хлестала кровь. Слава Свету, теперь она выглядела красной.

– Разошлись во мнениях, – сухо ответил ему Сириус. – Так что ты говорил? Протекторы хотят меня видеть? По какому поводу?

– По очень важному, – лаконично сообщил Дан. – Вас

ждут на обзорной площадке одиннадцатого этажа.

Сириус вскинул подбородок и надменно фыркнул:

– Ждут, значит? Что ж. Пускай. Передай, что я скоро прибуду. А пока заberi с собой Стрельца, ему нужно многое обдумать.

Как только дверь за нами закрылась, Дан подал мне белый платок. Я даже не стал задаваться вопросом, почему он вообще его носит – в наше-то время. Ответ на всё один: это же Дан.

– Спасибо, – промычал я, зажимая нос.

Сил вообще не осталось, я чувствовал себя полностью убитым. И дрожал как после долгого марафона. Друг это, конечно же, заметил.

– Поделиться не желаешь?

– Я выразил недовольство его манерой вести учет всего. Сириус очень обиделся. Крайне чувствителен к критике.

– И всего-то? За это тебе прилетело?

– Это же чертов заоблачник, что ты от него хочешь? – Я шмыгнул. – Так, а что происходит? Мы собрались рассказать ему обо всем?

– Да! Приглашены лишь Тринадцать, что я, естественно, считаю огромной несправедливостью и плевком в мою сторону, но что поделать. Зато ты можешь пойти. Перевода документов у нас пока почти нет, Коул будет говорить только то, что вызнали другие. Надеюсь, этого хватит, чтобы Сириус зашевелился.

Глава XIV

И разверзлись небеса

Зная расторопность Сириуса, я счел, что времени до собрания у меня было еще достаточно. Потому первым же делом направился в Манипуляционную, потеряв Дана где-то по дороге.

Уже на подходе я услышал крики. Кто-то яростно ругался, переходя на личности каждого в семейном древе оппонента. Финальным аккордом нечто громко расколотилось, и стоило надеяться, что не о чью-то голову.

В коридор, чуть не сорвав двери с петель, вырвалась низкорослая протекторша, держа под мышкой ворох скрученных чертежей и толстую папку.

– Да и подавись своими расчетами! – прокричала она на прощание.

– Когда твой пепел закатают в урну, я его отправлю в слив! – рассерженно отозвался Тисус.

Козерог вовремя отскочила в сторону от меня, хотя вполне могла протаранить, изувечить и даже не заметить.

– Там... – начал было я, но Кимико даже не остановилась.

– Я тебе глаза выжгу, – змеей прошипела она, тыкая мне в лицо двумя пальцами.

Я растерянно смотрел ей вслед, еще слыша едкие ругательства дальше по коридору. Что ж, вышло даже мило. По

сути, она так и здоровалась.

Учитывая столь яркий перформанс, я не сразу решился заглянуть в Манипуляционную, но, не уловив оттуда ни звука, толкнул скрипучую резную створку.

Стоило зайти в просторное помещение, как тут же до меня донеслось тихое бормотание Ламии. Она стояла у стены, часть которой была обращена в черную доску, и выводила на ней круги светом. Пунктирные линии, кольца со спиральями и стрелками казались орбитами, космическими картами. Чуть в стороне в беспорядке сияли манипуляционные уравнения.

– Не так, – тихо бормотала себе под нос Близнецы. – Лазарь, лазарь...

– Опять у вас тут драки ученых, а никого на них не приглашают? – спросил я, продолжая затыкать нос платком.

Ламия подскочила и изумленно уставилась на меня.

– Я чуть инфаркт не схватила! – воскликнула она, выдыхая. – Хоть бы постучался.

– Я стучал. И дверь скрипела. Вы ее, кстати, когда исправите? Вроде Манипуляционный отдел, работаете над изменениями реальности, а петли смазать не можете.

– Стучал? А... я снова заработалась.

– Тебя даже очередная потасовка между Кимико и Тисусом не отвлекла? – удивленно посмеялся я.

Ламия только отмахнулась:

– Они получают от этого свое специфическое удоволь-

ствие, я уже привыкла не замечать. Думаю, если бы они не выпускали друг на друга пар, с техотделом Кимико у нас было бы еще больше проблем.

– А чего она приходила?

– Я хотела передать ей кое-какие бумаги, но сказала, что сама зайду в техотдел. А она решила явиться в Манипуляционную лично, поговорить о новых разработках тех оборонительных полей от сплитов, про которые я рассказывала. И, разумеется, вышел Тисус, не мог же он сидеть у себя в закутке и молчать, – проворчала она. – Судя по всему, оба получили массу приятнейших эмоций.

Я покивал и посмотрел на ее записи.

– Давно ты эти круги тут рисуешь?

Она неловко закатала рукава рубашки и поглядела на доску.

– Эти каракули помогают думать, – пояснила Ламия мне. – Перевод... идет тяжело. Ты про это хотел узнать? И что у тебя с носом?

– Споткнулся. – Я быстро подошел ближе. – Сириус признал, что душа Сары могла попасть куда-то. Только подтвердил это косвенно.

Информация заметно оживила Ламию. Она даже спустила очки с макушки обратно на глаза.

– Ого. Ого! А вот это уже что-то. Разные теологические источники заоблачников говорят об иных слоях реальности. Похоже, стоит снова к ним обратиться.

– Сможешь сделать это побыстрее?

– Вечно тебе нужно всё да поскорее, – фыркнула она и тут же замялась, махнув на ту часть доски, где были выписаны кучи слов, половина из которых зачеркнута. – Я попробую, конечно, но сейчас вся голова занята этим. Все-таки ты сам четко пояснил, что вопрос с падшими острый. Но я сделаю что смогу, обещаю.

– Верю, – закивал я и оглядел ее укрытый бумагами стол. Одну из стопок прижимал толстый блокнот Ламии. – Столько всего навалилось, черт побери. Сны становятся всё мрачнее, Саре явно нужна помощь прямо сейчас. А Сириус только мешает. Как нам самим разобраться, я не понимаю. И перевод этот... Хоть что-то есть?

Ламия немедленно оказалась возле стола, вытащила из какой-то кучи проекционный лист, попутно уронив пару инфор, и сунула его мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.